

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Концепт:

ISSN 2541-8831



Философия, религия, культура

Москва, 2017, №1

Главный редактор:

Симонов-Вяземский Ю.П. – к.и.н., профессор, заведующий кафедрой мировой литературы и культуры МГИМО (Россия)

Заместители главного редактора:

Силантьева М.В. – д.филос.н., профессор кафедры философии МГИМО (Россия)

Афанасьева Н.Д. – к.пед.н., доцент, заведующая кафедрой русского языка МГИМО(Россия)

Шеф-редактор:

Мунтян М.А. – д.и.н., профессор, МГИМО (Россия)

Редакционный совет:

Симонов-Вяземский Ю. П. – к.и.н., профессор, председатель Редсовета (Россия)

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, профессор, академик РАН (Россия)

Силантьева М.В. – д.филос.н., профессор, МГИМО, зам. председателя Редсовета (Россия)

Афанасьева Н.Д. – к.пед.н., доцент, зам. председателя Редсовета (Россия)

Аляев Г.Е. – д.филос.н., профессор, Полтавский национальный технический университет им. Ю. Кондратюка

Гарза Т. – доктор философии, профессор, Университет штата Техас (США)

Гусейнов А.А. – д.филос.н., профессор, академик РАН (Россия)

Гуревич Т.М. – доктор культурологии, профессор, МГИМО (Россия)

Деретич И. – доктор философии, профессор, Белградский университет (Сербия)

Капилуччи С.М. – доктор философии, профессор, Римский университет (Италия)

Кирсанова Л.И. – доктор философских наук, профессор ДВФУ (Россия)

Колесников А.С. – д.филос.н., профессор, СПбГУ (г. Санкт-Петербург, Россия)

Маслин М.А. – д.филос.н., профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия)

Миронов В.В. – д.филос.н., профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, член-корреспондент РАН (Россия)

Мотрошилова Н.В. – д.филос.н., профессор, Институт философии РАН (Россия)

Мунтян М.А. – д.и.н., профессор, шеф-редактор (Россия)

Никольский А.С. – доктор философских наук, заведующий сектором философии культуры Института философии РАН (Москва)

Писманик М.Г. – д.филос.н., профессор Пермского ГИК (Россия)

Подберёзкин А.И. – д.и.н., профессор, Председатель диссертационного совета Д 209.002.09 (Россия)

Скворцов Я.Л. – к. социол.н., декан факультета международной журналистики МГИМО (Россия)

Тарасов Б.Н. – д.филос.н., профессор Литературного институт им. Горького (Россия)

Шахиди Мунира Зиядуллаевна – Глава Международного Фонда культуры им. З. Шахиди, профессор, Кембриджский университет (Великобритания)

Шестопад А.В. – д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой философии МГИМО (Россия)

Эвингтон А. – руководитель российских исследований колледжа Дэвидсон (Сев.Каролина, США)

Научный совет:

Алексахин А.Н. – д.филол.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия)

Арзуманов И.А. – доктор культурологии, профессор Иркутского госуниверситета (Россия)

Аринин Е.И. – д.филос.н., профессор Владимирского госуниверситета (Россия)

Братина Б. – доктор философии, профессор Белградского университета (Сербия)

Бернюкевич Т.В. – д.филос.н., профессор, Забайкальского госуниверситета (Россия)

Веденина Л.Г. – д.филол.н., профессор, МГИМО (Россия)

Воевода Е.В. – д.пед.н., профессор, МГИМО (Россия)

Глаголев В.С. – д.филос.н., профессор, МГИМО (Россия)

Долгов К.М. – д.филос.н., профессор, г.н.с. Института философии РАН (Россия)

Жбанкова Е.В. – д.и.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия)

Каргина И.Г. – д.социол.н., профессор кафедры социологии, начальник Управление учебно-организационной работы МГИМО (Россия)

Каменец А.В. – доктор культурологии, профессор, РГСУ (Россия)

Карелова Л.Б. – к.филос.н., профессор Института философии РАН (Россия)

Кнежевич Вишня – доктор философии, профессор Белградского университета (Сербия)

Лебедев С.Д. – к.филос.н., доцент Белгородского госуниверситета (Россия)

Лоевская М.М. – д.филол.наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия)

Островская Е.А. – д.социол.н., профессор, СПбГУ (Россия)

Семедов С.А. – д.филос.н., профессор РАНХиГС (Россия)

Соловей В.Д. – д.и.н., профессор, МГИМО МИД РФ (Россия)

Чугров С.В. – д.социол.н., главный редактор научного журнала «Полис» (Россия)

Шамшуринов В.И. – д.социол.н., профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия)

Редакция:

Мунтян М.А. – д.и.н., профессор, шеф-редактор; **Чупрова И.А.** – секретарь редакции;

Изотова Н.Н. – к.культурологии, доцент, редактор; **Коннов В.И.** – к.социол.н., доцент, редактор;

Жычева Е.С. – к.культурологии, редактор; **Чичина М.О.** – к.филол.н., доцент, редактор;

Чмырёва В.А. – к.и.н., редактор; **Волков Д.Е.** – дизайнер, верстальщик; **Заборников А.В.** – администратор сайта.

Federal state autonomous institution of higher education
«Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation»

Concept: philosophy, religion, culture

ISSN 2541-8831



Moscow, 2017, №1

Editor-in-Chief:

Simonov-Viazemsky Yu.P. – PhD (History), Professor, Head of the Department of the World Literature and Culture MGIMO University (Russia).

Deputy Editor-in-Chief:

Silantyeva V.V. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy MGIMO-University (Russia)

Afanasyeva N.D. – PhD (Pedagogical Sciences), Head of the Department of Russian Language MGIMO-University (Russia)

Editor-in-Charge:

Muntian M.A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, MGIMO-University (Russia)

Editorial Council:

Simonov-Viazemsky Yu.P. – PhD (History), Professor, Chairman of the Editorial Council.

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO-University, Academician of the RAS (Russia)

Silantyeva V.V. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Deputy Editor-in-Chief

Afanasyeva N.D. – PhD in Pedagogical Sciences, Deputy Editor-in-Chief (Russia)

Muntian M.A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Editor-in-Charge (Russia)

Alyayev G.E. – Doctor of Philosophy, professor, Poltava National Technical University Name Yu. Kondratyuk (Ukraine)

Garza M. – Doctor of Philosophy, Professor, University of Texas (USA)

Guseynov A.A. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Academician of the RAS (Russia)

Gurevich T.M. – Doctor of Culturology, Professor, MGIMO-University (Russia)

Deretich I. – Doctor of Philosophy, Professor, University of Belgrad (Serbia)

Kapilupy C.M. – Doctor of Philosophy, Professor, University of Rome (Italy)

Kirsanova L.I. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, DVFU (Russia)

Kolesnikov A.C. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, University of Saint Petersburg (Russia)

Maslin M.A. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Mironov V.V. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, corresponding member of RAS (Russia)

Motroshilova N.V. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Institut of Philosophy of RAS (Russia)

Nicholsky S.A. – Doctor of Philosophical Sciences, Head of the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy RAS

Pismannik M.G. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Perm State Institute of Culture (Russia)

Podberezhkin A.I. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of Center of Military-Political Studies, MGIMO-University (Russia)

Skvortsov Ya.L. – PhD (Sociology), Dean of Faculty of International Journalism, MGIMO-University (Russia)

Tarasov B.N. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Maxim Gorky Literature Institute (Russia)

Shahidi M.Z. – Head of Shahidi Cultural Foundation, professor of the Cantabrigian University (Great Britain)

Shestopal A.V. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Departement of Philosophy MGIMO-University (Russia)

Evington A. – Director of Russian Studies College Davidson (Karolina, USA)

Scientific Council:

Aleksahin A.N. – Doctor of Philological Sciences, Professor, MGIMO-University (Russia)

Arzumanov I.A. – Doctor of Culturology, Professor, University of Irkutsk (Russia)

Arinin E.I. – Doctor of Philological Sciences, Professor, University of Vladimir (Russia)

Bratina B. – Doctor of Philosophy, Professor, University of Belgrad (Serbia)

Berniukevich T.V. – Doctor of Philological Sciences, Professor, Zabaykalsky (Chita) University (Russia)

Vedenina L.G. – Doctor of Philological Sciences, Professor, MGIMO-University (Russia)

Voevoda E.V. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, MGIMO-University (Russia)

Glagolev V.S. – Doctor of Philological Sciences, Professor, MGIMO-University (Russia)

Dolgov K.M. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Institute of Philosophy RAS (Russia)

Zhbankova E.V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Kargina I.G. – Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology, Head of the Educational and Organizational Work of MGIMO (University) of the MFA of the Russian Federation (Moscow)

Kamenetz A.V. – Doctor of Culturology, Professor (Russia)

Karelova L.B. – PhD (Philosophy), Professor, Institute of Philosophy RAS (Russia)

Knegevich V. – Doctor of Philosophy, Professor, University of Belgrad (Serbia)

Lebedev C.D. – PhD (Philosophy), associatet-professor, University of Belgorod (Russia)

Loevskaya M.M. – Doctor of Philological Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Ostrovskaya E.A. – Doctor of Sociological Sciences, Professor, University of Saint-Petersburg (Russia)

Semedov S.A. – Doctor of Phylosophy, Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration of the Russian Federation (Russia)

Solovey V.D. – Doctor of Historical Sciences, Professor, MGIMO-University (Russia)

Chugrov C.V. – Doctor of Sociological Sciences, Chief Editor of «Polis» (Russia)

Shamshurin V.I. – Doctor of Sociological Sciences, Professor, University of Saint-Petersburg (Russia)

Editorial Staff

Muntian M.A. – Doctor of History, Professor, Editor-in-Charge; **Chuprova I.A.** – editorial secretary;

Izotova N.N. – PhD (Culturology), Editor; **Konnov V.I.** – PhD (Sociology), Editor;

Sichyova E.S. – PhD (Culturology), Editor; **Chmiryova V.A.** – PhD (History), Editor;

Volkov D.E. – Designer, Coder; **Zabornikov A.V.** – Site Administriator.

Содержание

Симонов-Вяземский Ю.П. Обращение к читателям	7
--	---

ФИЛОСОФИЯ

Силантьева М.В., Шестопад А.В. Антропологические и ценностные основания коммуникации: теоретические и прикладные аспекты»	11
Кирсанова Л.И. Слова внушают страх: террор и / или война.	24
Митина Н.Г. Дискурс будущего в практике реализации марксистской утопии	34

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Арзуманов И.А. Глобализационные аспекты этноконфессиональной политики стран Северо-Восточной Азии XX – начало XXI вв.	43
--	----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Кабахидзе Е.Л. Понимание как основа межкультурного диалога: психолингвистические и этносоциальные аспекты	56
---	----

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Аватков В.А., Павлова А.И. Особенности межкультурной коммуникации в Республике Турция	65
Гибелев И.В. Границы культурных множеств: конструирование и политическая реальность ...	76

ЛИНГВОКУЛЬТУРА

Афанасьева Н.Д. «Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя?»	87
Масленникова Е.М. Культурная спецификация текста: особенности переводимости и элиминирования	94

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Говар Н.А. Русская фортепианная культура XX столетия в аспекте некоторых проблем музыкального образования	106
Лызлова О.А. Русский музыкальный авангард начала XX века в современном культурном пространстве.....	118

ИСКУССТВО КАЛЛИГРАФИИ И НАУКА ЧТЕНИЯ

Куланина Е.М. Проблема сохранения традиций каллиграфии на Востоке и Западе	123
Изотова Н.Н. Культура иероглифического письма как канал визуализации социокультурного пространства японского общества.....	131
Терин В.П. Культура чтения под воздействием электронных коммуникаций.....	139

РЕЦЕНЗИИ

Глаголев В.С. Сквозь призму соотношения философии и математики.....	145
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Силантьева М.В. Прекрасная пора межкультурной коммуникации.....	147
Печатнов В.В. Церковь и внешняя политика России: традиции, тенденции, перспективы	151
Синютин М.В., Акинина Р.Д., Гонашвили А.С., Иванова А.И., Ханнолайнен Д.А. Анализ межкультурной коммуникации молодёжи на примере российских и американских пользователей сети Интернет.....	154

Table of Contents

Simonov-Viazemsky Iu.P. Address to readers	9
---	---

PHILOSOPHY

Silantyeva M.V., Shestopal A.V. Communication Anthropological and Value Basics: Theoretical and Practical Aspects	21
Kirsanova L.I. Words Hold in Awe: Terror and/ or War	32
Mitina N.G. Future Discourse in the Practice of Marxist Utopia Implementation	40

RELIGIOUS STUDIES

Arzumanov I.A. Globalizational Aspects of Northeast Asian Countries Ethnoconfessional Policy in the 20 th - 21 st Centuries: Cultural and Legal Framework for the Analysis	53
---	----

CULTUROLOGY

Kabakhidze E.L. Understanding as Basic Premise of Cross-Cultural Communication: Psycholinguistic and Socio Cultural Aspects.....	63
---	----

INTERCULTURAL COMMUNICATION

Avatkov V.A., Pavlova A.I. Cross-Cultural Communication Specifics in the Republic of Turkey.....	74
Gibelev I.V. The Borders of Cultural Pluralities: Construction and Political Reality	85

LINGVOKULTURY

Afanasyeva N.D. «How Can a Heart Be Braced in Words? Another Fathom what Is Yours?»	92
Maslennikova E.M. Text Cultural Specificity: Translatability and Elimination.....	104

MUSICAL ART

Govar N.A. Russian Piano Culture of the 20 th Century in the Context of Music Education Problems	116
Lyzlova O.A. Russian Avant-Garde Music of the Early 20 th Century in the Modern Culture	121

CALLIGRAPHY ART AND SCIENCE READING

Kulanina E.M. The Problem of Reserving Traditions of Calligraphy in the East and the West	129
Izotova N.N. Hieroglyphics Culture as Vizualization Channel of Japan Society Sociocultural Environment	137
Terin V.P. Reading Culture under a Spell of Electronic Communication	143

BOOK REVIEWS

Glagolev V.S. Through the Prism of the Relation of Philosophy and Mathematics	145
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

Silanteva M.V. Perfect Time to Intercultural Communication	147
Pechatnov V.V. The Church and Foreign Policy of Russia: Traditions, Trends, Prospects	151
Sinyutin M.V., Akinina R.D., Gonashvili A.S., Ivanova A.I., Hannolaynen D.A. Analysis of Intercultural Youth by the Example of Russian and American Internet Users	159



Симонов-Вяземский Юрий Павлович

ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел РФ», 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76.



Дорогой читатель!

Перед Вами – первый номер нового журнала «Концепт: философия, религия, культура», созданного на базе МГИМО. Название научного издания должно говорить само за себя. Что же говорит оно в нашем случае? В современной философской интерпретации латинское слово «концепт» буквально значит «понятие». Формальная логика определяет «концепт» как «смысл», где под «смыслом» имеется в виду прежде всего «содержательная сторона словесного знака», тесно связанная с его значением, денотатом.

Стоит вспомнить, что в классической латыни слово «концепт» связано с витальным созданием нового. Семантическое ядро, составляющее основу этого слова, – «резервуар, хранилище», что приближает его к значению «соединение, сумма, совокупность»¹. Знатоки средневековых текстов говорят: едва ли не впервые это слово приблизилось к своему современному пониманию в XIII в., в философии Иоанна Дунса Скота, утверждавшего, что «conceptus» соединяет речь и вещь. То есть – предстаёт своеобразным «зародышем» идеи. Не её ли рождения ждал Софократ от своих учеников?..

Именно к этим истокам – истокам рождения мысли и одновременно к ис-

токам истории мысли – призван обратиться уважительное внимание читателя наш журнал. Культуры не умирают. Даже окаменелые во времени, они живут, пока есть попытки понять их жизнь, пусть даже по окаменелым следам. Культуры живы, если способны дать место вопросу о своих истоках. Культуры сохраняют волю к жизни, когда, решая задачу «устроиться на земле», все же устремлены к небу. А выходя в религиозное измерение – не только поддерживают огонь в очаге культа, но также не теряют вкус к «вечным вопросам».

Этимология слова «концепт», отсылающая к рождению мысли, почти скрыта в современных европейских языках, где его дериваты распространены в различных стилевых регистрах, от теоретического знания до бытовой медицины. Разногласия современных значений слова, восходящего к теме рождения нового и вместе с тем хранилища, сводит его понимание к пониманию как таковому. Этот идеал, как многие полагают, недостижим. Однако без его «регулятивной роли» вряд ли были бы возможны договоры и договорённости, без которых нет не только международных отношений, но и любых других. Культуры не аутичны. Они способны слушать и слышать друг друга, и разница языков – это сокровище, отражающее богатство и разнообразие мира, о котором они так по-разному говорят. Наш

¹ Демьянинков В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: Сборник статей в честь академика Н. Ю. Шведовой / Отв. ред. М.В.Ляпон. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. (РАН: Институт русского языка им. В. В. Виноградова). С.606–622.

журнал в этой связи будет представлять собой ещё одну площадку диалога, развёрнутого по строгим правилам научной и философской дискуссии.

Есть ещё одна сторона вопроса: насыщенность содержанием и одновременно формальная определённости, связывающие «концепт» не только с «понятием», но и «концепцией». Культура, если она cultura, не может быть лишена контуров. Катон не случайно впервые употребил это слово в переносном смысле, советуя другу «прочувствовать» плодородие земли, обходя приобретаемый участок по периметру... Культура таким образом – всегда способность «видеть берега» и уважать границы. Наш журнал, в соответствии с этой спецификой, заключённой в его названии, будет направлен на обсуждение широкого круга вопросов, за которыми предполагается теоретическая чёткость, дополненная методологической рефлексией.

Итак, как сказал бы профессор на лекции: «Понятие «Концепт» в названии журнала использовано для обозначения совокупности теоретических подходов философии, культурологии и исследований религии в связи с потребностями осмысления соответствующих ракурсов теории и практики современных международных отношений».

Предполагается, что аналитика журнальных статей будет нацелена на раскрытие ряда актуальных тем. Среди них:

1. Ценностные аксиоматики культур как одно из фундаментальных оснований жизни человека и общества в аспекте их детерминации по отношению к социокультурным процессам в межкультурной коммуникации и современной международной жизни;

2. Интегральные характеристики межкультурной коммуникации в глобальном и региональном контекстах, объединяемые концептом «культура» и

спецификой комплексного междисциплинарного подхода (синтезирующего данные различных дисциплин в целях системного изучения масштабных общественных трансцензусов);

3. Возрастание роли религиозного фактора в многовекторных трендах динамических изменений современного «сложного общества», в том числе в контексте изучения трансляции культурных ценностей, динамики их модернизации во внутривополитическом и внешнеполитическом измерении.

Важно подчеркнуть ещё один факт. МГИМО – университет, где традиционно ценят языки, и русский язык в том числе. Журнал «Концепт: философия, религия, культура» поддерживает культурологические и философские исследования в области пересечения этих направлений с лингвистикой, при этом сохраняя за собой право интерпретировать смысл собственного названия иначе, чем это принято в традиции лингвистического концептуализма. Изучение культуры через язык – один из приоритетов нашего журнала.

Прекрасно, когда новое дело начинается в продолжение доброй традиции. Ответственность, которую накладывает такая позиция, невольно обескураживает. Но – «понимание начинается с непонимания», и в науке нет иного пути, чем идти вперёд. И пусть за графически стройными рядами осмысленных слов и концептуальными изгибами теоретических моделей нас ждёт не только засеянное умом и орошаемое практикой «поле смыслов», но и видятся наполненные ветром паруса бесстрашно стремящихся вперёд каравелл Магеллана. Так что в добрый путь, друзья!

**Главный редактор журнала,
писатель, профессор МГИМО
Ю.П. Вяземский**



Dear Reader!

We would like to bring to your attention the first issue of the new Journal "Concept: Philosophy, Religion, Culture", created on the basis of MGIMO. Name of this scientific publication should speak for itself. What does it mean in this particular case? "Concept" literally means "conception" in modern philosophical interpretation of the Latin word. Formal logic defines "concept" as the "sense", while the "sense" means mainly "content of the verbal sign" closely related to its meaning, denotatum.

It is worth remembering that in the Classical Latin the word "Concept" is connected with the vital creation of the New. Semantic kernel forming the basis of the word is a "reservoir, repository", which brings it closer to the meaning of a "connection, sum, totality"¹. Medieval period typography experts say: the first time this word came close to its modern meaning was nearly in the XIII century in the philosophy of Johannes Duns Scotus, who claimed that «conceptus» connects discourse and the object. In other words – it arrives as a kind of the Embryo of the Idea. Was it something Socrates has been waiting from his disciples?..

Right to these roots – to the origins of the birth of thought and at the same time to the origins of the history of thought – this academic Journal is intended to attract respectful attention of the Reader. Cultures do not die. Even fossilized in time, they live as long as there is an attempt to understand their lives, even as fossils. The cultures are alive, if the question of its origin arises. Cultures retain the will to live, while targeting "to settle on the ground", they aim to the sky. As for the religious area – they not only support the fire of the cultural hearth, but appreciate the "eternal questions".

The etymology of the word "concept" in reference to the birth of thought is almost hidden in the modern European languages, where its derivatives are common in a variety of styles and registers starting from the theoretical knowledge up to everyday medicine. The variety of modern meanings of this word, dating back to the birth of the New and the Storage at the same time reduces its understanding to the understanding in itself. This ideal, as many believe, is beyond attainment. Agreements and arrangements as a basis of not only international but all the other relations however could hardly be possible without its "regulatory role".

Cultures are not autistic. They are able to listen to and hear each other. Language differences are a treasure, reflecting the richness and diversity of the world, which they speak about so differently. Consequently this Journal will be one more platform for communication, launched according to strict rules of scientific and philosophical discussion.

There is another aspect of this matter: saturation of a content and formal certainty at the same time, binding "concept" not only with the "meaning" but with the "conception". Culture as *cultura* cannot be deprived of its contours. No wonder that Cato used this word in a figurative sense for the first time, advising his friend to "feel deeply" the fertility of the land, bypassing the purchased land on the perimeter ... Therefore culture is always an ability to "see the shore" and to respect the border. Our Journal, according to this specificity reflected in its name, will be aimed at the discussion of a wide range of issues which suppose theoretical clarity, supplemented by a methodological reflection.

Thus, as a professor would say at the lecture: "The word "Concept" in the title of

¹ Демьянинков В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: Сборник статей в честь академика Н. Ю. Шведовой / Отв. ред. М.В.Ляпон. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. (РАН: Институт русского языка им. В. В. Виноградова). С.606–622.

the Journal is used to denote the set of theoretical approaches of philosophy, culturology and religion studies due to the need of conceptualization of corresponding aspects of theory and practice of modern international relations”.

It is expected that the journal articles’ analytics will be targeted at the research of a number of actual topics, including the following:

1. Cultures’ value axiomatics as one of the fundamental bases of human and public life concerning its determination as related to socio-cultural processes in intercultural communication and contemporary international relations;

2. Integral characteristics of intercultural communication in the global and regional environment, united by the concept of “culture” and the specifics of the complex interdisciplinary approach (synthesizing data related to various disciplines in order to study comprehensively the large-scale public transcendences);

3. The growing role of religious factor in the multi-vector trends of dynamic changes of modern “complex society”, as well as in the context of the study of cultural values’ translation, the dynamics of its modernization relating to domestic and foreign policy dimensions.

It is important to emphasize one more detail. MGIMO is the University, where the languages are appreciated traditionally, and the Russian language among them. Journal “Concept: Philosophy, Religion, Culture” supports cultural and philosophical research in the area of its intersection with linguistics, while retaining the right to interpret the meaning of its own name in a manner quite different from traditions of linguistic conceptualism. The study of culture through the language is one of the priorities of our Journal.

That’s great, when a new project comes as an extension of a good tradition. Responsibility imposed by this approach is unwittingly discouraging. But “understanding starts from misunderstanding”, and there is no other way in science than just go forward. So let us be faced not only with intellectually sown and practically irrigated “field of meanings” beyond the graphically explicit rows of reasonable words and conceptual twists of theoretical models, but also with bellied sails of Magellan’s caravels fearlessly striving forward.

So good luck on your journey, friends!

***Chief Editor, writer,
MGIMO professor
Iu.P. Simonov-Viazemsky***

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

М.В. Силантьева, А.В. Шестопал

ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел РФ», 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76.



Концептуальная модель антрополого-аксиологического подхода (в рамках философского компаративизма) исходит из ряда теоретико-методологических положений, предполагающих обращение к «горизонтальному» (синхронному) и «вертикальному» (диахронному) компаративному анализу различных культур с целью оптимизации их взаимодействия. Среди его основоположений:

– внимание к пространственно-временным представлениям, бытующим на уровне повседневного общения и интеллектуальной рефлексии культуры о самой себе;

– исследование моральных, религиозных и эстетических канонов и инноваций, имеющих место в конкретных социокультурных средах;

– изучение принятых в конкретном сообществе форматов межкультурного взаимодействия в различных сферах – от культурных обменов до экономических и политических процессов, предполагающее как освоение литературы по данному вопросу, так и дискуссии с представителями конкретных культур и сфер деятельности.

По существу, речь идёт о выявлении лингвокультурных и поведенческих структур, выражающих культурные формы, характерные для определенной страны и региона в современную эпоху, а также об их релевантном описании в режиме реального времени. Отдельная задача – уточнение тезауруса через осмысление дискурсивных практик, включающих «рефлексирующее словоупотребление» в «высоких» стилевых регистрах науки и философии, оказывающих не прямое, а косвенное воздействие на бытовое словоупотребление. Подобное уточнение связано с дальнейшей разработкой категориального аппарата, учитывающей наработки лингвистики, культурологии, когнитивных исследований в различных областях, и вместе с тем опирающееся на имманентное теоретическое развитие концептуальных положений философии как самодостаточной дисциплины.

Понятно, что поставленная задача может решаться всегда лишь в предварительном порядке: предложенные идеи нуждаются в корректировке и дополнении со стороны широкого круга специалистов, работающих в сфере межкультурной коммуникации, и постоянно требуют обновления за счёт пополнения новейшими исследовательскими данными.

Ключевые слова: Философия культуры, теория культуры, метод философской компаративистики, аксиолого-антропологический подход, межкультурная коммуникация, практические задачи исследования взаимодействия культур.

За последние годы в МГИМО получили дополнительный импульс развития и институализации такие направления, как философская антропология, философия культуры, история и теория культуры, религиоведение и социология религии, направленные на комплексное изучение процессов межкультурной коммуникации (что вполне понятно исходя из стоящих перед нашим вузом задач подготовки специалистов-международников). Все перечисленные выше профили объединяет, на наш взгляд, интерес к динамическим процессам, интегрируемым культурной спецификой конкретных общественных организмов.

Если говорить об институциональных формах более подробно, то следует выделить исследовательские группы, разрабатывающие те или иные проекты, ориентированные на изучение культурной специфики российских и зарубежных регионов с точки зрения образовательной, научной, правовой, экономической, социальной и политической среды. Но не только, ибо необходимо обратить внимание на учебно-научные структуры, связывающие результаты работы над подобными проектами непосредственно с учебным процессом (и дополняющие давно сложившиеся учебные формы, – такие, как лекции и семинары).

Так, в рамках РАМИ (Российской ассоциации международных исследований) в течение ряда лет на постоянной основе функционирует секция «Межкультурная коммуникация», получившая определенный резонанс среди студентов, магистрантов и аспирантов. Материалы этой секции (включая наиболее серьезные студенческие работы) публикуются как самой РАМИ, так и нашим журналом «Концепт: философия, религия, культура». На базе кафедры философии действует межкафедральный методсеминар аспирантов и преподавателей, позволяющий в форме открытой дискуссии обсудить те научные проблемы, над которыми работают его участники. По ряду «культурологически ориентированных» специальностей в МГИМО открыта аспиран-

тура, работает диссертационный совет по философии и культурологии; создан мощный банк инновационных курсов, рассчитанных на дальнейшее профессиональное становление специалистов-международников. Продолжают совершенствоваться учебные программы соответствующих дисциплин.

Основой для получения образования «третьей ступени» с квалификацией «учёный-исследователь» в данном случае может выступать как профильная философская или культурологическая магистратура (либо специалитет), так и любая другая социогуманитарная подготовка, дающая спектр сведений в области международных отношений, что особенно важно для научных перспектив и практической деятельности выпускников нашего вуза. Ряд прошедших в диссертационном совете по философским наукам и культурологии защит показал высокий теоретико-методологический уровень исследования представивших свои диссертационные сочинения аспирантов и соискателей, что подтверждено получением дипломов ВАК РФ.

В связи с развитием культурологического направления в среде учёных и педагогов, работающих на культурологической ниве, сформировался интеллектуальный «запрос» на более отчётливую артикуляцию некоторых теоретических положений, «центрирующих» исследовательскую оптику и уточняющих наиболее существенные положения, то есть те из них, что составляют фундамент концептуального оформления принятой в современном научном знании культурологической парадигмы. Следует особо отметить: ядром этой концептуализации является теория международных отношений, разработанная в трудах отечественных учёных – таких, как академик РАН А.В. Торкунов и другие выдающиеся представители научной школы МГИМО [31], [27], [8], [21], [1], [2], [32], [33] и др.

Вместе с тем, выделение философского – теоретического и методологического – звена в цепи исследования международных отношений сквозь призму культуры, присутствующее во многих

работах по проблемам международных отношений, выдвигает задачу создания более дисперсной картины возможных путей рефлексии происходящих здесь процессов с использованием категориального аппарата современной культурологии. Подхода, учитывающего специфику нашего вуза, его научных и учебных приоритетов, а также (что особенно важно) – прикладные возможности использования полученных результатов [30], [15].

Культура в самом точном философском понимании – это «способ осмысления мира», способность смыслополагания, «способность разворачивать смыслы» [29]. Однако эта способность не только роднит разные культуры, создавая условия для «перевода» в самом широком понимании этого слова. Именно этой способностью культуры как раз отличаются друг от друга [28], теряя друг для друга «прозрачность» и искажая «образ Другого» через наложение «других» смыслов на «свои» смыслы в процессе их адаптации к своему образу мыслей [24], [25].

Важно и то, что смысл как таковой не «висит в воздухе»: он интенционален, направлен на постижение вещей, а не только (и не сколько) своих мнений о них. «Глобальное понимание», таким образом, ограничивается глобальным недопониманием и может приводить (и нередко приводит) к полному непониманию. Возможность непонимания – условие, создающее «тягу» действительного, а не мнимого (и в этом смысле стереотипного), восприятия *Другого* в удобном для себя формате, не имеющем никакого отношения к воспринимаемому.

Задача практического плана, которую каждодневно предстоит решать специалистам-международникам – организовать «понимание» в максимально близком к действительности и в то же время максимально приемлемом для себя ключе. Отсюда – *внимание ко «второму уровню» разворачивания смысла – антропологическим и ценностным константам и переменным, составляющим основания межкультурной коммуника-*

ции, начиная с телесности в её функциональном этнокультурном выражении (еда, одежда, невербальная коммуникация как определённые ценности) и заканчивая традициями, обычаями и тем высоким пластом культуры повседневности, который отражён в произведениях художественной культуры. Не будет большой натяжкой утверждать, что спецификой философско-культурологического подхода, его отличием от других направлений научной деятельности МГИМО, является:

- углублённое исследование антропологических и ценностных оснований межкультурной коммуникации на материале «заряженной смыслом» повседневности [26];

- стремление рассмотреть через эту призму теоретико-методологическую рефлексию в области изучения культуры, с одной стороны, с другой – детальное изучение «данных» конкретных дисциплин (лингвистики, политологии, социологии, правоведения, экономики, регионоведения, психологии, коммуникативистики, религиоведения и др.), раскрывающих отдельные стороны изучения культур в динамическом ключе [36].

Это, в свою очередь, позволяет связать научные изыскания с решением актуальных практических проблем в сфере межкультурного взаимодействия, таких как:

- уточнение ценностных и антропологических условий диалога в переговорном процессе;

- культурологическое дополнение существующих описаний границ политкорректности;

- развитие навыков поддержания контактов, способствующих укреплению положительного образа России за рубежом и т.д.

Отдельные положения, формулируемые в ходе обобщений этого типа, позволяют совершенствовать *методическое сопровождение процесса преподавания иностранных языков*, а также способствуют поддержанию и развитию навыков аналитического мышления у студентов, магистрантов и аспиран-

тов, заинтересованных в изучении теоретико-методологических оснований научного знания. Интерактивный характер, свойственный современному уровню развития образования, заставляет предположить, что не только «обучаемые», но и «обучающие» - педагоги, вне зависимости от наличия у них учёной степени, являются контрагентами подобных практик.

Проще говоря, маститые учёные, оказываясь рядовыми участниками таких дискуссий, вынуждены поддерживать свою интеллектуальную форму в «гносеологически негомогенной» среде, где относительный дилетантизм отдельных участников по конкретным вопросам выступает в роли катализатора, стимулирующего большую корректность обоснований и внятность их донесения до аудитории. Аргумент «от авторитета» в данном случае не работает, что, несомненно, способствует поддержанию исследовательского азарта и вводит в процесс передачи знаний тот бродильный элемент «умной эмоциональности», без которого давно не обходятся «качественные» учёные – и «физики», и «лирики»...

Зачем философия культуры лингвисту? юристу? регионоведу, журналисту, политологу и экономисту? Зачем она управленцу? И вообще специалисту в области международных отношений? Что-бы ответить на эти вопросы, необходимо определиться: зачем вообще знать Другого? Особенно, если эти отношения в принципе асимметричны [7]?

Впрочем, «*Зачем знать Другого?*» – один из ключевых вопросов, соответствующих мировоззренческим основаниям концепции внешней политики любого государства, причем «идеальные проекции» особенностей смыслополагания здесь не менее важны, чем сведения последовательно прагматического и даже корыстного характера (будем реалистами: на сегодняшний день полностью от подобных установок несвободно ни одно государство, какую бы риторику оно не использовало).

Таким образом, обращение к такому аспекту теории международных отноше-

ний, как межкультурное взаимодействие, следует признать: «знание *Другого*» позволяет оптимизировать коммуникативные процессы в этой области, создавая перспективу взаимного уважения и поддержания разумных взаимовыгодных отношений. Данная позиция представлена, в частности, и в опубликованной 1 декабря 2016 г. (прежняя – февраль 2013 г.) «Концепции внешней политики РФ», которая предписывает:

- «дальнейшее продолжение курса на укрепление международного мира, обеспечение всеобщей безопасности и стабильности в целях утверждения справедливой демократической международной системы, основанной на коллективных началах в решении международных проблем, на верховенстве международного права, прежде всего на положениях Устава ООН, а также на равноправных и партнерских отношениях между государствами при центральной контролирующей роли ООН как основной организации, регулирующей международные отношения»;

- «формирование отношений добрососедства с сопредельными государствами, содействие устранению очагов напряженности и конфликтов на их территориях и предотвращению возникновения таких очагов и конфликтов»;

- развитие двусторонних и многосторонних отношений взаимовыгодного и равноправного партнёрства с иностранными государствами, межгосударственными объединениями, международными организациями в рамках форумов на основе уважения принципов независимости и суверенитета, прагматизма, транспарентности, многовекторности, предсказуемости, неконфронтационного отстаивания национальных приоритетов;

- расширение международного сотрудничества на недискриминационной основе;

- содействие становлению сетевых альянсов, активное участие в них России» и т.д. [18].

Итак, не только знание, но также интерпретация и, возможно, понимание

Другого – необходимость, закреплённая руководящими документами, определяющими цели и задачи внешней политики нашей страны. В том числе, с точки зрения научных исследований, проводимых в этой области [14].

Трудности, с которыми в поиске ответов на все эти «зачем?»-вопросы встречается философия культуры, применённая к сфере международных отношений, можно назвать «ложными друзьями компаративиста» (по аналогии с «ложными друзьями переводчика» – фразеологизмами типа «кусать локти» или «показать Кузькину мать», перевод которых имеет весьма косвенное отношение к буквальному значению отдельных слов, входящих в эти словосочетания).

Говоря о «ложных друзьях компаративиста», стоит иметь в виду, что речь идет о фундаментальном *антропологически заданном* свойстве человеческого сознания, которое склонно, как выражался Платон, «подобное познавать подобным». Примером может служить описание эстетического переживания в инокультурной среде с точки зрения заведомо «сниженной» интерпретации: «не любят природу и пьют» (о японцах и русских); «не молятся, только тихо бубнят, сидя в своём храме» (о буддистах) и т.п. Подобные утверждения, по всей видимости, отражают феномен латентного вытеснения научного мировоззрения обыденным сознанием с последующей экстраполяцией оценок. Аксиология с этой точки зрения выступает уже не как определённый пласт культуры, раскрывающий антропологические константы, но как бэконовский «идол рода» (то есть антропологически заданная ограниченность познания), преодолеть который можно лишь при условии системной рефлексии над самим фактом его наличия и возможными методологическими следствиями из этого факта.

Не менее показательны ситуации, когда интерпретация философских высказываний упирается в «естественную лингвокультурную ограниченность» («идолы рынка»). Пример – история с изучением отношения к И. Канту в рус-

ской философской традиции (где кёнигсбергскому мыслителю нередко инкриминируется ответственность за разрыв связи человека с Богом [6]). Почти анекдотический случай. Немецкий профессор комментирует сцену из литературного произведения, где герои плывут по затопленному наводнением окутанному туманом Петербургу. Рядом с ними в лодке лежит маленькая коробочка, из которой время от времени неожиданно «выскакивает маленький Кант» на пружинках и кричит: «Категорический императив!». Немецкий профессор недоумевает: «Почему маленький? Почему коробочка? И, наконец, почему кричит: «Категорический императив!»?!». Очевидная для русского читателя аллюзия на «выскакивает, как черт из табакерки» в инокультурном контексте восприятия не считывается. Упрёк в «отсутствии рационального взгляда» на философию Канта не более чем «недопонимание»: рационального в этом нетривиально едком образе не меньше, чем в небольшом трактате. Просто – другой язык сразу в двух смыслах: в смысле лингвокультурном, и в смысле насыщенности метафорами. Но философия не сводится к трактатности.

Ещё сложнее случай, когда научность как таковая приравнивается к позитивистскому мировоззрению, а место фальсификационизма занимает жесткий вариант верификационизма. Философия вместо того, чтобы «выбивать» сознание из привычной колеи «всезнания» и стереотипного «понимания», используется как тот или иной вариант апологетики. Теряя при этом знание ограниченности «своих» понятий «высокорефлексивно» уровня, абсолютизируя и «замораживая» их. Хороший пример крайности «избыточного «онаучивания»» представляет собой явление, обозначенное лингвистическим термином «занятость понятия», – запрет в контексте грамотного научного рассуждения использовать понятия в расширительном ключе, то есть фактически запрет на метафору. С одной стороны, таким образом достигается строгость словоупотребления. Однако стоит напомнить: идеалом науч-

ности выступает не терминологизация как таковая, то есть превращение понятия в термин со строго определённым набором значений, а познание истины. Плохо или хорошо, но аналогия лежит в основе познания не только потому, что на Солнце истины *сразу* «нельзя смотреть прямо» (Платон, Государство, VII, 515 e – 516 b). Но и потому, что любое понятие в определённом смысле – метафора, устанавливающая соответствие мыслимого, а также его фонетического и графического выражения, – некоторому процессу или явлению, выходящему за рамки сугубо лингвистической стихии...

Итак, антропологизация, касающаяся лингвокультурологических парадоксов познания, упирается в проблему *Другого* в компаративном понимании двойственности перспектив его познания. Именно *лингвострановедческий аспект* развития антрополого-аксиологического подхода представляется одним из самых значимых направлений включения философии в решение конкретных теоретико-методологических и прикладных исследовательских задач [9].

Очевидно, что темы, изучаемые на разных стадиях освоения языка, – это фактически систематизация сведений о культуре того или иного региона, охватываемого конкретным языком/языками [3], [4], [5]. Иллюстрацией роли философской компаративистики в решении конкретных научных задач здесь может служить тема совершенствования структуры идеографических/семантических/тезаурусных словарей, (систематизирующих языковые единицы не по алфавиту, а по смыслу). Тезаурусные (тезаурус – «запас», «сокровище») словари позволяют тематизировать лексические единицы, соединив их по *лингвострановедческому* (точнее, *лингвокультурному*) основанию.

Со времён Амара-коша и П.-М. Роже эти «словари-тезаурусы» [11] позволяют систематизировать живую лексику в ее «реальном» действии. Современные работы в данном направлении, как известно, серьёзно продвинулись вперёд (в том числе, и под воздействием семиоти-

ческого подхода, опирающегося на идею *текста*, а не только на лексикографию как таковую [12], [10]. Тем не менее, некоторая антропологически заданная «смутность» неизбежно проявляется в неотрефлексированных обобщениях того богатейшего эмпирического материала, который всё полнее охватывают подобные издания. Уместно предполагать, что нуждается в дополнительной аргументации принцип выделения разделов таких словарей, как:

- словаря Ю.Н. Караулова [17], где выделено 1600 тем-понятий и около 10000 лексических единиц;

- словаря под редакцией Л.Г. Бабенко [23], описавшего более 46600 слов, 16 семантических сфер, 86 семантических классов, 267 идеографических групп, 187 подгрупп;

- четырёхтомного «Русского семантического словаря» под редакцией Н.Ю. Шведовой [22], где абстрактная лексика 3-го тома («бытие», «пространство», «время», «состояний природы и человека») фактически противопоставляются конкретной лексике 2-го тома («всё созданное руками человека», «названиям предметов по форме, состоянию, составу, местонахождению, употреблению»).

Подобное деление показало свою прагматическую корректность, однако «за» ним стоит совершенно определённая картина мира. И она другая, чем, например, у того же В.Я. Брюсова или М. Цветаевой, оказавших немалое влияние на реальное семантическое наполнение современного русского языка. Вопрос, таким образом, не в степени научности такой картины мира, а в наличии рефлексии над ролью мировоззрения учёного в научном исследовании. И в целом – ролью культурного базиса в лингвистическом «членении» мира для познающего и действующего субъекта.

В лингвистике вопрос, почему «семиосфер»-«семсетов» (слов, объединяющих по смыслу синонимы-антонимы-гиперонимы-омонимы и др.) должно быть именно «столько» – например, 1500; а, скажем, супер-гиперонимов – «категорий», «укрупняющих» и систематизиру-

ющих семантические поля, должно быть 10, 16, а не, скажем, 12, остаётся, как правило, открытым. Лингвокультурология призвана восполнить, насколько возможно, этот пробел. Можно, конечно, допустить, что эмпирический материал в данном случае диктует «именно такое, а не какое-то другое», «разложение по полочкам». Однако и в этом случае уместно прояснить источник подобной систематизации, нередко «привязанной» к тем научным представлениям авторов, которые компаративно не соотносены с иными (в том числе, альтернативными) подходами.

Антропологическую и культурологическую составляющие данной темы интересно раскрывает сравнительная лингвистика [16]. В то же время лингвистическая систематизация в данном случае вполне может претендовать на поддержку не только математики (и не только теории множеств), но также психологии и культурной антропологии (архетипы). А ещё – *философии*, своим путём выделяющей категории и по-своему работающей с ними.

Стоит подчеркнуть, что тезаурусные словари (или даже микро-словари) – как раз тот способ изучения пластов языка, который сегодня очень востребован в практике межкультурной коммуникации. По сложившейся учебной традиции считается уместным начинать знакомство с освоения формул вежливости (приветствие, обращение и т.д.). И если это так, то такие темы, как «время», пространственные представления (часто упакованные в систему предлогов или падежей) и модальности, фокусирующие пространственно-временные представления в субъективно-значимую форму поведения, – более поздний и не менее ценный аспект изучения лексики и грамматики. Параллельно идёт, как правило, освоение *ценностных представлений, обличенных в моральные, эстетические и религиозные суждения и рефлексии* о них в самой изучаемой культуре и её «отражениях» в других культурах.

Подобные философские принципы, как правило, выводятся самими препода-

вателями независимо от наличия у них учёной степени – просто потому, что им приходится постоянно систематизировать богатейший материал, делать его доступным для восприятия (в том числе, восприятия представителями разных народов и культур – в МГИМО обучаются не только носители русского языка). Фактически преподаватели иностранных языков «сидят на материале», который им приходится «форматировать» в чёткую систему внятных обобщений. Иногда – изобретая велосипед. Правда, с поправкой на то, что философское «изобретение велосипеда» – необходимая часть философствования. Как говорил Гегель, философия «пишет серым по серому»: её дело – корректно описать очевидное, «то, что есть», – истину, а не «придумывать что-то своё». С этой точки зрения любое качественно сделанное методическое пособие по преподаванию языка, как, впрочем, и переводы оригинальных текстов с иностранных языков, – ценные научные исследования, нуждающиеся для «перевода» в жанр диссертации «лишь» в ряде жанровых дополнений. Включая, прежде всего, методологическую рефлексия. И здесь роль антрополого-аксиологического подхода философии культуры трудно переоценить.

В заключении необходимо кратко описать, решению каких задач может способствовать сотрудничество лингвокультурологии и философии культуры в практической области:

1. Прежде всего, имеет смысл продолжить изучение *«пространственно-временных развёрток»*, соответствующих, по меткому определению О. Шпенглера, различным типам мышления, имеющим культурно детерминированную природу. Отсюда – значение единства лингвокультурологии и философии культуры в расшифровке «культурных кодов» с целью уточнения понимания культурных форм как «единства гетерогенного»;

2. Необходимо дальнейшее уточнение на конкретном материале способов координации *общего, особенного и единичного*, связывающих единичного человека с общечеловеческими ценностями

через культуру и язык разнообразными, иногда действительно «непереводимыми» способами, дополняющими научное знание пониманием разнообразия возможных «культурных констант» [28];

3. Важно продолжить изучение соотношения *необходимости, свободы и случайности* в различных лингвокультурных контекстах. Помимо сугубо теоретического интереса, подобные уточнения помогут скорректировать коммуникативные ожидания в области поведения партнёров по конкретным областям межкультурного взаимодействия;

4. Определённой новизной антрополого-аксиологический подход обладает по отношению к *проблеме аналогии*, открывающей (и одновременно закрывающей) горизонт взаимопонимания межкультурного общения. Тезис о несоизмеримости культур натывается здесь на тенденцию их унификации. Вместе с тем, сама возможность перевода говорит о том, что в глубинах разногласия интерпретаций всё-таки живёт вектор, направленный к взаимному пониманию;

5. Вопрос о *личности и обществе* – один из самых ключевых не только при решении задачи обеспечения максимально возможного взаимопонимания. Это – один из наиболее «практических» вопросов. Выступает ли культура в современном мире как сообщество, колония «подобных», «индивидуумов», – или же она – соборное множество «неподобных» (о чём, кстати, вопреки распространённому мнению, Аристотель, кажется, никогда не говорил)? Вопрос не только абстрактный: из различия в понимании «человека» и «общества» следуют разные модели взаимодействия на уровне экономики, политики, права и т.д.;

6. Отдельная тема – *метафизика власти*, заострённая сегодня на парадоксы «мягкой силы» и теории «культурной революции». «Животная» и «растительная» «души» политических организмов, ориентированные в полисогенезе на решение проблем выживания и воспроизводства, как никогда нуждаются во взаимодействии с «разумной душой» каждого

из локальных культурных типов. Возможности и границы их взаимодействия – один из насущных вопросов современного цивилизационного состояния;

7. Описание культуры в качестве *интегрированного целого* на основе единства языковых, политических, экономических, исторических и других системообразующих векторов социального движения может составить условие для создания максимально реалистических прогнозов в области межкультурной коммуникации.

Один из наиболее интересных и, полагаем, перспективных выводов в данной области состоит в своеобразном «золотом правиле» культурной политики: «Соблюдай дистанцию!» То есть – уважай другого в той мере, в какой это максимально возможно без потери уважения к себе. *Дистанция* как условие общения – вот вывод, который поддерживает философская компаративистика, когда говорит, с одной стороны, о ценностях (и, соответственно, об их историкокультурном разнообразии), – а с другой – когда стремится выделить антропологически заданные и теоретически корректируемые смыслы («перерастающие» как ценности, так и саму антропологию [19], [20, с. 247]).

Таким образом, отечественная философская компаративистика замыкается на поиске рабочих основ интерпретации культурных символов, где сходятся в плодотворном научном противоречии *социальная антропология* (Европа: «общество» – шире «культуры», культура – его функция) и *культурантропология* (Америка: «культура» – шире, чем «общество», как полагает Клиффорд Гирц, видящий суть анализа культуры в «угадывании значений, в оценивании догадок и выведении поясняющих заключений из наиболее удачных догадок, а не в открытии Континента Смысла и картографировании его бестелесного ландшафта» [13, с. 27]).

Трудно переоценить значение подобного «картографирования» для углубления понимания происходящих процессов, их более точной оценки, использования

полученных знаний как в научном, так и в практическом ключе. Междисциплинарный характер исследований в области межкультурной коммуникации очевиден. Поэтому обмен мнениями, анализ идей и подходов, который имеет место между представителями разных «науч-

ных экранов», - занятие, с нашей точки зрения, весьма плодотворное. Рискуем предположить, что этот путь предполагает участие философии – в качестве модулятора вопросов, а не поставщика готовых ответов.

Список литературы:

1. Алексеева Т.А. «Мягкая сила» в теории и практике международных отношений / Политическое пространство и социальное время: идентичность и повседневность в структуре жизненного мира. Главные редакторы: Т.А. Сеньюшкина, А.В. Баранов. 2016. С. 5-21.
2. Алексеева Т.А., Лебедева М.М. Что происходит с теорией международных отношений // Полис. Политические исследования. 2016. №1. С. 29-43.
3. Афанасьева Н.Д. Русский язык в странах ближнего и дальнего зарубежья на современном этапе / Актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного в вузе Материалы Третьей международной научно-методической конференции. Составитель: М.В. Беляков. 2014. С. 9-16.
4. Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилева И.Б. Особенности методической работы преподавателя РКИ с лексикой текстов средств массовой информации / Взаимодействие языков и культур при изучении русского языка иностранцами. Актуальные проблемы изучения и преподавания РКИ в вузе материалы III Международной научно-практической конференции. 2014. С. 13-22.
5. Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилева И.Б. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции у студентов-международников / Актуальные проблемы изучения и преподавания РКИ в вузе в условиях интернационализации образования. Материалы II Международного семинара, посвященного 15-летию академического сотрудничества Тверского государственного университета с университетами Финляндии. Тверь, 2015. С. 305-310.
6. Ахутин А.В. София и черт. (Кант перед лицом русской религиозной метафизики). URL: <http://www.culturedialogue.org/drupal/ru/node/1311> (дата обращения 02.01.2017).
7. Братина Б.Р., Кнежевич В.Д. Коммуникация как доминирование // Современная коммуникативистика. № 4, 2016. С. 56-70.
8. Булатов Ю.А. Центробежные и центростремительные тенденции в развитии многонационального государства // Международная жизнь. 2015. № 1. С. 49-64.
9. Веденина Л.Г. Концепт «человек» в языковых картинах мира / Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Четвертый межвузовский семинар по лингвострановедению. Сборник статей в 2-х частях. Ответственный редактор: Л.Г. Веденина. 2007. С. 146-256.
10. Гиндин С.И. О культурных корнях корпусной лингвистики и ее возможных импликациях для теоретического и прикладного языковедения / Корпусная лингвистика - 2015 Труды международной конференции. Отв. Ред.: В.П. Захаров, О.А. Митрофанова, М.В. Хохлова. 2015. С. 170-180.
11. Гиндин С.И. Семантические словари — карты языкового мира // Русский язык. №5, 2001. URL: <http://rus.1september.ru/articlef.php?ID=200100501> (дата обращения 07.12.2016).
12. Гиндин С.И. Язык, культура, общество и программы по компаративистике (Рец. на кн.: Язык, культура и общество: Сб. науч. ст. и учебно-методич. материалов / РГГУ, Ин-т лингвистики, Ин-т восточных культур, Центр компаративистики; Сост. О.Б. Христофорова, А.В. Дыбо. М.: РГГУ, 2001. 428 с.] // Московский лингвистический журнал / Рос. гос. гуманитарный ун-т. - Т. 6, № 1. - С. 231-233.
13. Гирц К. Интерпретация культур. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. - 560 с.
14. Глаголев В.С. Нематериальные факторы в международных отношениях / Современная наука о международных отношениях за рубежом Под общей редакцией И.С. Иванова. Москва, 2015. С. 10-18.
15. Глаголев В.С. Стратегия непрерывного образования в российских вузах: подводные камни / Актуальные проблемы модернизации высшей школы Материалы Международной научно-

методической конференции. Сибирский государственный университет путей сообщения, НТИ - филиал МГУДТ. 2014. С. 27-32.

16. Иванка Я. Атанасова (Великотырновский университет имени Святых Кирилла и Мефодия, Велико-Тырново, Болгария), Светлин И. Наков (Софийский университет имени Святого Климента Охридского, София, Болгария), Преслав И. Наков (Калифорнийский университет, Беркли, США). Artssemnet: двуязычная семантическая сеть для русской и болгарской терминологий изобразительного искусства. URL: <http://www.nakov.com/wp-content/uploads/2010/09/ArtsSemNet-BulMET-2003-Varna.html> (дата обращения 07.12.2016).
17. Караулов Ю.Н., Молчанов В.И., Афанасьев В.А., Михалев Н.В. Русский семантический словарь: Опыт автомат. построения тезауруса: от понятия к слову / Отв. ред. С.Г. Бархударов. М.: Наука, 1983. 566 с.
18. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) / Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения 07.01.2017).
19. Мунтян М.А. Национальный человеческий капитал и будущее России // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 3 (30). С. 147-149.
20. Мунтян М.А. Потенциал политической культуры в объяснении культурного полилога Запада, Востока и России // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 2 (35). С. 245-249.
21. Подберезкин А.И., Гебеков М.П. Роль национального человеческого капитала в период "фазового перехода" человечества. М.: МГИМО-Университет, 2012. Сер. Научная школа МГИМО(У). – 374 с.
22. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т.Т. 1-4. М.: Азбуковник, РАН ИРЯ, 1998-2007.
23. Словарь-тезаурус синонимов русской речи. / Под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко Москва: Издательство АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007; 512 с.
24. Силантьева М.В. "Другой" в горизонте свободы (попытка диалога сквозь тусклое стекло стереотипов // Ricerche slavistiche. 2015. № 13 (59). С. 153-170.
25. Силантьева М.В. Проблема "культурных границ" в современном мире: ценностный аспект // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 2 (35). С. 235-239.
26. Силантьева М.В., Шестопа А.В. Межкультурная коммуникация. "Мягкая сила" культурных модуляторов / Ресурсы модернизации: возможности и пределы международного контекста Материалы VII Конвента РАМИ. 2012. С. 204-211.
27. Симония Н.А., Торкунов А.В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 27-37.
28. Смирнов А.В. Пропозиция и предикация // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 1. С. 5-24.
29. Смирнов А.В. Сознание как смыслополагание // Философский журнал. 2014. № 1 (12). С. 35-57.
30. Торкунов А.В. Создание университетов мирового уровня: новые тенденции в российском высшем образовании // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 2 (29). С. 7-11.
31. Торкунов А.В. По дороге в будущее – 2. М.: Аспект Пресс, 2015. - 552 с.
32. Чугров С.В. Взаимные образы России и Японии. Надежды на мягкую силу // Тетради по консерватизму. 2015. № 5. С. 75-81.
33. Чугров С.В. Существует ли незападная политология? (политическая теория Т. Иноуги) // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 182-191.
34. Шестопа А.В., Силантьева М.В. Межкультурная коммуникация в свете современных модернизационных процессов / Межкультурная коммуникация: современная теория и практика Материалы VII Конвента РАМИ: Научное издание. Под редакцией А.В. Шестопа, М.В. Силантьевой; ответственный редактор А.В. Мальгин. 2013. С. 10-16.

Об авторах:

Шестопа Алексей Викторович – д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой философии МГИМО МИД России;

Силантьева Маргарита Вениаминовна – д.филос.н., профессор кафедры философии МГИМО МИД России.

COMMUNICATION ANTHROPOLOGICAL AND VALUE BASICS: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

M.V. Silantieva, A.V. Shestopal

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76

Abstract. *The rapid development of social and humanitarian fields in modern times and the emergence of a large number of practically important areas in which the commitment to interdisciplinary approach is justified set the task to rethink the amount of theoretical conclusions that enable us to determine promising areas and boundaries of such cooperation.*

Conceptual model of anthropological and axiological approach (in the framework of philosophical comparativism) comes from a number of theoretical and methodological assumptions, suggesting to perform diverse cultures' "horizontal" (synchronous) and "vertical" (diachronic) comparative analysis aimed to optimize their interaction. Among its basic foundations are: first, attention to the spatial and temporal concepts at the level of everyday communication and culture's intellectual reflection on itself; secondly, the study of the moral, religious, and aesthetic canons and innovation, specific to certain socio-cultural environment; thirdly, the research of formats of intercultural interaction within targeted community in various spheres - from cultural exchanges to economic and political processes, expecting literature searches on the subject, as well as discussions with representatives of particular cultures and activities.

Essentially, it refers to identifying linguocultural and behavioral patterns that express cultural forms typical for a particular country and region in the modern era; as well as to their relevant disclosures in real time. A separate task is to clarify the thesaurus through the understanding of discursive practices, including "reflexive use of the word" in "high" stylistic registers of science and philosophy that have an indirect impact on its everyday usage. This update is related to further development of categorical apparatus, taking into account the achievements of linguistics, cultural research, cognitive studies in various fields, and at the same time based on the immanent theoretical development of the conceptual frameworks of philosophy as a self-contained discipline.

It is clear that the task suppose just provisional conclusion: proposed ideas need to be adjusted and enhanced by a wide range of professionals working in the field of intercultural communication, and should be constantly updated due to the replenishment of the latest research data.

Key words: philosophy of culture, culture theory, the method of comparative philosophy, axiological and anthropological approach, intercultural communication, practical objectives of the study of cultural interaction.

References:

1. Alekseeva T.A. "Mjagkaja sila" v teorii i praktike mezhdunarodnyh otnoshenij / Politicheskoe prostranstvo i social'noe vremja: identichnost' i povsednevnost' v strukture zhiznennogo mira. [“Soft power” in the theory and practice of international relations / political space and social time: the identity and structure of daily life in the world.] Glavnye redaktory: T.A. Senjushkina, A.V. Baranov. 2016. S. 5-21.
2. Alekseeva T.A., Lebedeva M.M. Chto proishodit s teoriej mezhdunarodnyh otnoshenij [What happens to the theory of international relations] // Polis. Politicheskie issledovanija. 2016. № 1. S. 29-43.
3. Afanas'eva N.D. Russkij jazyk v stranah blizhnego i dal'nego zarubezh'ja na sovremennom jetape [Russian language in the country and abroad at this stage] / Aktual'nye problemy prepodavaniya russkogo jazyka kak inostrannogo v vuze Materialy Tret'ej mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj konferencii. Sostavitel': M.V. Beljakov. 2014. S. 9-16.
4. Afanas'eva N.D., Zaharchenko S.S., Mogileva I.B. Osobennosti metodicheskoy raboty prepodavatelya RKI s leksikoj tekstov sredstv massovoj informacii / Vzaimodejstvie jazykov i kul'tur pri izuchenii

- russskogo jazyka inostrancami. [Features of the methodical work of RKL teacher with the media vocabulary] Aktual'nye problemy izuchenija i prepodavanija RKL v vuze materialy III Mezhhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii. 2014. S. 13-22.
5. Afanas'eva N.D., Zaharchenko S.S., Mogileva I.B. Formirovanie mezhkul'turnoj kommunikativnoj kompetencii u studentov-mezhdunarodnikov [Formation of the intercultural communicative competence of students of international studies] / Aktual'nye problemy izuchenija i prepodavanija RKL v vuze v uslovijah internacionalizacii obrazovanija. Materialy II Mezhhdunarodnogo seminar, posvjashhennogo 15-letiju akademicheskogo sotrudnichestva Tverskogo gosudarstvennogo universiteta s universitetami Finljandii. Tver', 2015. S. 305-310.
 6. Ahutin A.V. Sofija i chert. (Kant pered licom russkoj religioznoj metafiziki). [Akhutina Sofia and features. (Kant, in the face of Russian religious metaphysics)] URL: <http://www.culturedialogue.org/drupal/ru/node/1311???> (data obrashhenija 02.01.2017).
 7. Bratina B.R., Knezhevich V.D. Kommunikacija kak dominirovanie [Communication as dominance] // Sovremennaja kommunikativistika. № 4, 2016. S. 56-70.
 8. Bulatov Ju.A. Centrobezhnye i centrostremitel'nye tendencii v razvitii mnogonacional'nogo gosudartsva [Centrifugal and centripetal tendencies in the development of multinational state] // Mezhhdunarodnaja zhizn'. 2015. № 1. S. 49-64.
 9. Vedenina L.G. Koncept «chelovek» v jazykovyh kartinah mira [The concept of "person" in the linguistic world] / Lingvostranovedenie: metody analiza, tehnologija obuchenija. Četvertyj mezhvuzovskij seminar po lingvostranovedeniju. Sbornik statej v 2-h chastjah. Otvetstvennyj redaktor: L.G. Vedenina. 2007. S. 146-256.
 10. Gindin S.I. O kul'turnyh kornjah korpusnoj lingvistiki i ee vozmozhnyh implikacij dlja teoreticheskogo i prikladnogo jazykovedenija [On the cultural roots of the corpus linguistics and its potential for the implications of theoretical and applied linguistics] / Korpusnaja lingvistika - 2015 Trudy mezhhdunarodnoj konferencii. Otv. Red.: V.P. Zaharov, O.A. Mitrofanova, M.V. Hohlova. 2015. S. 170-180.
 11. Gindin S.I. Semanticheskie slovari — karty jazykovogo mira [Semantic dictionaries - language world map] // Russkij jazyk. №5, 2001. URL: <http://rus.1september.ru/articlef.php?ID=200100501> (data obrashhenija 07.12.2016).
 12. Gindin S.I. Jazyk, kul'tura, obshhestvo i programmy po komparativistike [Language, culture, society and comparative programs] Rev. Jazyk, kul'tura i obshhestvo: Sb. nauch. st. i uchebno-metodich. materialov / RGGU, In-t lingvistiki, In-t vostochnyh kul'tur, Centr komparativistiki; Sost. O.B. Hristoforova, A.V. Dybo. M.: RGGU, 2001. 428 s.] // Moskovskij lingvisticheskij zhurnal / Ros. gos. gumanitarnyj un-t. - T. 6, № 1. - S. 231-233.
 13. Geertz C. Interpretacija kul'tur. [Interpretation of Cultures] - M.: «Rossijskaja političeskaja jenciklopedija» (ROSSPJen), 2004. - 560 s.
 14. Glagolev V.S. Nematerial'nye faktory v mezhhdunarodnyh otnoshenijah [Intangible factors in international relations] / Sovremennaja nauka o mezhhdunarodnyh otnoshenijah za rubezhom Pod obshhej redakciej I.S. Ivanova. Moskva, 2015. S. 10-18.
 15. Glagolev V.S. Strategija nepreryvnogo obrazovanija v rossijskikh vuzah: podvodnye kamni [Strategy of continual education in Russian universities: pitfalls] / Aktual'nye problemy modernizacii vysshej shkoly Materialy Mezhhdunarodnoj nauchno-metodicheskoi konferencii. Sibirskij gosudarstvennyj universitet putej soobshhenija, NTI - filial MGUDT. 2014. S. 27-32.
 16. Ivanka Ja. Atanasova (Velikotyrnovskij universitet imeni Svjatyh Kirilla i Mefodija, Veliko-Tyrnovo, Bolgarija), Svetlin I. Nakov (Sofijskij universitet imeni Svjatogo Klimenta Ohridskogo, Sofija, Bolgarija), Preslav I. Nakov (Kalifornijskij universitet, Berkli, SShA). Artssemnet: dvujazychnaja semanticheskaja set' dlja russkoj i bolgarskoj terminologii izobrazitel'nogo iskusstva. [Artssemnet: bilingual semantic network for Russian and Bulgarian terminology of art.] URL: <http://www.nakov.com/wp-content/uploads/2010/09/ArtsSemNet-BulMET-2003-Varna.html> (data obrashhenija 07.12.2016).
 17. Karaulov Ju.N., Molchanov V.I., Afanas'ev V.A., Mihalev N.V. Russkij semanticheskij slovar': Opyt avtomat. postroenija tezaurusa: ot ponjatija k slovu [Russian Semantic Dictionary: Experience Machine. construction of the thesaurus from the concept to the word] / Otv. red. S.G. Barhudarov. M.: Nauka, 1983. 566 s.
 18. Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putiny 30 nojabrja 2016 g.) [Concept of Foreign Policy of Russian Federation (approved by the Russian Federation President Vladimir Putin November 30, 2016)] / Oficial'nyj sajt MID RF. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (data obrashhenija 07.01.2017).
 19. Muntjan M.A. Nacional'nyj chelovecheskij kapital i budushhee Rossii [The National Human Capital and the Future of Russia] // Vestnik MGIMO Universiteta. 2013. № 3 (30). S. 147-149.

20. Muntjan M.A. Potencial politicheskoy kul'tury v ob#jasnenii kul'turnogo poliloga Zapada, Vostoka i Rossii [Potential political culture in explaining the cultural polylogue of West, East and Russia] // Vestnik MGIMO Universiteta. 2014. № 2 (35). S. 245-249.
21. Podberezkin A.I., Gebekov M.P. Rol' nacional'nogo chelovecheskogo kapitala v period "fazovogo perehoda" chelovechestva. [The role of national human capital during the "phase transition" of humanity.] M.: MGIMO-Universitet, 2012. Ser. Nauchnaja shkola MGIMO(U). – 374 s.
22. Russkij semanticheskij slovar'. Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij [Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary, systematized on classes of words and meanings] / In-t rus. jaz. im. V.V. Vinogradova RAN. Pod obshh. red. N. Ju. Shvedovoj. T.T. 1-4. M.: Azbukovnik, RAN IRJa, 1998-2007.
23. Slovar'-tezaurus sinonimov russkoj rechi. [The thesaurus of synonyms of Russian language] / Pod obshh. red. prof. L. G. Babenko Moskva: Izdatel'stvo AST-PRESS KNIGA, 2007; 512 c.
24. Silant'eva M.V. "Drugoj" v gorizonte svobody (popytka dialoga skvoz' tuskloe steklo stereotipov ["Other" in the horizon of freedom (an attempt of dialogue through a glass of stereotypes)] // Recherche slavistiche. 2015. № 13 (59). S. 153-170.
25. Silant'eva M.V. Problema "kul'turnyh granic" v sovremennom mire: cennostnyj aspekt [The problem of "cultural borders" in the modern world: the value aspect] // Vestnik MGIMO Universiteta. 2014. № 2 (35). S. 235-239.
26. Silant'eva M.V., Shestopal A.V. Mezhkul'turnaja kommunikacija. "Mjagkaja sila" kul'turnyh moduljatorov [Intercultural communication. "Soft power" of cultural modulators] / Resursy modernizacii: vozmozhnosti i predely mezhdunarodnogo konteksta Materialy VII Konventa RAMI. 2012. S. 204-211.
27. Simonija N.A., Torkunov A.V. Novyj mirovoj porjadok: ot bipoljarnosti k mnogopoljnosnosti [New World Order: from bipolarity to multipolarity] // Polis. Politicheskie issledovanija. 2015. № 3. S. 27-37.
28. Smirnov A.V. Propozicija i predikacija [Proposition and predication] // Filosofskij zhurnal. 2016. T. 9. № 1. S. 5-24.
29. Smirnov A.V. Soznanie kak smyslopolaganie [Consciousness as Sense-making] // Filosofskij zhurnal. 2014. № 1 (12). S. 35-57.
30. Torkunov A.V. Sozdanie universitetov mirovogo urovnja: novye tendencii v rossijskom vysshem obrazovanii [Creating world-class universities: New Trends in Russian higher education] // Vestnik MGIMO Universiteta. 2013. № 2 (29). S. 7-11.
31. Torkunov A.V. Po doroge v budushhee – 2. [On the way to the future - 2.] Moskva, 2015. izd.: Aspect Press. – 552 s.
32. Chugrov S.V. Vzaimnye obrazy Rossii i Japonii. Nadezhdy na mjagkuju silu [Reciprocal images of Russia and Japan. Hopes for soft power] // Tetradi po konservatizmu. 2015. № 5. S. 75-81.
33. Chugrov S.V. Sushhestvuet li nezapadnaja politologija? (politicheskaja teorija T. Inoguti) [Is there a non-Western political science?] // Polis. Politicheskie issledovanija. 2016. № 4. S. 182-191.
34. Shestopal A.V., Silant'eva M.V. Mezhkul'turnaja kommunikacija v svete sovremennyh modernizacionnyh processov [Intercultural Communication in the light of contemporary modernization processes] / Mezhkul'turnaja kommunikacija: sovremennaja teorija i praktika Materialy VII Konventa RAMI: Nauchnoe izdanie. Pod redakciej A.V. Shestopala, M.V. Silant'evoj; otvetstvennyj redaktor A. V. Mal'gin. 2013. S. 10-16.

About the Authors:

Margarita Veniaminovna Silantieva – Dr. of Philosophical Sciences, Professor of Department of Philosophy of Moscow State Institute of International Relations of the Ministry Foreign Affairs of the Russian Federation, 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76. Scientific specialization – philosophy of culture. E-mail: silvari@mail.ru.

Alexei Viktorovich Shestopal – Dr. of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy of Moscow State Institute of International Relations of the Ministry Foreign Affairs of the Russian Federation.

СЛОВА ВНУШАЮТ СТРАХ: ТЕРРОР И/ИЛИ ВОЙНА

Л.И. Кирсанова

ФГБОУ ВО Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.
690014, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.



Различие терроризма и войны в философии не вполне устоялось. Мы предлагаем для характеристики того содержания, которое мыслится как терроризм и/или война, использовать следующие критерии: социальные места, средства производства (оружие), способы коммуникации и коллективные тела. Место – это не ландшафт того, что мы именуем как «архе» – отечество, родина, которое создаёт алиби дискурса войны, тогда как терроризм – это номадическое пространство. К средствам войны, как и терроризма относится всё то, что приводит в действие мощь силы и огня. Винтовка создаёт солдата. Именуемое в наличии количество вооружений продавливают его использование. Средства коммуникации – это способы легитимации террористического дискурса: объявление факта насилия терактом даже в случае, когда его причина неизвестна. Война же прерывает коммуникацию. Теракт и его последствия приводят в соприкосновение разные общественные тела: аффектированную телесность террориста (смертника и др.) и уравновешенную дисциплинированную телесность европейского человека. Аналитика телесных практик открывает нам бунтующие, перверсивные, аффектированные тела, а также тела дисциплины, послушания, то есть субъектные, суверенные тела.

Оставаясь включённым в общее поле террористической агрессии, покушения и предчувствия войн, эмпирический субъект способен достичь отрешённости посредством способов дистанцирования (Г. Гадамер), создания разрыва или зазора между познаваемым объектом и познающим субъектом. Нельзя отрицать, что в современной философии исследование терроризма и войны рассматривается в контексте философии власти, феноменов массового сознания, отчуждения индивида от форм всякой социальности и общей коммуникации. Автор, опираясь на понимание современной ситуации в мире как покушения (Ж. Бодрийяр), за которое кто-то должен ответить, что допускает способ объективного вменения вины. Методологически важным явилось различие между человеком-zoe и человеком-bios (Д. Азанбен), что позволило авторам различить аффективные тела терроризма и суверенную телесность западного человека. Результатом исследования явилась разработанная автором методология разтождествления войны и терроризма, обоснование критериев их различения.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, война, дискурсы войны и терроризма.

Нефилософы, как правило, не интересуются подробностями различения войны и террора, им всё ясно: это суть одно – смерть, насилие, несправедливость, боль, отчаяние и др. Неблагодарное назначение философа состоит в том, чтобы доходить во всём до концепции, сколь бы травматичным это ни было. Так определил свою задачу Ален Бадью, назвав статью «Философские соображения по поводу нескольких недавних событий», где речь шла о терактах 11 сентября в США [1]. Прежде чем рассуждать о фактах «горячей истории» (Франция, Париж – 2015, Россия, сбитый её гражданский самолёт) надо задуматься в то, являются ли эти события повторением или это что-то другое, затем придётся терпеливо допытываться, что лежит в их истоке, каковы причины, будет ли продолжение.

Вначале попытаемся суммировать те определения терроризма, которые предложил французский мыслитель. Он отметил, что имя «терроризм» имеет три функции:

- терроризм определяет субъекта, того, в кого нацелен теракт, того, кто поражен, ввергнут в траур, и потому должен отомстить, ответив ударом на удар. Французский президент выразил своё отношение в форме простого глагола-связки: мы пребываем в состоянии войны, призванной утвердить существование того ужасного состояния, в котором пребывают французы, а с ними и все европейцы, – война. Президент России выразил свой гнев в плане будущности, возможности или предположения какого-то сверхсильного ответа: месть будет ужасной. Различие состоит в том, что меланхолическая констатация Ф. Оланда – это война, не отменима, ибо она утверждает состояние войны, тогда как предположение о будущем (ответ В.В. Путина) допускает отступление, критику, короче, будущая месть может быть не только отложена, но и опровергнута. Никто, я думаю, не станет оспаривать различие декартианского дискурса Ф. Оланда и мифологического дискурса российского президента, ибо таковы свойства мен-

тальности тех народов, которые репрезентируют их лидеры;

- словом «терроризм» государство обозначает любого необузданного и/или вооружённого противника, как раз по причине его негосударственного характера. Систематически использовать вооружённые силы против другого государства имеет право только государство, в таком случае оно объявляет состояние войны через обмен нотами с помощью министров иностранных дел. Поэтому терроризм, по Бадью, это не война, а насильственное действие негосударственного характера, в отношении которого применяют такие формы, как антитеррористическая или контртеррористическая операция, полицейская операция, применение сил поддержания порядка и др. Именно такие слова использовал российский президент для обозначения операции в Чечне, ни одного раза он не говорил о войне. Чеченская война – это журналистский слоган, но не государственный и не политический.

Бадью считает существенным переход от террористического действия (прилагательного террористический) к существительному терроризм, это тот случай, когда форма скрытым образом становится сущностью. Ход мысли вполне очевиден для французского дискурса: переход осмысления по линии прилагательное – существительное – от прилагательного террористический к существительному терроризм. Попробуем с этим тезисом теоретически поработать: употребление прилагательного террористический допускает его привязку к таким существительным как террористическое действие (которому корреспондирует просто агрессивное), то есть оно лишь усиливает значение вполне обычного акта агрессии. В случае уличной ссоры между представителями разных национальностей, невозможно различить, когда это просто акт агрессии, а когда терроризм.

Возникающую двусмысленность словопотребления – террористическое действие вместо случайного аффекта, временного ожесточения, безразличия к возможным последствиям и тому подоб-

ное, необходимо устранить по психологическим, политическим и юридическим мотивам. Когда любое агрессивное действие можно именовать как террористическое, у человека возникает беспокойство, ощущение того, что определение применяют неправильно, слово «террористический» является чрезмерно «сильным» в отношении самого действия. К сожалению, такие «взбадривающие» прилагательные, как «террористический», довольно быстро изнашиваются от чрезмерного употребления, их начинают прилагать ко всему, чем открывается простор для объективного вменения со стороны правоприменительных органов.

В этом словоупотреблении официальная риторика является более сдержанной, чем журналистская, однако до полного выздоровления далеко, когда общество поражено страхами, тревогой за свою жизнь и жизнь своих детей и близких. Одним из приемов, которые используют террористы, является абсолютизация «случайной жертвы», что делает теракт чем-то вроде природной катастрофы или несчастного случая. Неизбежно возникающий инфантильный фатализм парализует способность «жертв» сопротивляться, давать отпор, проявлять солидарность. Разумеется, болезнь не зашла слишком далеко, обзор прессы и телевидения по итогам терактов в Париже показывает, что люди проявили великолепные образцы сотрудничества, единодушия, мужества.

Замена прилагательного «террористический» на существительное «терроризм» означает субстантивирование того содержания, которое становится чрезмерно важным, сверхценным. Перед лицом терроризма (форма скрытым образом становится сущностью) возможно конституировать некое мыслящее себя «Мы», как это произошло с французами («Мы все – Шарли Эбдо» или еще проще «Мы все – Шарли...»). Когда вместо формы единственного числа – «я могу стать жертвой теракта» появляется представление о множественности (единая Европа, европейские народы и т.п.) возникает ощущение могущества, эйфория множе-

ственности, бесконечности и неделимости массовидного тела, чувство бессмертия («всех не убьешь»).

Это тот редкий случай, когда европейское «я», маленькое и жалкое перед лицом безликого, безъязыкового варвара (исламиста) замещается грамматической множественностью – МЫ. В именовании Мы достигается эффект инаковости – Они не Мы, этот терроризм для нас Другой – исламский варвар (выражение Бадью). Заметим, что Европа имела свой собственный терроризм – итальянский («Красные бригады»), немецкий, французский маоизм в духе Кон Бендита и др. Однако сегодня эту историческую форму европейского экстремизма никто не ставит в одну связь с современным терроризмом. Бадью рассуждает далее: терроризм – это несуществующая субстанция, пустое слово. Но эта пустота драгоценна, поскольку её можно заполнить.

Совершенно строгое философское высказывание звучит так: всякая субстантивация формального прилагательного требует господствующего предиката. Сегодня предполагаемый субстанциональный носитель того, что называется «терроризмом» не может не получить предиката «исламский», что сводится к констатации того факта, что имеет место политическая инструментовка религии. Бадью предупреждает: когда инструментуется религия, товар субъективный и крайне непослушный в руках хитрых и жестоких политиков, людям следует быть крайне осторожными;

– обратимся к символическому регистру терроризма. Теракт как символ представляет собой послание, объявление о чем-то, демонстрацию. Совершенно очевидно, что некоторые теракты являются простым сообщением: просто знайте, мы есть, другие же содержат более развёрнутое сообщение. Теракт не прерывает коммуникацию, стороны продолжают обмениваться транзакциями, какими бы ужасными они не были. В символическом обмене коммуницируют истинные устремления, ценности, смыслы, то есть террор имеет отношение к нравственности. Либеральная точка зре-

ния, имеющая хождение во французской литературе, публицистике, философии состоит в следующем: проблема голоса и его отсутствия – вот маршрут, по которому может пролегать мысль (Софи Ваниш) [2]. Разберёмся с аргументами: западное общество, слишком благополучное, комфортное, заключает себя в понятие «МОЁ бытие...как бытие другого», а потому не может видеть себя адресатом иного послания (исламистского). Оно видит это послание как препятствие, а себя как мишень, как то, во что нацелены эти другие (исламские варвары) с целью разрушения и уничтожения. Для решения моральных задач защиты «своего» против «чужого» Запад активно использует факты разрушения варварами того, что является его культурным кодом – драгоценные развалины, христианские святыни. Вслед за Дж. Агамбенем заметим, что именование «террорист» включает в себя дисквалификацию всех тех, кто отождествляет себя с исламом, всех тех, кто угрожает, всех тех, кто вооружён, всех тех, кто хотя бы на них походит.

«У древних греков не было одного слова для обозначения того, что мы обычно имеем в виду, когда говорим «жизнь». Они пользовались двумя словами, восходящими к одному этимону, но различными семантически и морфологически: ZOE, означающее сам факт жизни, общий для всех живых существ (будь то животные, люди или боги), и BIOS, государственный, точнее, общественный образ жизни. В античном мире простая природная жизнь исключена из POLIS как такового и в качестве жизни чисто репродуктивной чётко ограничена пространством OICOS (дом, жилище). Исходя из этого разделения, можно допустить, что мигрант – это тот, кто исключен из полиса, хотя бы его ZOE ничто не угрожает. Его определение – тот, кто исключён» [3].

Террорист – это приём политического и юридического исключения, к которому охотно прибегают все западные демократии ввиду «невыносимой опасности». Неразрешимой становится проблема, как превратить возмездие в правосудие. Все страны традиционной западной

демократии позиционируют себя как правовые, что предполагает не только предъявление факта преступления, но и признание вины, тогда как возмездие отменяет вопрос о субъективизации действия, допускает наказание без вины.

Разберёмся с аргументом: право на речь, которое, как минимум, предполагает два регистра: то, что говорит, за словами так или иначе присутствуют вещи, и того, кто говорит. Общая всем нам современная мифология утверждает, что слова и вещи разошлись: демократия для восточного мира не предполагает национальную независимость, а права человека не корреспондируют с правом распоряжаться ресурсами собственной страны и проч. Все верно, однако, под мифом всегда таится альтернативная правда. Миф говорит правду, обоснованию этого тезиса Р. Барт посвятил книгу «Мифологии». «Миф не отрицает вещей, наоборот – его функция – говорить о них, но он очищает их, делает безобидными, находит им обоснование в вечной и неизменной природе, придает им ясность констатации факта» [4].

Поверхность англосаксонской мифологии – права человека, она не скрывает того факта, что речь идет о правах белого человека, мужчины и собственника, истина заключается в праве сильного брать то, что ему не принадлежит. Сколько бы словесная риторика не маскировала реальность все новыми покровами из никчёмных и пустых слов, в известный момент сознание людей начинает противиться лжи, распознавать «другую» правду. Исламский мир артикулирует себя из места, где есть нефть, и весомость этого «слова» такова, что оно отменяет все иные аргументы: идёт война за ресурсы. Вторая сторона права на речь предполагает ответ на вопрос, кто говорит. Кто говорит? Необходимо понимать, что ценность аргументации, опора на доказательства, умение держать тезис являются ценностями западного мира наряду с истиной, красотой, благом.

В основе христианской цивилизации стоят апостол Павел, Ориген, Августин, Аквинат, а обоснование себя, самообо-

снование является принципом политической и социальной жизни западного мира. Ислам аргументирует аффектами: чрезмерное насилие, молчаливое ожесточение, безразличие к мукам как чужим, так и своим, приверженность к огню и разрушениям, ненависть, отчаяние, зависть и проч. Делёз, знаток спинозистской этики, располагает причины аффектов вне индивидуальности, из-за чего наша способность к могуществу над своими желаниями уменьшается или вообще блокируется. «Нужно провести различие между двумя типами аффектов: действиями, объясняемыми природой, испытывавшей воздействие индивидуальности и вытекающими из её сущности, и страданиями, берущими своё начало вне индивидуального. Способность к действию наполнена активными аффектами. Способность испытывать воздействие наполнена страданиями, пассивными аффектами. «Мрачные состояния» (пассивные аффекты) представляют самую низкую ступень нашего могущества: тот момент, когда мы более всего отделены от нашей способности к действию, когда мы более всего отчуждены, отданы фантомам суеверия и мистификациям...» [5].

Аффекты как пассивные состояния, имеющие внешнюю причину, всегда равнозначны бессилию, тогда как речь и действие в соответствии со словом принадлежат к свободным и активным состояниям, потому что основываются на познании себя, вещей, идей и т.д. Можно предположить, что человек существует как бы в двух потоках: в непрерывном потоке аффектов, страстей, другой же поток связан с рациональностью, необходимостью определений, разыскиванием доказательств, формулированием и артикуляцией сложных идей. Поэтому правом на речь недостаточно просто наделить, это право нужно присвоить, субъективировать, в отношении исламского мира это более чем необходимо, учитывая традиционную слабость исламского богословия, за исключением суфизма.

Богословские трактаты служат не столько целям обоснования веры (это дело богословов), сколько задачам са-

мообоснования верующих. Очень может быть, что попытки говорить из места верующего исламиста сегодня кажутся нам неуклюжими. Не забыть бы нам притчи: в Ассизском монастыре у одного монаха был ужасный акцент, отдававший его родной Калабрией. Монахи смеялись над ним. Он был чувствителен и перестал разговаривать, если только не надо было предупредить о чём-то непредвиденном, о несчастье, о каком-то событии, которое достаточно важно само по себе, чтобы его акцент мог пройти незамеченным. Между тем он любил поговорить: случилось, он сам придумывал катастрофы. И поскольку он был искренен, ему удавалось их вызывать (6, с. 64).

Терроризм и война, какие войны мы ведём, можно ли говорить о войне или её следует отрицать, одно и то же война и вооружённая операция, вооружённый конфликт? Можно ли называть войной событие, которое ставит нас под угрозу смерти? Но тогда под это определение подойдут природные катастрофы, наводнение, цунами, смерчи и просто несчастные случаи. Для того чтобы рассуждать о войне и её отличии от терроризма, необходимо задать критерии, которые позволяют определить понятие в строгом, а не расширительном или метафорическом смысле. Предлагаем для характеристики войны использовать следующие критерии: места, средства производства (оружие), средства коммуникации и коллективные тела.

Место – это не просто место, где применяют оружие, это подходящее место, которое гарантирует правомерность использования вооружений, а следовательно, алиби присутствия военных, а также устойчивость политического и государственного дискурса. Ясно, что капитал наиболее достоверен на фабрике и в банке, рабочий – у станка, а воин – на своей земле, где он защищает отечество. Подлинная война – отечественная, в которой народ как полное целое, а не этносы, классы или элиты борются за выживание.

В слове война имеется оппозиция: единое и партикулярное. Война – это «архе», то единое, что наличествует для

«всех» данного народа, для всех без исключения, война, в которой возникает такая форма связности всех со всеми, которую называют одна судьба и даже участь. Партикулярное относится к области того, что может дробиться, распадаться на множественности – этнические, классовые, социальные, религиозные и т.д., когда народ не осознаёт себя как политическое и государственное целое, а потому в событии войны пребывать не может. Российское государство и его вооружённые силы могут находиться в состоянии вооружённого конфликта в Сирии, например, или где-то ещё, но народ как «архе», как первоэлемент и первопричина единого не может быть верным событию войны. Верность событию, пребывание в его истине, причастность к нему, присутствие в бытии допускает как рациональные, так и интуитивные моменты, что указывает только на степень зрелости этого целого, но не на его отсутствие. Когда возникает нужда в едином, общем всем деле – русские четыре дня на всех радио и телеканалах читают «Войну и мир» Л. Толстого.

В отличие от войны как «архе» терроризм, как и контртеррористические операции, составляют часть политики западного, российского и китайского миров, являются продолжением современной науки и технологий, вписываются в систему «двойных» стандартов морали. Акт терроризма подчиняется схеме причинно-следственных связей, которыми пользуется разум, никакого провала в бытии или изъяна в способности мыслить не производит. Терроризм – это отражение нашей способности познавать мир, воздействовать на мировые процессы, подчинять своим интересам. Исторически сложилось так, что Европа и Америка раньше других народов и за их счёт обеспечили себе богатое, комфортное существование, назвав себя центром цивилизованного мира.

Не удивительно, что на его периферии возникли анклавы «нецивилизованного» существования – Ирак, Афганистан, Сирия, Ливан и другие. Это те, которые сегодня разными методами – террориз-

мом, миграцией, созданием «исламского» государства – пытаются прорвать пояс цивилизации. Внутри европейского замкнутого пространства комфорта и благополучия такое проникновение «аномальных» индивидов рассматривается «правыми» как что-то неразумное и нетерпимое, а либералами как возможность осуществить цивилизационную миссию.

В течение небольшого отрезка времени наблюдается сдвиг значений у либералистов: сначала под миссией понимали образование, профессиональные школы для мигрантов, социальные пособия, цивилизационные преимущества. Сегодня же это просеивание миграционной среды полицейскими методами, кордоны, создание мест удержания и контроля и проч. Более того, раздаются голоса европолитиков, встречающих всё большее сочувствие у обывателей, о намерении отодвинуть границы «девиации» до Турции и Африки. Это означает, что замечательная западная «машинка» разума либо сломалась, либо существенно повреждена. Кто-то другой как «чёрный демон» приходит в дом европейца, занимает его место на заправке, в супермаркете, на улице, в баре, что квалифицируется как порча, как покушение на европейские ценности. Слово-манна «европейские ценности» не действует на представителей тела-зое.

Практики заклинания, умиротворения и умилоствления вызывают у мигрантов прямо противоположные аффекты – ненависть, зависть, агрессию, злобу. Необходимо обратиться к критерию телесности, чтобы понять разницу между теми общественными телами, которые вошли в соприкосновение. Разум западного человека с помощью технологий машинизирует общественное тело, приучает его к послушанию и порядку. Работа М. Фуко «Надзирать и наказывать» о тотализирующих практиках власти через школу, больницу, тюрьму, армию считана с западной ментальности. Следует различать «политические технологии» в рамках некоей науки о полиции, при помощи которой государство

присваивает и включает в себя заботу о природной жизни индивидов и «технологии себя». Через них осуществляется процесс субъективации, подчинения, приводящий к тому, что индивид оказывается связанным собственной идентичностью и собственным сознанием и одновременно подчинённый внешнему контролю [7].

Исламское общественное теловосприимчивое техники цивилизации как внешние по отношению к себе, как абстрактные, нарушающие их биологическую и религиозную схемы тела. Здесь уместно вспомнить о различии дионисийской и аполлонической телесности, попытке, которую предпринял Ницше задолго до того, когда произошло нынешнее цивилизационное столкновение. Всякое общественное тело представляет собой поле битвы между телом-ZOE и социальным телом, с той лишь разницей, что в одних преобладает порыв стихийных сил, связанных с биологической природой человека (аффекты, страсти, согласно Спинозе), в других – сил порядка, дисциплины и формы. Дионисийство – это стихия, имеющая место быть, которую человек способен укротить либо внешним деянием (пятикратный намаз), или внутренне переработать в форме мировоззрения и морали.

Почему террор, почему оружие? Винтовка рождает человека? В оружии как таковом опредмечена «битва» материалов: биологический материал (человек) производит не-человеческое – сталь и огонь, то есть он сам становится средством господства и разрушения. Оружие как средство тотального разрушения (война как поле дионисийства – эта идея принадлежит Эрнсту Юнгеру [8]) овладевает дионисийскими силами, совпадает с ними до полного слияния. Овладеть «механической смертью» – винтовкой, автоматом гораздо проще, чем любым другим орудием – трактором, станком или даже плугом. Аффектированные общественные тела соединяются с разрушительной силой оружия и действуют как единая мощь стали и огня. Апостол Павел сравнивает веру с делом (молит-

ва и труд – однопорядковые явления), любовь – с тяжёлой работой, трудом, тяготами. Молитва, как и труд, отсылает к стойкости, упорству, терпению. Теракт – мгновенное, формальное действие: бах – и ты на небе.

Воины аллаха – обычное словосочетание, но нет ли здесь противоречия? Воин, который превращён в инструмент воли Другого, способен только в внешнему подчинению, он не господин самому себе, а раб веры. Вот как, например, излагает дзэнское послушание Т. Судзуки: «Когда наносится удар по кремню, из него высекается искра, и между этими событиями нет никакого временного разрыва. Если приказано: Направо!, надо сразу же со скоростью молнии, повернуться направо. Если выкрикивается чьё-то имя, например, «Уэмон» следует просто ответить «Я», а не задумываться, почему выкрикнули именно твоё имя» (9, с. 50). В соответствии с этим подходом можно предположить, что воин аллаха не выступает как личность, он полностью аффектирован другим, он ни в коем случае не сам, но меч разящий.

Террор и покушение, ещё одна понятийная связка, которая позволит нам определить терроризм как экзистенциальное переживание. Атмосфера жизни современного западного человека, как и россиянина – это Покушение, мы проживаем под знаком того, что на нас покушаются. «Малейший беспорядок, катастрофа, землетрясение, рухнувший дом, непогода – всё это тоже покушение. Поэтому не столь интересен рост вредительства, терроризма, бандитизма, сколько тот факт, что всё происходящее интерпретируют как покушение. Природа и политические действия слились в одну категорию: покушение. В рациональной системе так и должно быть: всякая, любая случайность должна быть отнесена только на счёт чьей-то человеческой воли, а потому любая неполадка расценивается как порча или, в политическом контексте, как покушение на общественный порядок. Некоторые политические группы только тем и занимаются, что берут на себя ответственность за тот или

иной несчастный случай или террористический акт, происхождение которого неизвестно, в этом состоит «вся их практика» – превращать случай в подрывную деятельность» [10].

Террор отличается от цунами, наводнения, землетрясения и других чрезвычайных явлений тем, что природные и техногенные катастрофы не выходят за порядок «несчастливого случая», за который никто не отвечает. Даже разлив нефти из танкера только условно является «виновным», потому что за аварией стоят силы моря, стихии, предустановленные дефекты технических средств и проч. Покушение – это результат чьего-то злого умысла, это чьё-то вредительство, а значит – за это кто-то должен ответить. Необходимость ответить вызывает фигуру «возмездия», которая способна призвать силы Ада на голову врагов.

Ситуация Войны и Покушения различаются. Война предполагает врага, который пространственно локализован, отделён от нас государственной границей, с ним прерваны публичная коммуникация, более того – противная сторона артикулирует себя как врага, распространяет ноты протеста, угрожает и проч. Каждая из сторон обозначает себя из места нации, народа, государства. «Исламское государство» – это перверсивное место, оно безместное, номадическое, кочевое. Безместность, кочевничество того, кто покушается, делают его неопознаваемым, а потому более опасным, чем все прежние враги (известно, где Америка, Германия, а где исламское государство, не знает никто). Тот, кто покушается пространственно, не локализован, он не имеет места, точнее, он – везде, в каждой точке общественного пространства может обнаружить себя самым неожиданным образом. Без опространствливания, без территориализации «потенциальные жертвы» пребывают в состоянии паранойяльного страха,

теракт может произойти в любой точке мира, в любое время, его нельзя предвидеть и спастись.

Войны так не ведут: в войне ясно, где свои, а где – чужие, именно поэтому терроризм – не война. Большое значение имеет символический регистр терроризма, без артикуляции, которая всегда задерживается по отношению к факту (гибель российского самолёта и объявление теракта отстояли во времени) люди пребывают в страхе, тревоге, в опасности. Именование приносит облегчение, несмотря на трагический регистр значений – количество погибших и раненых, средства взрыва и др. Имя того, кто покушается, обладает свойством демонической оборачиваемости: вчера это был владелец кафе или служащий аэропорта, а сегодня – террорист, значит покушаются...все и никто. Внезапно, одним скачком возникает враг, и «воин» автоматически выполняет функцию устранения. Сформировалась новая субъективность, которая ставит под вопрос возможность отклика на призыв другого. Допустимо ли окликнуть исламиста: «кто ты?» Можно ли получить ответ от того, кто не включен в регистр того, кто откликается. Поясню: «Авраам?» – «Вот – я», отклик возможен только потому, что вера его велика есть, потому что он знает Бога.

Террористическая телесная машина – это не исламское религиозное тело, как можно предположить, это гештальт. Целое гештальта, как показал Юнгер на примере рабочего, не состоит из совокупности частей, это есть нечто трансцендентное по отношению к отдельному исламисту, к массе исламского народа и даже мусульманской телесности. Общественное тело исламиста – это гештальт, который безразличен в отношении тел, посредством которых он себя конституирует – англичанин, француз, русский, араб, только органы этого жестокого и беспощадного механизма.

Список литературы:

1. Бадью А. Философские соображения по поводу нескольких недавних событий // Критическая масса. 2002. №1 <http://magazines.russ.ru/km/2002/1/bad.html>.
2. Ваниш С. Революционный террор и терроризм. Мир в войне: победители/побежденные. М.: Фонд научных исследований. Прагматика культуры, 2003. 203 с.
3. Агамбен Дж. НОМО SACER. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Изд-во «Европа», 2011. 256 с.
4. Барт Р. Миф сегодня. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С.72–130.
5. Делез Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М.: ПЭР СЕ, 2000. 351 с.
6. Полани Ж. Тарбские цветы или террор изящной словесности. СПб, Наука, 2000. 336 с.
7. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Пер. с франц. М. Касталь. 1996. 446 с.
8. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли. Пер.с нем. А.В. Михайловского. СПб.: Наука. 2000. 544 с.
9. Жижек С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. М.: «Европа», 2009. 336 с.
10. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, КДУ, 2000. 387 с.

Об авторе:

Кирсанова Лидия Игнатьевна – д. филос. наук, профессор кафедры философии и юридической психологии ФГБОУ ВО Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41). Научная специализация – социальная философия. E-mail: kirsanovalidiya@rambler.ru.

WORDS HOLD IN AWE: TERROR AND/OR WAR

L.I. Kirsanova

Vladivostok State University of Economics and Service, Russia, 690014, Vladivostok, Gogolya Street, 41.

Abstract. *The difference between terrorism and war in philosophy is not yet clarified. We suggest the following criteria to define a concept of terrorism and/or war: social places, means of production (weapon), ways of communication and social bodies. Place is not a landscape, but we name it "Arche-" homeland, motherland, which provides war discourse alibi, while terrorism is a nomad field. Everything put into action by force and fire is considered to be means of war and terrorism. Rifle creates a soldier. Available quantity of weapons encourages its usage. Media is a way of legitimization of terroristic discourse: violence is declared as an act of terrorism even when its reason is unknown. But war breaks communication. Terroristic act and its consequences force different social bodies to interact: affected terrorist's body (suicide bomber and others) and even-tempered disciplined social body of European man. Analysis of social bodies' practices shows us rebelling, perverse, affecting bodies as well as bodies full of discipline, obedience, in other words - subjective, sovereign bodies.*

Key words: terrorism, act of terrorism, war, war and terrorism discourse.

References:

1. Bad'ju A. Filosofskie soobrazhenija po povodu neskol'kih nedavnih sobytij [Philosophical reasons concerning several recent events]. Moscow, Zhurnal «Kriticheskaja massa», 2002, №1. <http://magazines.russ.ru/km/2002/1/bad.html> (in Russian).

2. Vanish S. Revoljucionnyj terror i terrorizm. Mir v vojne: pobediteli/pobezhdennye [Revolutionary terror and terrorism. The world in war: winners / won]. Moscow: Fond nauchnyh issledovanij. Pragma-tika kul'tury, 2003. 203 s. (in Russian).
3. Agamben Dzh. HOMO SACER. Suverennaja vlast' i golaja zhizn' [Sovereign power and naked life]. Moscow: Izd-vo «Evropa», 2011. 256 s. (in Russian).
4. Bart R. Mif segodnja. Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika [Myth today. Chosen works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress, 1989. 72–130 s. (in Russian).
5. Delez Zh. Kriticheskaja filosofija Kanta: uchenie o sposobnostjah. Bergsonizm. Spinoza [Critical philosophy of Kant: the doctrine about abilities. Bergsonizm. Spinoza]. Moscow: PJeRSE, 2000, 351 s. (in Russian).
6. Polani Zh. Tarbskie cvety ili terror izjashhnoj slovesnosti [Tarbsky flowers or terror of graceful literature]. Saint-Petersburg, Nauka, 2000, 336 s. (in Russian).
7. Fuko M. Volja k istine: po tu storonu znanija, vlasti i seksual'nosti [Will to the truth: on that side of knowledge, the power and sexuality]. Per. s franc. Moscow, Kastal', 1996. 446 s. (in Russian).
8. Junger Je. Rabochij. Gospodstvo i geshtal't. Total'naja mobilizacija. O boli [Worker. Domination and Gestalt. Total mobilization. About pain]. Per.s nem. A.V. Mihajlovskogo. Saint-Petersburg. Nauka. 2000. 544 s. (in Russian).
9. Zhizhek S. Kukla i karlik: hristianstvo mezhdu eres'ju i buntom [Doll and dwarf: Christianity between heresy and a revolt]. Moscow: «Evropa», 2009. 336 s. (in Russian).
10. Bodrijjar Zh. Simvolicheskij obmen i smert' [Symbolical exchange and death]. Moscow: Dobrosvet, KDU. 2006. 387 s. (in Russian).

About the Author:

Lidiya Ingnatyevna Kirsanova – Dr. of Philosophical Sciences, Professor of Department of Philosophy and Legal Psychology, Vladivostok State University of Economics and Service. Russia, 690014, Vladivostok, Gogolya Street, 41. Scientific specialization – social philosophy. E-mail: kirsanovalidiya@rambler.ru.

ДИСКУРС БУДУЩЕГО В ПРАКТИКЕ РЕАЛИЗАЦИИ МАРКСИСТСКОЙ УТОПИИ

Н.Г. Митина

Дальневосточная государственная академия искусств. Россия, 690990, Приморский край, г. Владивосток, ул. Петра Великого, д. 3-а.



Статья исследует феномен пролетариата, который выступает в качестве социального тела утопических проектов марксизма. Поскольку социокультурная действительность в каждый конкретный исторический период представляет собой уже сложившуюся и достаточно устойчивую структуру, а утопия рассматривается в качестве явления социокультурной действительности, включающего в себя характерные черты той цивилизации, на базе которой она формируется, представляется возможным выявить специфику русского рабочего-пролетария и практические методы формирования его сознания.

В статье обоснована мысль о том, что особенности социокультурной действительности стали причиной оформления линии государственного марксизма, делавшего упор на необходимости скорейшего преобразования стихийного пролетарского сознания, его деструктивного начала в позитивное, воспитав его самосознание и создав позитивный тип рабочего-пролетария, в массе своей сформировавшего социальное тело марксистского утопического проекта. Созидательное начало сформированной ранее фигуры солдата обусловила политику милитаризации труда и использование его в строительстве социализма. Особенности российской действительности стали причиной оформления государственного марксизма, делавшего упор на скорейшем преобразовании стихийного начала в рабочее движение в организованный класс. И в этом процессе важную роль играли речевая практика и визуализация.

Процесс визуализации советская власть продвигала через кинематограф, огромное значение которому придавал В.И. Ленин. Одобренные партией кинопроекты С. Эйзенштейна, А. Довженко и многих других, минимально использовали речь, заменяя её лозунгами или экспрессивными жестами и движениями, что было понятно и узнаваемо для народной массы, помогало «заменять реальность вымыслом, истину событий – верованием учредить невозможное вместо действительности» (Л.И. Кирсанова). Средства упрощения содержания текста, делавшие его доступным широким массам, способствуют, таким образом, сплочению массы трудового народа, осознающего таким способом свою причастность к великому делу.

Ключевые слова: утопия; дискурс; социальное тело; милитаризация труда; протописьмо; насильственная речевая практика; визуализация.

В основе марксизма лежит учение о пролетариате – классе, который должен решить задачу создания нового коммунистического общества. Пролетариат, в свою очередь, выступает в качестве социального тела утопических проектов марксизма. Учение о пролетариате, созданное К. Марксом и его сподвижником Ф. Энгельсом, обосновывает историческое значение и задачи данного класса. Для них рабочий является разрушителем ценностей цивилизации, прежде всего государства, которые созданы угнетёнными для обеспечения потребностей господствующего класса. В раннем марксизме пролетариат выступает как «самый низший слой современного общества», который, чтобы «подняться», должен всё уничтожить насильственным путём [9, с. 434 – 435]. На это указывает в своем исследовании фигуры рабочего и Э. Юнгер, подчёркивая, что новый мировой порядок не является сам собой, а создаётся «в рабочем ритме череды мировых и гражданских войн» [30, с. 142].

Одним из первых марксизм привносит на русскую почву Г.В. Плеханов. В своих произведениях он подчёркивает несостоятельность стихийного народного движения [14, с. 27–90], на которое рассчитывали предшественники марксизма – народники и позднее анархисты. По его мнению, Маркс и Энгельс переоценивали «способность к революционному действию тогдашнего бессознательно-большинства пролетариата». Плеханов считал, что эти ошибки необходимо учесть русским марксистам, чтобы не допустить поражения русского пролетариата [13, с. 298]. Он приходит к выводу о необходимости силы, которая организует пролетариат, так как народное движение не способно «развиться в высшую коммунистическую форму без непосредственного воздействия на них сильной и хорошо организованной рабочей социалистической партии» [14, с. 28].

Теория государственного марксизма получила дальнейшее развитие в трудах В.И. Ленина, который, осознав неспособность стихийного элемента к самостоя-

тельному действию, останавливается на теории классовой борьбы. Он уделяет особое внимание идее политической организации пролетариата – диктатуре. Данная идея была развита им в учение о диктатуре пролетариата в работе «Государство и революция», где точка зрения на пролетариат изменяется: если у Маркса в «Немецкой идеологии», в «Манифесте Коммунистической партии» пролетариат – это освобождённая сила трудового народа, то у Ленина – это диктатура организованного класса. Он подчёркивает, что авангард пролетариата, который способен «взять власть и вести весь народ к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых», воспитывается марксизмом в рабочей партии [7, с. 22 – 26].

Относительно характеристики марксиста он даёт жёсткое определение: «Марксист лишь тот, кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*» [7, с. 34]. Таким образом, для Ленина пролетарское сознание – стихийный элемент, не способный к самосознанию, только партия способна внести элемент самосознания, организации в пролетарское движение и привести его к цели – диктатуре пролетариата. С. Жижек в исследовании, посвящённом В.И. Ленину, отмечает, что Ленин ««формализовал» Маркса посредством определения партии как политической формы» её вмешательства в историю» [4, с. 51]. Роль партии в организации рабочих отмечает Э. Юнгер, указывая на тот факт, что она является новой формой единства и находится «в культовом отношении к гештальту рабочего» [30, с. 379].

Теория государственного марксизма дальнейшее развитие получила в трудах Л.Д. Троцкого. Он так же, как и другие сторонники государственного марксизма, отмечает руководящую роль партии: «Свою диктатуру пролетариат осуществляет через советское государство. Коммунистическая партия является руководящей партией пролетариата,

а, следовательно, и его государства» [26, с. 12]. Троцкий подчёркивает необходимость союза пролетариата с крестьянством, без которого нельзя разрешить задачи демократической революции, однако «осуществление революционного союза пролетариата и крестьянства мыслимо только под политическим руководством пролетарского авангарда, организованного в коммунистическую партию» [28, с. 73]. Таким образом, Троцкий так же отводит партии роль главной организующей силы для пролетариата.

В качестве способа организации пролетариата в период строительства социализма Троцкий предлагает мобилизацию труда и всеобщую трудовую повинность [24; 25; 27; 29], которая решается с помощью милитаризации жизни: «Проведение трудовой повинности немыслимо без применения – в той или другой степени, – методов милитаризации труда» [29, с. 73]. Кроме партии, в этом процессе руководящая роль отводится профессиональным союзам, «в состав которых должны быть возвращены лучшие рабочие, прошедшие военную школу» [27, с. 9]. Созидательное начало в фигуре солдата, осознание им своих действий обусловили его использование в мирной жизни, сделали его опорой власти в решении задач строительства социализма.

Система, предложенная Троцким, была в дальнейшем использована на стройках социализма И.В. Сталиным. Он, как и Ленин с Троцким, считал, что «только пролетариат в состоянии объединить и вести за собой распылённые и отсталые слои трудящегося и эксплуатируемого населения». И в этом ему помогает структура Советской власти [23, с. 35]. После объединения Советов (при лидирующем положении в них рабочих) и подчинения их контролю партии они становятся удобной формой власти для большевиков – власти, которая обеспечивала организацию и контроль над трудящимися.

Важную роль в трудовой организации пролетариата и его воспитании играют и практические методы, применённые Сталиным. Это грандиозное строитель-

ство периода индустриализации, одним из главных объектов которого являлось выполнявшее важную идеологическую роль московское метро. Исследователь метрореальности М. Рыклин подчёркивает, что дискурс метро является насильственной речевой практикой и в его рамках мобилизация и война становятся «чем-то естественным и неизбежным» [15, с. 1]. В ходе гигантского строительства и связанного с ним развития движения ударников производства происходит «преобразование некультурного метростроителя в культурного». М. Рыклин выделяет в этом процессе два пути: или осознание своей великой задачи, правильности курса партии, или, как несознательный, он становится врагом и его перевоспитывают [17, с. 1]. Он выделяет синкретичность системы общественных отношений, которая, по его мнению, приводит к идеологическому обоснованию трудовой установки, к правовому обоснованию данной политической линии [19, с. 67].

Выводы Рыклина подтверждает исследование Э. Юнгера, который, рассматривая гештальт рабочего, приходит к выводу, что последней и высшей ступенью мобилизации материи рабочего является осуществление тотального характера работы, а результат единства технического пространства и типа выражается в «стирании различий между органическим и механическим миром»; его символом является органическая конструкция» [30, с. 260]. Таким образом, формируется трудовая механическая масса – народ, уничтожающая индивида и имеющая перед собой единую цель – строительство коммунизма. Данный процесс нашёл отражение и в стирании гендерных различий, поскольку для власти важен был не отдельный мужчина или женщина, а «человек-борец», строитель коммунизма [11, с. 92 – 93]. В данном процессе организации и воспитания пролетария используются все методы – от «кнута» (репрессии с целью перевоспитания) до «пряника» (привилегии для ударников производства – героев социалистического труда).

М. Рыклин выделяет ещё один способ формирования коллективного сознания в сталинском метрополитене: образность метро – фигуры, расположенные в публичных пространствах «воплощают господствующую идеологию публичности, доводя аперсональность массы до логического завершения» [19, с. 41]. Необходимо отдельно остановиться на роли образности. Как уже отмечалось, квалификационный уровень метростроителей (как и всей рабочей массы) был низким, и это затрудняло для них осознание цели и задач строительства, понимание технической стороны своей работы. Само чтение текста было для них затруднено, многие были неграмотными. Неспособные овладеть текстом, рабочие видели предлагаемый им образ, использованный в оформлении первых станций метрополитена. Визуальный ряд упрощал понимание, он позволил выразить в простой форме техническую идею метро. Это и стало причиной визуализации.

Визуальный образ возвращает к прото-письму, суммирует эффект труда. Визуализация аналогична жесту, который упрощает понимание смысла. Как подчёркивает Ж. Деррида в своей работе «Ограмматологии», жест является дикарским письмом, обращённым к зрению, он «предваряет словесный язык». Следовательно, «метафорическое (перво)начало речи пробуждается, открывает глаза в самом средоточии языка». Анализируя работы по языку Ж.-Ж. Руссо, он приходит к выводу, что первый язык был образным [3, с. 412 – 415]. При восприятии текста или устной речи может возникнуть ошибка непонимания вследствие разрыва означающих, разрыва смысла. Здесь же, в тексте-фигуре, прото-письме, по выражению Деррида, «означающее как таковое означает опять-таки означающее, а вовсе не саму вещь и не какое либо непосредственно представленное означаемое» [3, с. 413].

Образ – это вещь, которая «переносится в своего двойника (то есть в сферу идеальности) для другого». Это изображение, заключает Деррида, является аллегорией, а «аллегория – это ди-

карское изображение» [3, с. 482 – 483]. Жест (визуальный образ) указывает на вещь, предмет, эмоцию, и тем самым делает возможным избежать ошибки, непонимания. Визуализация активно используется в процессе стирания гендерной идентичности. Образы женщин в советской прессе, изобразительном искусстве 1930-х гг. практически лишены женственности – это образцы коллективного, деперсонифицированного тела, неотделимые от своих орудий труда, механизмов, за которыми их изображают художники, фотографы [10, с. 122].

Эстетическая составляющая образного мира культуры связана с «ориентацией в сфере социального поведения, с регуляцией повседневной жизни обществ, соотнесённых с идеалами их предназначения и высшими целями существования», указывает В.С. Глаголев [2, с. 268]. Визуализация образа, как правило, происходит в утрированной форме, что ещё более упрощает понимание и заставляет испытывать простые, однозначные чувства, что объединяет массу. Однако обратное превращение образа в текст требует интеллектуального усилия, к которому пролетарий не способен, происходит деградация сознания до уровня образа. Следовательно, визуальный образ метро означает интеллектуальную деградацию адресата, где для большинства – массы – постижение смысла речи-текста возможно только через идеографический образ.

Процесс визуализации власть продвигала через кинематограф, огромное значение которому придавал В.И. Ленин: «Вы должны твердо помнить, что из всех искусств для нас важнейшим является кино» [8, с. 579]. Кинопроекты, одобренные советской властью (особенно ярко это проявляется в кинолентах 1920-х – 1930-х гг. С. Эйзенштейна «Стачка», А. Довженко «Земля» и др.), минимально используют речь, её заменяет лозунг или экспрессивный жест, который понятен и узнаваем для массы, в большинстве своём неграмотной. Искусство идёт за деградацией адресата. Кинематограф позволяет власти «заменить реальность

вымыслом, истину событий – верованием учредить невозможное вместо действительности», отмечает Л.И. Кирсанова. «Киноязык работает на границе мысли и воображаемого (чувственного), то есть там, где наглядное (видимое) превосходит мыслимое». [5, с. 208 – 209]. В кино очень высока способность зрительных и слуховых образов эффективно стирать значимость реального бытия [6, с. 60].

Визуальная проекция соединяется с лозунгом и плакатом. Средства упрощения содержания текста, делавшие его доступным широким массам, способствуют, таким образом, сплочению массы трудового народа, осознающего таким способом свою сопричастность к великому делу. Прото-письмо, прото-жест направлен на публику – массу, коллектив, а не на отдельного индивида. На данный аспект визуализации указывает и М. Рыклин: «Визуальное измерение в речевой культуре не проходит через фильтры индивидуализации». Главным предметом репрезентации становится масса, всё ориентируется на коллективную идентичность. Полное отсутствие персонификации приводит к тому, что любая форма индивидуализации рассматривается как дьявольское начало, как грехопадение [19, с. 17 – 18].

Процесс обезличивания проявляется во всех видах изобразительного искусства (скульптура, фотография, живопись) – взгляд «стирает лицо, уничтожая актом смотрения собственную субстанцию». Данный процесс устремлённости «к коллективной идентичности превращает эти изображения в симулякры», подчёркивает М. Рыклин [19, с. 85]. В итоге коммунальные тела, по его выражению, расправляются «со всей мыслящей периферией», и сам народ становится «окончательным референтом террора», который деградирует до уровня предмета, нуждающегося в банальном объяснении» [19, с. 45 – 48]. Поскольку упрощённо понятый большевиками мир возможно было преобразовать только силой, Сталин выбил из этого мира «остатки сложности, свёл его к пропагандистским фор-

мулам, малейшее сомнение в которых каралось смертью» [16, с. 25]. Плакат не содержит возможности обсуждения, его нельзя поставить под вопрос, оспорить. Экономия письменных средств приводит к невозможности интерпретации и, таким образом, закрепляет в сознании адресата заложенный в нем единственный смысл.

В условиях современности, когда речь становится невнятной, а письмо утрачено, отсутствует единый язык, это приводит к использованию языка жестов (например, реклама), мы вновь сталкиваемся с подобным явлением. М.В. Силантьева, анализируя кризис современной культуры, отмечает, что проблема понимания раскрывается с информационно-коммуникативной стороны [20, с. 227]. Стандартизация языка, по её мнению, неотвратимо влечёт за собой изменения в сознании [21, с. 87]. Она подчёркивает влияние современных «гуманитарных технологий» на процесс коммуникации, которые выступают средствами трансляции и реализации управленческих решений [22, с. 410].

Однако сегодня это происходит с помощью новых средств, в том числе игры, как указывает Деррида: «Возникновение письма есть возникновение игры...» [3, с. 120]. Атрибутика того времени отражала идеальный образ, так что фигуры рабочего, колхозницы нельзя было менять, они не были фигурами для игры. Дискурс метрополитена серьёзен, прото-письмо не допускает игры. Рыклин следующим образом описывает этот процесс: большевики не расколдовывают мир, очищая его от религиозности, а наоборот «опутывают его многослойной тайной, делают максимально непрозрачным для самих обитателей». А символами «непрозрачности установившихся социальных отношений становятся новые культовые сооружения и обряды» [16, с. 16]. Вовлекая массу в новое социально-идеологическое пространство, сталинизм заменил вопрос: не «участвовать или не участвовать?», на другой – «жить или умереть?». Народ как музыкальный инструмент был готов откликнуться в

нужный момент на взмах палочки дирижера – партии [18, с. 185, 187].

Дж. Агамбен использует термин *homo sacer* (преступник, дурной, бесчестный, нечестивый человек), которым определяет находящихся в лагерях, гетто, жертв холокоста, подлежащих убийству, отверженных. Этот термин соотносится с коммунальными телами, массой, превращённой новой жизнью в *зоэ* (означает факт жизни, общий для всех живых существ). Философ отмечает особенное значение обнаженности жизни *homo sacer* и подчёркивает: «Голая жизнь – объект осуществляемого суверенной властью насилия...» [1, с. 148 – 149]. Анализируя концепцию Агамбена, Д. Новиков подчеркивает, что производство «нагой жизни» сопровождает производство политического [12, с. 40]. Таким образом, визуализация становилась одним из средств и способов подчинения и террора.

Следовательно, государственный марксизм ставит своей задачей преобразовать стихийное пролетарское сознание, его деструктивное начало в позитивное – через самоорганизацию, воспитав таким образом его самосознание, и создать позитивный тип – рабочего-пролетария. Сформированная ранее фигура солдата, созидательное начало в ней, обусловила политику милитаризации труда и использование солдата в строительстве социализма. Эти особенности российской действительности могут быть причиной оформления линии государственного марксизма, делавшего упор на необходимость скорейшего преобразования стихийного начала в организованный класс. И в этом процессе важную роль играют насильственная речевая практика и визуализация, которые выступают в качестве дискурсивных практик в процессе реализации марксистского проекта.

Список литературы:

1. Агамбен Дж. *Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М.: «Европа», 2011. 256 с.
2. Глаголев В.С. Смысл образа и образ смысла – двуединая задача религиозно-эстетической проблематики // *Религиозность: личность перед вызовами бытия. Материалы международных научных конференций*. Т.21. Владимир: ВлГУ, 2012. С. 267-275.
3. Деррида Ж. *О грамматологии* / пер. с франц., вступит ст. и комм. Н.С. Автономовой. М.: «Ad Marginem», 2000. 512 с.
4. Жижек С. 13 опытов о Ленине. М.: Ад Маргинем, 2003. 255с.
5. Кирсанова Л.И. Политическое как знаково-символическое // *Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС*. Владивосток: ВГУЭС, 2009. № 2 (2). С. 205 – 209.
6. Кирсанова Л.И., Коротина О.А. Дискурс фантастического в его отношении к самому себе и реальности (объективности) // *Вторые Лемовские чтения: сб. материалов Всероссийской научной конференции с международным участием памяти Станислава Лема* / отв. ред. А.Ю. Нестеров. Самара: Изд-во Самар. гос. аэрокосм. ун-та, 2014. С. 49 – 61.
7. Ленин В.И. *Государство и революция* / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: 5-е изд. М.: Политиздат, 1962-1981. Т. 33. С. 1 – 120.
8. Ленин В.И. *Директивы по киноделу. Примечания* / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: 5-е изд. М.: Политиздат, 1962-1981. Т. 44. С. 360 – 361.
9. Маркс К., Энгельс Ф. *Манифест Коммунистической партии* / К.Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955–1975. Т. 4. С. 419 – 459.
10. Митина Н.Г. Марксистский гендерный проект // *Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета*. 2007. № 1 (41). С. 114 – 126.
11. Митина Н.Г. Эволюция идей гендерного равенства в российских философских утопиях (конец XIX – середина XX веков). Владивосток: ТГЭУ, 2008. 200 с.
12. Новиков Д. В. Два языка Джорджо Агамбена // *Социологическое обозрение*. Т. 6. 2007. № 1. С. 38 – 40.
13. Плеханов Г.В. *Двадцатипятилетие смерти Маркса* / Г.В. Плеханов // Соч. М. – Л.: Госиздат, 1923–1927. Т. XVI. С. 285 – 298.
14. Плеханов Г.В. *Социализм и политическая борьба* / Г.В. Плеханов // Соч. М. – Л.: Госиздат, 1923–1927. Т. II. С. 27 – 90.

15. Рыклин М. «Лучший в мире». Топос. 25/10/2005. URL: <http://www.topos.ru/article/4128> (дата обращения: 29.08.13). 2 с.
16. Рыклин М. Коммунизм как религия: Интеллектуалы и Октябрьская революция. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 136 с.
17. Рыклин М. Метродискурс. Окончание. Топос. 14/07/2005. URL: <http://www.topos.ru/article/3812> (дата обращения: 29.08.13). 2 с.
18. Рыклин М. Свастика, крест, звезда. Произведение искусства в эпоху управляемой демократии. М.: «Логос», 2006. 208 с.
19. Рыклин М. Террорологии. Тарту-Москва: Эйдос, Культура, 1992. 224 с.
20. Силантьева М.В. Декомпрессия ценностей в современной культуре // Фундаментальные проблемы культурологии: В 4 т. Том IV: Культурная политика / отв. ред. Д. Л. Спивак. СПб.: Алетейя, 2008. С. 214 – 229.
21. Силантьева М.В. Гуманитарный аспект проблемы сомоопределения России: между обществом потребления и национальной самобытностью // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология, 2008. № 1. С. 84 – 88.
22. Силантьева М.В. Современные гуманитарные технологии в контексте российской действительности // Славянский мир в третьем тысячелетии, 2009. № 4. С. 407 – 418.
23. Сталин И.В. Об основах ленинизма. Лекции, читанные в Свердловском университете / И.В. Сталин // Вопросы ленинизма. 11-е изд. М.: Госполитиздат, 1952. С. 1 – 80.
24. Троцкий Л.Д. Мобилизация труда (доклад на объединенном заседании III Съезда совнархозов и Московского совета раб. и кр. депутатов). URL: <http://www.litres.ru/lev-trockiy/mobilizaciya-truda-doklad-na-obedinennom-zase-danii-iii-sezda-sovnarhozov-i-moskovskogo-soveta-rab-i-kr-deputatov/> (дата обращения: 28.08.13). 13 с.
25. Троцкий Л.Д. На пути к социализму. Хозяйственное строительство Советской республики (Приложение). URL: http://www.litres.ru/lev-trockiy/na-puti-k-socializmu-hozyaystvennoe-stroitelstvo-sovetskoy-respubliki-prilozheniya/?just_bought=1 (дата обращения: 28.08.13). 9 с.
26. Троцкий Л.Д. Новый курс (в редакции 1924 г.). URL: <http://www.litres.ru/lev-trockiy/novyy-kurs-v-redakcii-1924/> (дата обращения: 28.08.13). 59 с.
27. Троцкий Л.Д. О мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд (тезисы ЦК РКП). URL: <http://www.litres.ru/lev-trockiy/o-mobilizacii-industrialnogo-proletariata-trudovoy-povinnosti-militarizacii-hozyays-tva-i-primenenii-voinskih-chastey-dlya-hozyaystvennyh-nuzhd-tezisy-ck-rkp/> (дата обращения: 28.08.13). 13 с.
28. Троцкий Л.Д. Перманентная революция. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl004.htm> (дата обращения: 28.08.13). 76 с.
29. Троцкий Л.Д. Терроризм и коммунизм. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl033.htm> (дата обращения: 28.08.13). 135 с.
30. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт / Э. Юнгер // Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. СПб.: Наука, 2000. С. 55 – 440.

Об авторе:

Наталья Георгиевна Митина – д. филос. н., доцент, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин Дальневосточной государственной академии искусств. E-mail: Millkonf@yandex.ru.

FUTURE DISCOURSE IN THE PRACTICE OF MARXIST UTOPIA IMPLEMENTATION

N.G. Mitina

Far Eastern State Academy of Arts. Russia, 690990, Primorsky Krai, Vladivostok, Peter the Great Street, 3-a.

Abstract. *The article presents the phenomenon of proletariat acting as a social body of Marxist utopian projects. Since socio-cultural reality at any particular historic period is already mature and*

quite stable structure arisen from social development throughout the course of history, meanwhile the utopia is considered as a phenomenon of the socio-cultural reality, reflecting salient features of the civilization it is based on, it seems possible to reveal the specifics of the Russian proletariat and practical methods of its consciousness formation.

The author substantiates the position that specific features of socio-cultural reality caused state Marxism policy formation, emphasizing the need for a prompt transformation of spontaneous proletarian consciousness and its destructive origin into something positive through the development of its self-consciousness creating a positive type of a worker-proletarian. Peculiarities of the Russian reality gave rise to state Marxism formation with a particular focus on a rapid transformation of a spontaneous origin of the working-class movement into the organized class.

Key words: *utopia; a discourse; a social body; the militarization of labor; the proto-letter; violent speech practice; visualisation.*

References:

1. Agamben Dzh. Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn. [Homo sacer. Sovereign power and bare life]. Moscow, "Evropa", 2011. 256 s. (In Russian).
2. Glagolev V.S. Smysl obraza i obraz smysla - dvuedinaya zadacha religiozno-esteticheskoy problematiki [The meaning of the image and the image of the meaning - the dual task of religious and ethical issues]. Religioznost': lichnost' perez vyzovami bytiya [Religiosity: the person facing the challenges of life]. Materialy mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsiy. V.21. Vladimir, izd-vo VIGU, 2012. S. 267-275. (In Russian).
3. Derrida ZH. O grammatologii [Grammatology]. [Selected works]. Vstupit st. i komm. N.S. Avtonomovoy. Moscow: "Ad Marginem", 2000. 512 s. (In Russian).
4. ZHizhek S. 13 opytov o Lenine. [13 experiences of Lenin]. Moscow, Ad Marginem, 2003. 255 s. (In Russian).
5. Kirsanova L.I. Politicheskoe kak znakovoy-simvolicheskoe [Political as a sign and symbol]. Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik VGUES. Vladivostok: Izd-vo VGUES, 2009. no 2 (2). S. 205 - 209. (In Russian).
6. Kirsanova L.I., Korotina O.A. Diskurs fantasticheskogo v ego otnoshenii k samomu sebe i real'nosti (ob"ektivnosti) [Discourse of fantastic in relation to itself and reality (objectivity)]. Vtorye Lemovskie chteniya [Second reading Lemovskie]. Sb. materialov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem pamyati Stanislava Lema. otv. red. A.YU. Nesterov. Samara: Samar. gos. aerokosm. un-ta, 2014. S. 49 - 61. (In Russian).
7. Lenin V.I. Gosudarstvo i revolyutsiya [The State and Revolution]. V.I. Lenin. Poln. sobr. soch. [Complete Works]. 5-e izd. Moscow, Politizdat, 1962-1981. V. 33. S. 1 - 120. (In Russian).
8. Lenin V.I. Direktivy po kinodelu. Primechaniya [Directive kinodela. Notes]. V.I. Lenin. Poln. sobr. soch. [Complete Works]. 5-e izd. Moscow, Politizdat, 1962-1981. V. 44. S. 360 - 361. (In Russian).
9. Marks K., Engel's F. Manifest Kommunisticheskoy partii [The Communist Manifesto]. K.Marks, F. Engel's. Soch. [Works]. 2-e izd. Moscow, Politizdat, 1955-1975. V. 4. S. 419 - 459. (In Russian).
10. Mitina N.G. Marksistskiy gendernyy proekt [Marxist gender project]. Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. Vladivostok: Izd-vo TGEU, 2007. no 1 (41). S. 114 - 126. (In Russian).
11. Mitina N.G. Evolyutsiya idey gendernogo ravenstva v rossiyskikh filosofskikh utopiyakh (konets XIX - seredina XX vekov) [The evolution of gender equality in Russian philosophical utopias (end of XIX - mid XX centuries)]. Vladivostok: TGEU, 2008. 200 s. (In Russian).
12. Novikov D. V. Dva yazyka Dzhordzho Agambena [Two languages Giorgio Agamben]. Sotsiologicheskoe obozrenie. V. 6. 2007. № 1. S. 38 - 40. (In Russian).
13. Plekhanov G.V. Dvadtsatipyatiletie smerti Marksa [Twenty-five years of Marx's death]. G.V. Plekhanov. Soch. [Works]. Moscow-Leningrad, Gosizdat, 1923-1927. V. HVI. S. 285 - 298. (In Russian).
14. Plekhanov G.V. Sotsializm i politicheskaya bor'ba [Socialism and the Political Struggle]. G.V. Plekhanov. Soch. [Works]. Moscow-Leningrad, Gosizdat, 1923-1927. V. II. S. 27 - 90. (In Russian).
15. Ryklin M. "Luchshiy v mire" [The best in the world]. Topos. 25/10/2005. Available at: <http://www.topos.ru/article/4128> (accessed: 29.08.2013). 2 s. (In Russian).
16. Ryklin M. Kommunizm kak religiya: Intellektualy i Oktyabr'skaya revolyutsiya [Communism as a religion: Intellectuals and the October Revolution]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 136 s. (In Russian).

17. Ryklin M. Metrodiskurs. Okonchanie [Metrodiskurs. Ending.]. Topos. 14/07/2005. Available at: <http://www.topos.ru/article/3812> (accessed: 29.08.2013). 2 s. (In Russian).
18. Ryklin M. Svastika, krest, zvezda. Proizvedenie iskusstva v epokhu upravlyaemoy demokratii [The swastika, a cross, a star. A work of art in the era of managed democracy]. Moscow, Izdatel'stvo "Logos", 2006. 208 s. (In Russian).
19. Ryklin M. Terrorologiki [Terrorologiki]. Tartu-Moscow, Eydos, Kul'tura, 1992. 224 s. (In Russian).
20. Silant'eva M.V. Dekompressiya tsennostey v sovremennoy kul'ture [Decompression values in contemporary culture]. Fundamental'nye problemy kul'turologii [Fundamental problems of cultural studies]: in 4 vol. [Works in 4 vol.]. V. IV: Kul'turnaya politika. otv. red. D. L. Spivak. Saint-Petersburg, Aleteyya, 2008. S. 214 - 229. (In Russian).
21. Silant'eva M.V. Gumanitarnyy aspekt problemy somoopredeleniya Rossii: mezhdru obshchestvom potrebleniya i natsional'noy samobytnost'yu [The humanitarian aspect of the problem of self-determination of Russia: between consumer society and national identity]. Gumanitarnyy vektor. Seriya: Pedagogika, psikhologiya, 2008. № 1. S. 84 - 88. (In Russian).
22. Silant'eva M.V. Sovremennye gumanitarnye tekhnologii v kontekste rossiyskoy deystvitel'nosti [Contemporary humanitarian technologies in the context of Russian reality]. Slavyanskiy mir v tret'em tysyacheletii, 2009. № 4. S. 407 - 418. (In Russian).
23. Stalin I.V. Ob osnovakh leninizma. Lektsii, chitannyye v Sverdlovskom universitete [The Foundations of Leninism. Lectures delivered at the Sverdlov University]. I.V. Stalin. Voprosy leninizma. 11-e izd. Moscow, Gospolitizdat, 1952. S. 1 - 80. (In Russian).
24. Trotskiy L.D. Mobilizatsiya truda (doklad na ob"edinennom zasedanii III S"ezda sovnarkhozov i Moskovskogo soveta rab. i kr. deputatov) [Mobilization of labor (report at a joint meeting of the III Congress of Economic Councils and the Council of the Moscow office. And Cr. Deputies)]. Available at: <http://www.litres.ru/lev-trockiy/mobilizatsiya-truda-doklad-na-obedinennom-zasedanii-iii-sezda-sovnarkhozov-i-moskovskogo-soveta-rab-i-kr-deputatov/> (accessed: 28.08.2013). 13 s. (In Russian).
25. Trotskiy L.D. Na puti k sotsializmu. Hozyaystvennoe stroitel'stvo Sovetskoy respubliki (Prilozheniya) [On the way to socialism. The economic development of the Soviet republic (Applications)]. Available at: http://www.litres.ru/lev-trockiy/na-puti-k-sotsializmu-hozyaystvennoe-stroitelstvo-sovetskoy-respubliki-prilozheniya/?just_bought=1 (accessed: 28.08.2013). 9 s. (In Russian).
26. Trotskiy L.D. Novyy kurs (v redaktsii 1924 g.) [New Deal (as amended 1924)]. Available at: <http://www.litres.ru/lev-trockiy/novyy-kurs-v-redaktsii-1924/> (accessed: 28.08.2013). 59 s. (In Russian).
27. Trotskiy L.D. O mobilizatsii industrial'nogo proletariata, trudovoy povinnosti, militarizatsii khozyaystva i primenenii voinskih chastey dlya khozyaystvennykh nuzhd (tezisy TSK RKP) [On the mobilization of the industrial proletariat, labor service, the militarization of the economy and the use of military units for household needs (theses of the Central Committee of the RCP)]. Available at: <http://www.litres.ru/lev-trockiy/o-mobilizatsii-industrialnogo-proletariata-trudovoy-povinnosti-militarizatsii-hozyaystva-i-primenenii-voinskih-chastey-dlya-hozyaystvennykh-nuzhd-tezisy-ck-rkp/> (accessed: 28.08.2013). 13 s. (In Russian).
28. Trotskiy L.D. Permanentnaya revolyutsiya [Permanent Revolution]. Available at: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl004.htm> (accessed: 28.08.2013). 76 s. (In Russian).
29. Trotskiy L.D. Terrorizm i kommunizm [Terrorism and Communism]. Available at: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl033.htm> (accessed: 28.08.2013). 135 s. (In Russian).
30. YUnger E. Rabochiy. Gospodstvo i geshtal't [Working. Domination and Gestalt]. E. YUnger. Rabochiy. Gospodstvo i geshtal't; Total'naya mobilizatsiya; O boli [Working. Domination and Gestalt; Total mobilization; About pain.]. Saint-Petersburg, Nauka, 2000. S. 55 - 440. (In Russian).

About the Author:

Natalia G. Mitina – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of Department of humanities disciplines Far Eastern State Academy of Arts. E-mail: Millkonf@yandex.ru.



ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ XX-XXI ВВ.: КУЛЬТУРНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА

И.А. Арзуманов

Юридический институт Иркутского государственного университета, 664082, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10.



Данная статья посвящена анализу особенностей функционирования религиозных институтов стран Северо-Восточной Азии на современном этапе, обусловленных процессами глобализации идеолого-правовых нарративов Нового времени. Экстерриториальность правовой глобализации в сфере государственно-конфессиональных отношений имеет в своей конституционной основе либеральный базис личных прав человека. Процессы модернизации национальных политико-правовых систем стран Северо-Восточной Азии имеют двойной вектор – вестернизационный и девестернизационный. В связи с этим мы можем говорить как о тенденциях глобализации ценностных факторов либеральной идеологии – рынка, демократии, прав человека и фиксации их, прежде всего, на конституционном уровне стран АТР, так и о верификации данного комплекса с позиций традиционно-ценностной интерпретации, политико-правовой практики и геополитической прагматики. В качестве базового выбран культурологический подход, определяющий аксиологические модусы правопонимания и правосознания, определяемых традиционными нарративами этноконфессиональной культуры. Религиозный фактор как один из системообразующих в процессах глобализации имеет и обратный вектор Восток – Запад. В качестве «локомотива» этих процессов в регионе Северо-Восточной Азии выступают Китай и Южная Корея, пребывающие на современном этапе в идеолого-интеграционной (Китай) и идеолого-экспансионистской (Южная Корея) фазах.

Автором отмечается, что для стран «социалистической» ориентации – КНР и КНДР – апория базовых компонентов традиционного правосознания и либерально-правовой рецепции конституционного уровня проявляется в дифференциации религиозных объединений по признаку их политической лояльности и уровня позитивно-правовой институализации. В рамках принципа государственного этатизма в сфере правоприменительной практики функционирование религиозных институтов, проявление политической лояльности и процессы «миссионерской геополитики» XX–XXI вв. находятся под жёстким контролем государства.

Ключевые слова: глобализация, этноконфессиональная культура, Северо-Восточная Азия, право, религиозная миссия.

Проблематика модернизации мировых политико-правовых систем пронизывает целый ряд нарративов государственного и общественного обустройства стран Северо-Восточной Азии. К основным из них явно или латентно относится нарратив глобальности. Институциональные измерения глобализации являются основными в интерпретационном ряду идеологических маркеров модернизационных проектов мировых политических систем. В этом смысле макрометодологические позиции анализа базируются на констатации секулярности в качестве базового интеграционно-идеологического модуля глобализационных процессов.

Многовековой разворот современного секуляризма, привел к функциональным трансформациям аксиологических локусов традиционных этноконфессиональных институтов, снимающим (как казалось, безвозвратно) какую либо надежду на их актуализацию в реальных общественных отношениях. Но, как показала общественная практика, многообразные модификации современной идеологии в условиях стран Северо-восточной Азии и стран АТР вызвали к социокультурной активизации ценностные метанарративы традиционных этноконфессиональных страт.

Детерминируя политико-правовые интенции стран с имперским окрасом политической истории, этноконфессиональные субстраты подвергаются институциональным модификациям, обусловленных общими процессами трансформаций традиционных политико-правовых и социокультурных систем. Это является характеристикой как процессов регионализации стран по культурно-цивилизационным или политико-правовым признакам, так и процессов, происходящих в локальных этноконфессиональных рамках. Данный ракурс в региональных условиях стран Северо-Восточной Азии определяется в качестве переходного к современным характеристикам идеологической трансформации рубежа XX–XXI вв.

Выбор в качестве доминантных методологических подходов социокультурно-

го и философско-правового опосредован пониманием фундаментальной роли традиций в процессах функционирования этноконфессиональных институтов в странах Северо-Восточной Азии. В том числе имеется в виду и диалектическая взаимосвязь элементов социокультурной системы с объективными законами, не зависящих от той или иной степени мировоззренческой ангажированности исследователя [13, с. 16; 23, с. 280]. Прежде всего, таких её основных элементов, как правоотношения, правосознание, правовая культура, к сфере которой относятся связи политики и права с моралью, религией и идеологией общества. Именно в этой сфере объективно выражены основные тенденции и возможные прерогативы регулирования процессов интеграции в трансформационных условиях современной глобализации.

Интеграция же рассматривается в контексте процессов модернизации – внедрения идеологических нарративов Нового времени, имеющих в Северо-Восточном регионе Азии ряд специфических маркеров. Наиболее яркий из них – государственное (конституционное) право. Оно является своеобразной «душой» правовой реальности стран европейской общности – «доноров» системно-правовых идеологием для ряда стран Северо-Восточной Азии. В данный регион входят Российская Федерация, Китайская Народная Республика (КНР), Корейская Народная Демократическая Республика (КНДР), Республика Корея (РК), Япония, Монголия.

Необходимо учитывать, что, в свою очередь, государства Северо-Восточной Азии относятся к странам АТР – обширнейшему региону мира, объединяющему более 50 государств, среди которых страны Юго-Восточной Азии и бассейна Тихого океана. Исторически формирование страновых конституционно-правовых систем в этом регионе шло под влиянием:

- христианства (романо-германской и англо-саксонской ветви) – Россия, США, Канада;
- конфуцианства – Китай, Япония;
- ислама и индуизма – Индонезия, Малайзия.

Для модернизационных процессов в данном регионе, как и в целом в мире, характерна экстерриториальность как основная динамическая характеристика глобализации в целом. На современном этапе экстерриториальными являются экономическое, технологическое, информационное, социокультурное, правовое и целый ряд других пространств, находящихся в системе модернизационных взаимовлияний. В связи с этим констатируется и тот факт, что современные процессы глобализации в большинстве стран имеют методологическую кальку периода великих колониальных империй (по характеристикам экономического и идеолого-мировоззренческого компонентов).

Особенно показательно данные характеристики проявляются в процессах модернизации национальных правовых систем стран, имевших (Россия, Монголия) и имеющих (Китай, Северная Корея) социалистическую ориентацию. Еще более показательно – в обусловленных модернизацией национальных правовых систем региональных процессах, связанных с миссионерской деятельностью конфессий и деноминаций. Институциональная интервенция религиозных инноваций осуществляется уже не только с территорий стран-доноров либерально-демократической идеологии, но и с территорий стран Северо-Восточной Азии, ставших с конца XX – начала XXI вв. плацдармом для миссионерской геоэкспансии в странах АТР [4, с. 106-115; 20, с. 8-26; 7, с. 5-12; 6, с. 101-106]. Влияние религии на политико-правовую культуру стран данного региона чрезвычайно велико, и именно оно является своеобразной «скрепой» социокультурной стабильности политических форм государственной организации.

К особенностям функционирования религиозных институтов Китая и Северной Кореи необходимо отнести дифференциацию религиозных объединений на две страты: 1) социальные группы, объединённые по принципу исповедования определённой религии, и 2) не имеющие организационных форм. В связи с

этим особая роль в системе социальных и политических отношений в странах Северо-Восточной Азии отводится китайским синкретическим религиям, по установившейся традиции часто именуемым «тайными религиями» [22, с. 6]. В свою очередь, многие отечественные и зарубежные синологи настаивают на влиянии именно «тайных китайских вероучений» на Японию, Корею и Монголию [10, с. 6; 17; 14; 15]. Что касается религиозных организаций, действующих в рамках модернизации позитивного права, то их функционирование детерминировано, в том числе, и процессами модернизации. Китайское право, например, внешне европеизировалось с начала XX в. и вошло в семью правовых систем, основанных на римском праве. Изначально, как и в Японии, это было обусловлено необходимостью юридического противостояния колониальному характеру торговых, экономических отношений со странами Запада.

Кроме того, в Китае (как и в Северной Корее) основные законы сформированы в идеологических параметрах коммунистической идеологии, сопряжённой с государственно-этатистской специфической политико-правовой идеологии конфуцианства. Складывается своеобразная макрометодологическая философско-правовая и политико-правовая апория. С одной стороны, в свете либерализации и деидеологизации сферы религиозной политики Китай придерживается конституционных принципов уважения и обеспечения прав человека. Нормами Конституции КНР в ч. 2, 3, 4 ст. 36 регламентируется запрет как для государственных органов, так и для общественных организаций и отдельных лиц на принуждение граждан к исповедованию или неискповедованию религии, а также на дискриминацию граждан по этому признаку.

В соответствии с этим среди основных прав и обязанностей граждан КНР констатируется свобода вероисповедания (ст. 36 гл. 2) [11]. С другой стороны, традиционный принцип государственного этатизма в данной сфере общественных

отношений также отражён в Конституции КНР. Согласно ст. 36, государство берёт на себя обязательство охраны культово-обрядовой деятельности и религиозных институтов и налагает запрет на использование религии в целях, реализация которых создаёт угрозы для порядка в обществе, здоровья населения и функционирования образовательной системы. Этой же статьёй конфессиональные институты ограждаются от контроля зарубежных центров [11]. Последнее положение является краеугольным для понимания специфики китайской правоприменительной практики, детерминированной всем строем имперского конфуцианства. Функционирование религиозных институтов регулируется и целым рядом отраслевых законодательных актов, обусловленных жёсткостью «имперской» правоприменительной практики.

В Конституции Корейской Народно-Демократической Республики 1972 г. закреплены идеологические параметры построения социалистического государства, с одной стороны, основанные на мировоззренческой базе идей «чучхе», а с другой – декларирующие «модерные» ценности европейского конституционализма. Так, ст. 67 гл. V «Основные права и обязанности граждан» Конституции КНДР констатирует право граждан на «свободу слова, печати, собраний, демонстраций и объединений. Государство создаёт все условия для свободной деятельности демократических политических партий и общественных организаций». Но институт свободы совести, зафиксированный в ст. 68, ограничен целым рядом политико-административных решений, опосредованных идеологией «чучхе».

В её рамках Конституция КНДР чётко стратифицирует всё население страны по признаку опоры её суверенности – на рабочих, крестьян и рабочую интеллигенцию. Как показывает правоприменительная практика, верующие в общей данности стратификации слоёв населения по признаку их возможной нелояльности к режиму, причисляются

к враждебному слою. Так, к нему, кроме «подозрительных женщин» – бывших шаманок, куртизанок-кисэн и их ближайших родственниц относятся протестанты, буддисты, католики и местные конфуцианцы [12, с. 90-92]. Жёсткость позиции государства преимущественно обусловлена не только становящейся экзотической идеологией коммунизма, но и южнокорейским феноменом реализации «западной» проекции глобальных сценариев миссионерской геополитики XX в.

Целенаправленная экспансия пост-протестантских деноминаций из Южной Кореи стала фактором национальной безопасности для непосредственных северных соседей – КНДР и Китая. Ситуация в Южной Корее явилась результатом ничем не сдерживаемой экспансии политико-правовых и идеологических форм либерально-демократической глобализации. Необходимо отметить, что поскольку доступ миссий в эти страны с территории Южной Кореи затруднён в силу сложившихся внешнеполитических взаимоотношений и законодательных ограничений, то на современном этапе более успешно эта работа может проводиться из России, ставшей с 90-х гг. 20 в. плацдармом для конфессиональных инноваций.

Таким образом, особенности функционирования религиозных институтов стран Северо-Восточной Азии на современном этапе обусловлены процессами глобализации идеолого-правовых нарративов Нового времени. Экстерриториальность правовой глобализации в сфере государственно-конфессиональных отношений имеет в своей конституционной основе либеральный базис личных прав человека. Процессы модернизации национальных политико-правовых систем стран Северо-Восточной Азии имеют двойной вектор – вестернизационный и девестернизационный. В связи с этим возможно говорить о двух тенденциях:

– о глобализации ценностных факторов либеральной идеологии – рынка, демократии, прав человека и фиксации

их, прежде всего, на конституционном уровне стран АТР;

- о верификации данного комплекса с позиций традиционно-ценностной интерпретации, политико-правовой практики и геополитической прагматики.

Религиозный фактор как один из системообразующих в процессах глобализации имеет и обратный вектор Восток – Запад. В качестве «локомотива» этих процессов в регионе Северо-Восточной Азии выступают Китай и Южная Корея, пребывающие на современном этапе в идеолого-интеграционной (Китай) и идеолого-экспансионистской (Южная Корея) фазах.

Для стран «социалистической» ориентации – КНР и КНДР – апория базовых компонентов традиционного правосознания и либерально-правовой рецепции конституционного уровня проявляется в дифференциации религиозных объединений по признаку их политической лояльности и уровня позитивно-правовой институализации. В рамках принципа государственного этатизма в сфере правоприменительной практики функционирование религиозных институтов, проявление политической лояльности и процессы «миссионерской геополитики» XX–XXI вв. находятся под жёстким контролем государства.

Рассмотренные особенности модернизационных аспектов вероисповедной политики стран Северо-Восточной Азии с «социалистическим» вектором политико-правовых идеологем на примере Китая и Северной Кореи, должны быть дополнены анализом на примере стран, ставших оплотом либеральной идеологии построения политико-правовых систем. Речь в данном контексте, прежде всего, может идти о Монголии и Японии. Анализ объективно должен базироваться и опираться на компаративистике процессов модернизации этноконфессиональной политики в этих странах с ситуацией в современном Китае. Данное обстоятельство обусловлено:

- во-первых, исторической ролью Китая как регионального донора основ-

ных архетипических моделей правосознания, правопонимания и политической культуры, поскольку уже к VII–VIII вв. н. э. Китай за 2500 лет своей предшествующей истории создал идеологическую, религиозную, политическую и правовую базы для появления восточноазиатской цивилизации;

- во-вторых, процессы модернизации этноконфессиональной политики обусловлены сходностью процессов глобализации правовой системы и декларацией модернизационных форм продуктов конституционализма;

- в-третьих, и это основное – Китай (как, собственно, и Япония) являет собой образчик процессов национально-культурной самоидентификации на базе культурно-цивилизационных архетипов социальной организации и форм политической и правовой культуры, заложенной им в Восточно-Азиатском регионе [1, с. 67–74].

Компаративистский анализ культурно-цивилизационной, нормативно-правовой, структурно-институциональной фиксации специфических форм «модернизации» позволяет выстроить методологический базис дальнейшего рассмотрения глобализационных аспектов этноконфессиональной политики в Японии, Монголии и Южной Корее и в геополитической проекции. В том числе и по отношению к России, в административно-политических границах которой функционируют однородные конфессиональные институты буддизма и христианства.

Данный подход на современном этапе, как никогда, актуализируется, поскольку экономические и политические критерии уровня развития стран АТР, взятые в качестве их соответствия глобальным параметрам продуктов европоцентристской модернизации, не могут служить адекватным ключом к пониманию социополитических и политико-правовых региональных реалий. Методологический вакуум возникает из-за несоответствия практико-прогностических ожиданий, выводимых из эволюционно-формационного подхода в понимании

исторических процессов, в результате которых все интерпретации процессов в регионе стран сильной традиции наталкиваются на несоответствие практико-прогностических положений реальностям. Эволюционный историзм как основной методологический продукт эпохи Нового времени акцентирует внимание на концепции исторического развития, свойственного всем народам и странам без учёта их культурного разнообразия. Разностепенность культурного развития народов (при рассмотрении этапов эволюции народов Европы в качестве эталонной) в рамках концепции всемирного прогресса объясняется полилинейностью – каждый народ развивается самостоятельно, но непременно проходит определённые этапы своего развития в рамках формационного дискурса интерпретации этих процессов.

Так, стадию Нового времени, детерминирующую основные институты конституционализма, большинство стран АТР «миновали», что и легло в основу негативной оценки уровня их политического и культурного развития, а заодно и детерминировало «доводку» их политико-правовых систем до стандартов «развитой демократии» в начальный период их модернизации XX в. В основе методологии глобализационных процессов и гуманитарных интервенций прошлого и настоящего (не только в зоне АТР) лежит, по сути, европоцентристское допущение того, что народы, не прошедшие стадийный круговорот естественного прихода к западным формам политических систем, будут (и обязаны) в дальнейшем проходить те же стадии развития, что и страны развитой демократии (лидером которых являются США).

Таким образом, эволюционизм, ставший, по сути, не только социально-теоретическим, но и геополитическим инструментом глобализации, с одной стороны, предопределил ситуацию, при которой, например, Китай и Северная Корея формируются на идеологической базе, имеющей в арсенале марксистскую компоненту. А с другой – ряд стран глобализируется по сценарной кальке ли-

беральной идеологии Нового времени, рецептированной из стран метрополий (или внедренной последними на закате колониального периода культурно-цивилизационных диффузий). Но и те, и другие тяготеют к конфуцианско-буддистской маркировке современных процессов самоидентификации. Итогом последнего фактора явилось возрождение опосредованных форм контроля культурно-цивилизационного пространства в рамках правовой и правоприменительной политики и практики.

Культурологический модус анализа в данном контексте актуализируется тем, что с культурологических позиций общество рассматривается как результат реализации специфических духовных принципов, зафиксированных в религии, философии, искусстве [21, с. 260]. В этой связи культурология рассматривается в качестве методолого-операбельной разновидности социальной и политической теории, в свете которой европоцентристский и христианско-центристский подход к осмыслению детерминант конфуцианско-буддистского мира нуждается в радикальной корректировке.

Культурологический подход в контексте понимания его в качестве политико-правовой теории помогает осознать важность антропологических констант общественного сознания, как правило, не учитываемых при технократической интерпретации социально-политических и правовых феноменов. Прежде всего, потому, что аксиологический срез преобладающих в обществе культурно-цивилизационных доминант позволяет прогнозировать дальнейший ход развития форм его пространственного контроля. С данной точки отсчёта инновационность культурно-правового и культурно-политического анализа выступает в том, что «история» проблематизируется и понимается не в контексте её целеполагающих установок как неследование её европоцентристским проекциям ожидаемого. Хотя бы уже в силу того, что пространственно-временные параметры истории как проблемы в её соотношении с христианско-обусловленной

концепцией являются не линейными, а циклическими. Отсюда, например, феномен устойчивого состояния покоя и равновесия согласованных интересов в правосознании Китая, являющийся одной из основных характеристик процессов адаптации форм правоприменительной практики, выстраиваемой на романо-германских принципах судопроизводства. Давид Рене пишет, что в основе процессов фрустрации данных принципов лежит недоверие китайцев к собственному праву, вследствие чего регулирование частно-гражданских интересов в массе своей до сих пор осуществляется посредством не судопроизводства, а досудебной практики примирения [9, с. 439-440].

Аналогичные в целом явления исследователи отмечают и в отношении Японии. Р. Давид пишет в этой связи, что право, импортируемое в Японию из стран Запада, предполагает регуляцию общественных отношений естественно-правовых позиций собственно стран Запада, не связанных с традициями Японии. Идеи равенства, имеющие на Западе три вектора обоснования – религиозное (равенство всех перед Богом), доктринально-индивидуалистическое и теоретико-социалистическое, – в Японии сталкиваются с доминирующим принципом иерархического структурирования общества. Природа архетипа политической культуры обусловлена структурно-идеократическими элементами, в основе которых лежит традиционность культурно-религиозного пласта мироощущения и мировосприятия.

С одной стороны, ст. 20 Конституции Японии декларирует либеральные основы государственно-конфессиональных отношений – гарантирование свободы религии для всех, отделение государства от религиозных институтов в контексте структурирования политической системы общества. С другой стороны, религиозно-культурные детерминанты политической системы фактически определяются идеократическими элементами (в качестве политического богословия (теократии)). Государственная теократия в Японии имеет скрытые фор-

мы, которые лишь отчасти проявляются в конституционном праве и скрыты от взоров исследователей, использующих лишь методы нормативизма.

Первая глава японской Конституции непосредственно связана с 20-й статьёй 3-й главы. В ней закрепляются либеральные положения о правах граждан Японии в религиозной сфере и запрет на принуждение кого-либо к участию в религиозно обусловленных действиях. Смысл этой идеологии состоял в обожествлении императорской династии, обосновании её божественного происхождения. В этом отношении показательны процессы, связанные с политической интерпретацией и корректировкой ст. 9 главы 2 «Отказ от войны». На современном этапе идеологемы милитаризма, соответствующие экономическому статусу Японии в мировой и региональной экономике, актуализируют возрождение национальных милитаристских символов, определяющих вкуче геополитические формы контроля идеологического пространства с позиций японского культуроцентризма.

Механизмы модернизации политико-правовых систем, происходящие под влиянием политических процессов европеизации правовых систем стран АТР, не коснулись архетипов правосознания правовой и политической культуры. Рецепция внешних форм не затронула феноменологические составляющие интенциональных структур политической и правовой культуры как Китая, так и Японии. В связи с этим мы можем констатировать идеациональные маркеры социальной структуризации и регуляторов общественных отношений, сублимирующих их практико-правовой характер – этические системы конфуцианства, синтоизма и буддизма в параметрах мировоззренческого стереотипа, заложенного в культурно-религиозном комплексе «коллективного бессознательного».

В контексте традиционного прагматизма правовая и правоприменительная практики Китая и Японии в сфере религиозной политики отчасти обусловлены принципами, исходящими из геополити-

ческого вектора Россия – Китай – Япония. Они связаны, прежде всего, с экономическими и пространственными интересами Китая и Японии в Забайкалье и Дальнем Востоке, являющихся ареалом распространения «северного буддизма» – ламаизма. В этой связи прослеживаются три основные тенденции геополитической дилеммы, связанные с тибетским буддизмом:

- китайский проект пан-буддизма и окончательное «приручение» выхолащенной формы тибетской теократии;

- геополитический проект пан-монголизма, в рамках которого разрабатываются планы объединения монгольязычных народов (в том числе и под эгидой базовых теократических идеологем тибетского буддизма, а также общей этнокультурной страты шаманизма);

- паназиатская доктрина в современной религиозной политике Японии в регионе Дальнего Востока, одним из ключевых моментов которой является буддистский (ламаистский) фактор, с переменным успехом активизируемый в течение всего XX и начале XXI в.

Пан-буддистский вектор китайской вероисповедной политики обусловлен фактором тибетского буддизма, имеющего в своих северных ареалах традиционные анклавы российских институтов ламаизма – в Тыве, Калмыкии, Бурятии. В контексте китайской политики ламаизм является фактором не только внутренней, но и внешней политики. Специфика глобализационных факторов в данном случае проявляется в том, что буддизм в его североазиатской форме в регион Забайкалья пришёл в формах, адаптированных под сознание западных реципиентов. Более того, в культово-обрядовой составляющей (в рамках тибетской диаспоры, возглавляемой Далай-Ламой 14) особое внимание уделяется культам «хранителей веры», практика которых латентно обуславливает политико-идеологические компоненты тибетской проблемы для Китая и России конца XX и начала XXI в.

В последнем случае практика этноконфессиональной политики Китая опирается на традиционный изоляцио-

низм культурно-идеологической сферы, пресекающий влияние религиозных институтов, центры которых находятся за рубежом. Эта практика осуществляется в рамках создания патриотических ассоциаций верующих различных конфессий, находящихся под жёстким административным контролем. В этих же рамках возрожденной традиции имперской методологии вероисповедной политики Китай корректирует и доктринальные положения буддизма, связанные с реинкарнацией как Далай-Ламы, так и панчен-лам – высших иерархов тибетского буддизма школы Гелугпа [18, с. 85-88].

Глобальный характер в данном случае определяется общим конфуцианским строем вероисповедной политики, определяемой, прежде всего, государственным этатизмом и процессами трансформации конфуцианской идеологии в «гражданскую религию», под эгидой которой объединены все религиозные институты. Суть – полная политическая лояльность. Проект «гражданской религии» в данном контексте объясняет всю проблематику, связанную с нарушением прав человека в области свободы вероисповедания в случае наличия бесконтрольного конфессионально-административного центра. Последнее, как отмечают исследователи, вполне сопрягается с секулярным контекстом глобальной диффузии модели гражданской религии Ж.Ж. Руссо, в полной мере реализованной в современных условиях США.

Для России ламаистские регионы всегда были предметом особой тактики вероисповедной политики империи XVIII–XIX вв. В данный период методология конфуцианского Китая учитывалась в полной мере. На современном этапе поиски общегосударственной идентичности Китая в условиях глобализации сопряжены с выработкой методологии распространения сферы геополитического влияния за счёт попыток налаживания контроля над иерархией Тибета. В этих условиях достаточно показательны позиции представителей российской буддистской Сангхи, неоднократно публично озвучивающие мысль об автокефалии

Буддистской традиционной Сангхи России – независимости от иностранных центров, находящихся как в китайском Тибете, так и в индийской Дхармасале (современная резиденция Далай-Ламы 14).

Апелляция к практике вероисповедной политики России имперского периода, в рамках которой была учреждена российская буддийская иерархия во главе с Пандито Хамбо-ламами, в этой связи показатель политической зрелости руководства российской буддийской Сангхи [2, с. 248]. Особенно это проявилось в 90-е гг. XX в. в условиях, когда государство фактически ушло из сферы контроля над процессами формирования конфессионального спектра региона. Буддийский анклав Забайкалья претерпел в этот период спектральную деструкцию, последствия которой до сих пор не преодолены и имеют достаточно жёстко прогнозируемые последствия в будущем (связываемые исследователями с реинкарнацией будущего Далай-Ламы в китайском Тибете).

В связи с этим столь же показательны заявления Далай-Ламы 14 о том, что его реинкарнация возможна не только в среде «породной» территории ламаизма – Тибете, но и за его пределами. В любом случае, позиция российской Сангхи в лице Хамбо-ламы Д. Аюшеева может послужить примером достаточно обоснованной и чёткой позиции в защиту государственных интересов России в регионе. Тем не менее продолжающееся со стороны российского государства фактическое невмешательство в эти процессы (вполне вписывающиеся в либерально-глобальные сценарии деструкции конфессионального пространства России) отражает общие тенденции деструкции имперских принципов вероисповедной политики в свете реализации сценариев либеральной модернизации идеологического пространства.

Интерес к российскому ламаизму и монгольскому миру в свете модернизации китайской вероисповедной политики во второй половине XX в. традиционно проявляет и Япония. Панмонголизм имеет два основных вектора интерпре-

тации – собственно тибето-буддистский и китайский. Тибето-буддистский отражает попытки тибетской иерархии консолидировать ламаистские регионы в борьбе за автономию Тибета (особенно ярко эти процессы проявлялись в 90-е гг. XX в. В Забайкалье это выражалось через создание параллельных ламаистских структур, не подчинённых буддистской традиционной Сангхе России).

Китайский вектор панмонголизма сопряжен с попытками поставить под идеологический контроль Внешнюю Монголию, рассматриваемую как временно отдалённую от Китая территорию, имеющую исторический прецедент китайского протектората. Японский инвариант паназиатской доктрины в современной религиозной политике Японии в монголоязычных и Дальневосточном регионах имеет определённую геополитическую задачу ослабления влияния Китая в данной зоне. Делегации российской буддистской Сангхи совместно с делегацией монгольских буддистов несколько раз посещали Японию по приглашению японской стороны. Положение Монголии между китайским «молотом» и японской «наковальней» накладывает свой отпечаток на характеристику конфессионально-государственных отношений и религиозную ситуацию в Монголии [5, с. 287].

Подводя итоги проведенного анализа, можно сделать выводы о том, что культурологический подход позволяет интерпретировать многие процессы политико-правового характера в социальной жизни. Методологический аспект культурологии как формы политической и социальной теории проявляется при анализе структур обществ, не являющихся производными западноевропейской культурно-цивилизационной модели. Вероисповедная политика государств АТР опосредована конфуцианско-буддистским вектором геополитического контроля над социокультурным пространством региона Северо-Восточной Азии. Практика вероисповедной политики Китая и Японии в данном случае вы-

страивается из этноцентристских (Китай) и имперских (Япония) концепций, имеющих свою проекцию в контексте глобализации XX–XXI вв.

Список литературы:

1. Абрамов В.А. Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения: монография / В. А. Абрамов. М. : Вост. кн., 2010. 239 с.
2. Арзуманов И.А. Культур-конфессиональный фактор в процессах консолидации социополитического пространства Байкальской Сибири // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия. Политология. Религиоведение. 2009. № 1 (3). С. 244–251.
3. Арзуманов И.А. Модернизационные аспекты вероисповедной политики стран Северо-Восточной Азии XX–XXI в. Часть 1. / И.А. Арзуманов, А.В. Юрковский // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия. Политология. Религиоведение. 2012. № 2 (9), Ч. 1. С. 106–115.
4. Арзуманов И.А. Религиозная культура Байкальского региона: историко-религиоведческий анализ нормативно-правовой стратификации буддизма // Научный вестник Белгородского государственного университета. Белгород, 2009. № 2 (57). С. 46–57.
5. Арзуманов И.А. Государственное регулирование этноконфессиональных общественных отношений в России (на примере Байкальского региона в XIX–XXI вв.) : монография / И.А. Арзуманов. Иркутск: Изд-во Иркут. Гос. ун-та, 2014. 393 с.
6. Глаголев В.С. Величие России: основания, иллюзии и реалии // Философия хозяйства. 2006. № 1 (43). С. 101–106.
7. Глаголев В.С. Православное искусство как феномен восприятия // Вестник славянских культур. 2009. Т. XII. №2. С. 5–12.
8. Глаголев В.С. Религиозно-культурное пространство европейской России: факторы динамики традиций и традиции динамики / В. С. Глаголев, М. В. Силантьева // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия. Политология. Религиоведение. 2010. № 2. С. 131–140.
9. Давид Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид; пер. с фр., вступ. ст. В.А. Туманова. М. : Прогресс, 1988. 496 с.
10. Зинин С.В. Современные западные исследования религиозной культуры Китая // Культурные традиции и современность. М., 1989.
11. Конституция КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.) [Электронный ресурс]. – URL : http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution.
12. Ланьков А.Н. Репрессивный аппарат и контроль над населением в Северной Корее [Электронный ресурс]. – URL: <http://Travel.ru>.
13. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / О. Э. Лейст ; под ред. В.А. Томсинова. М. : Зерцало, 2008. 280 с.
14. Ли Юйцзе. Тяньдицзяо. Новое понимание космоса и жизни: Постулаты Учения Небесного государства / Ли Юйцзе. М., 1996. 127 с.
15. Мартынов А.С. Государство и религии на Дальнем Востоке / А.С. Мартынов. М., 1987. 235 с.
16. Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век / И. И. Лукашук ; Ин-т государства и права РАН. М, 2000. 262 с.
17. Малявин В.В. Синкретические религии в Китае в XX в.: традиционное и посттрадиционное // Религии мира: ежегодник. М., 1987.
18. Сан Цзи. Религии Китая / Сан Цзи ; пер. Ян Юньхуа. – 2004. – С. 85–88.
19. Силантьева М. В. Новые принципы «философии границы» в глобальном мире – десуверенизация или «постсуверенизация»? // Полис. Политические исследования. 2014. №3. С. 8–26.
20. Силантьева М. В. Религия как фактор социальной консолидации современного российского общества // Точки - PUNCTA. 2011. № 1-2. С. 27–30.
21. Современные международные отношения: учебник / под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М. : Аспект пресс, 2012. 584 с.
22. Тertiцкий К.М. Китайские синкретические религии в XX веке / К. М. Тertiцкий. М. : Издат. фирма «Вост. лит.» РАН, 2000. 156 с.
23. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права (по изд. 1910–1912 гг.). Т. 1, Вып. 1. М., 1995. 347 с.
24. Юрковский А.В. Конституционно-правовые основы развития политических систем стран Северо-Восточного Азиатского региона : монография / А. В. Юрковский. – Иркутск : Иркут. юрид. ин-т (филиал) Генеральной прокуратуры РФ, 2008. 444 с.

Об авторе:

Арзуманов Игорь Ашотович – к. филос. наук, доктор культурологии, профессор кафедры конституционного права и теории права Юридического института Иркутского государственного университета. 664082, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10. Научная специализация: правовая культура, теория государства и права, политико-правовой дискурс.
E-mail: arzumanov@mail.ru.

GLOBALIZATIONAL ASPECTS OF NORTHEAST ASIAN COUNTRIES ETHNOCONFESSIONAL POLICY IN THE 20TH - 21ST CENTURIES: CULTURAL AND LEGAL FRAMEWORK FOR THE ANALYSIS

I.A. Arzumanov

Law Institute of Irkutsk State University, the Department of Theory and History of State and Law. 664082, Irkutsk, Ulan-Batorskaya St., 10.

Abstract. *The article is devoted to the analysis of current functional features of religious institutions in Northeast Asian countries, which are due to the globalization processes of today's ideological and legal products. The extraterritorial character of legal globalization in state and confessional relations is constitutionally built upon the liberal basis of personal human rights. The modernization processes of national, political and legal systems in Northeast Asian countries have a dual vector directed to both westernization and dewesternization. In this regard, on the one hand, there is a trend of globalization of the value factors of liberal ideology — market, democracy, human rights — and the establishment of this trend at the constitutional level in the Asia-Pacific Region. On the other hand, this complex undergoes verification in the fields of traditional interpretation of values, political and legal practices and geopolitical pragmatism.*

The research employs cultural approach, which defines the axiological modes of legal thinking and legal awareness determined by traditional narratives of ethnic and religious culture. The religious factor as one of the fundamental elements in the globalization processes displays an 'East - West' reverse vector. The driving forces for these processes in the Northeast Asia Region are China and South Korea, which are currently undergoing the phases of ideological integration (China) and ideological expansionism (South Korea). The author notes that for socialism-oriented countries — China and North Korea — the aporia between the basic components of traditional legal awareness and the liberal legal reception of constitutional level is manifested in the differentiation of religious communities on the basis of their political loyalty and the level of positive legal institutionalization. Within the framework of the principle of statism in the field of law enforcement, the functioning of religious institutions, manifestation of political disloyalty and the processes of "missionary geopolitics» in the XX-XXIst centuries are under strict state control.

Key words: globalization, ethnoconfessional culture, Northeast Asia, law, missionary.

References:

1. Abramov V.A. Globalizirujushhij Kitaj: grani sociokul'turnogo izmerenija : monografija [Globalizing China. The aspects of sociocultural dimension] / V.A. Aramov. M.: Vost. kn., 2010. 239 p. (in Russian).
2. Arzumanov I.A. Kul'tur-konfessional'nyj faktor v processah konsolidacii sociopoliticheskogo prostranstva Bajkal'skoj Sibiri [Culture-confessional factor in the consolidation processes of sociopolitical

- space of the Baikal Siberia] // Izv. Irkut. gos. un-ta. Serija. Politologija. Religiovedenie [Irkutsk State University Newsletter. Series: Political science. Religion studies]. 2009. № 1 (3). P. 244-251. (in Russian).
3. Arzumanov I.A. Modernizacionnye aspekty veroispovednoj politiki stran Severo-vostochnoj Azii XX-XXI v. Chast' 1 [Modernization aspects of the confessional policy of Northeast Asian countries in the 20th and early 21st centuries. Part 1]. / I. A. Arzumanov, A. V. Jurkovskij // Izv. Irkut. gos. un-ta. Serija. Politologija. Religiovedenie [Irkutsk State University Newsletter. Series: Political science. Religion studies]. 2012. № 2 (9), pt. 1. P. 106-115. (in Russian).
4. Arzumanov I.A. Religioznaja kul'tura Bajkal'skogo regiona: istoriko-religiovedcheskij analiz normativno-pravovoj stratifikacii buddizma [Religious culture of the Baikal region: a historical and religious studies analysis of the normative legal stratification of Buddhism] // Nauchnyj vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Belgorod State University scholar newsletter]. Belgorod, 2009. № 2 (57). P. 46-57. (in Russian).
5. Arzumanov I.A. Gosudarstvennoe regulirovanie jetnokonfessional'nyh obshhestvennyh otnoshenij v Rossii (na primere Bajkal'skogo regiona v XIX-XXI vv.): monografija [State regulation of ethnoconfessional relations in Russia (with special reference to the Baikal Region in the 19th-21st centuries): a monograph] / I. A. Arzumanov. Irkutsk : Izd-vo Irkut. Gos. un-ta, 2014. 393 p. (in Russian).
6. Glagolev B.C. Velichie Rossii: osnovanija, illjuzii i realii [The glory of Russia: reasons, illusions and reality] // Filosofija hozjajstva [Philosophy of Economy]. 2006. № 1 (43). P. 101-106. (in Russian).
7. Glagolev V.S. Pravoslavnoe iskusstvo kak fenomen vosprijatija [Orthodox art as a perceptual phenomenon] // Vestnik slavyanskikh kul'tur [Bulletin of Slavic Cultures]. 2009. T. XII. № 2. P. 5-12. (in Russian).
8. Glagolev V.S. Religiozno-kul'turnoe prostranstvo evropejskoj Rossii: faktory dinamiki tradicii i tradicii dinamiki [Religious and cultural space of European Russia: the dynamics of tradition and the tradition of dynamics] / V. S. Glagolev, M. V. Silant'eva // Izv. Irkut. gos. un-ta. Serija. Politologija. Religiovedenie [Irkutsk State University Newsletter. Series: Political science. Religion studies]. 2010. № 2. P. 131-140. (in Russian).
9. David R. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti [Major Legal Systems in the World Today] / R. David ; transl., introd. by V. A. Tumanov. M.: Progress, 1988. 496 p. (in Russian).
10. Zinin S.V. Sovremennye zapadnye issledovanija religioznoj kul'tury Kitaja [Current western research of Chinese religious culture] // Kul'turnye tradicii i sovremennost' [Cultural traditions and modernity]. M., 1989. (in Russian).
11. Konstitucija KNR 1982 g. (s izm. 1988, 1993, 1999, 2004 gg.) [Constitution of the People's Republic of China (with the 1988, 1993, 1999 and 2004 amendments)] (Electronic resource). – URL : http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution. (in Russian).
12. Lan'kov A. N. Repressivnyj apparat i kontrol' nad naseleniem v Severnoj Koree [Repressive apparatus and control over the population in North Korea] (Electronic resource). – URL: <http://Travel.ru>.
13. Lejst O. Je. Sushhnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava [The essence of law. Problems of theory and Philosophy] / O. Je. Lejst ; ed. by V. A. Tomsinov. – M. : Zercalo, 2008. 280 p.
14. Li Jujcze. Tjan'diczjao. Novoe ponimanie kosmosa i zhizni: Postulaty Uchenija Nebesnogo gosudarja [New understanding of cosmos and life. The Doctrine of the Celestial Emperor] / Li Jujcze. M., 1996.
15. Martynov A. S. Gosudarstvo i religii na Dal'nem Vostoke [State and religions in the Far East] / A. S. Martynov. M., 1987. (in Russian).
16. Lukashuk I. I. Globalizacija i pravo, gosudarstvo, pravo, XXI vek [Globalization and law, state, law, the 21st century] / I. I. Lukashuk ; In-t gosudarstva i prava RAN [Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]. M., 1996. 262 p. (in Russian).
17. Maljavin V. V. Sinkreticheskie religii v Kitae v HH v.: tradicionnoe i posttradicionnoe [Syncretic religions in twentieth-century China: traditional and post-traditional] // Religii mira : ezhegodnik [Religions of the world]. M., 1987. (in Russian).
18. San Czi. Religii Kitaja [Religions of China] / San Czi ; transl. Jan Jun'hua. 2004. P. 85-88.
19. Silant'eva M. V. Novye principy «filosofii granicy» v global'nom mire – desuverenizacija ili «postsuverenizacija»? [New principles of the «Philosophy of frontier» in the global world: de-sovereignization or «post-sovereignization»?] // Polis. Politicheskie issledovanija [Polis. Political Studies]. 2014. № 3. P. 8-26. (in Russian).
20. Silant'eva M. V. Religija kak faktor social'noj konsolidacii sovremennogo rossijskogo obshhestva [Religion as a factor of social consolidation in modern Russian society] // Tochki - PUNCTA. 2011. № 1-2. P. 27-30. (in Russian).

21. Sovremennye mezhdunarodnye otnoshenija : uchebnik [Modern international relations: a course-book] / ed. by A. V. Torkunov, A.V. Malygin. M. : Aspekt press, 2012. 584 p.
22. Tertickij K. M. Kitajskie sinkreticheskie religii v XX veke [Chinese syncretic religions in the 20th century] / K. M. Tertickij. M. : Izdat. firma «Vost. lit.» RAN, 2000. (in Russian).
23. Shershenevich G. F. Obshhaja teorija prava (po izd. 1910–1912 gg.) [General Theory of Law (on the editions of 1910–1912)]. – Vol. 1, Iss. 1. M., 1995. (in Russian).
24. Jurkovskij A. V. Konstitucionno-pravovye osnovy razvitija politicheskikh sistem stran Severo-Vostochnogo Aziatskogo regiona : monografija [Constitutional and legal bases for the development of political systems in Northeast Asian Region: a monograph] / A. V. Jurkovskij. – Irkutsk : Irkutsk Law Institute Affiliated to the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2008. 444 p. (in Russian).

About the Author:

Igor Arzumanov – PhD (Philosophy), Doctor of Culturology, Associate Professor. Law Institute of Irkutsk State University, Professor of the Department of Theory and History of State and Law. 664082, Irkutsk, Ulan-Batorskaya St., 10/ Research interests: legal culture, theory of state and law, political and legal discourse. E-mail: arzumanov@mail.ru.

ПОНИМАНИЕ КАК ОСНОВА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭТНОСОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

Е.Л. Кабахидзе

Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет». 129226 Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д.4.



В данной статье автор рассматривает межкультурную коммуникацию с позиции социальной философии, определяет инвариантные характеристики межкультурного общения – диалогичность (М.М. Бахтин) и диалектичность коммуникации. Научно-теоретическое описание природы межкультурного диалога сопровождается практическими примерами конфликтов культур из истории российской дипломатии. В связи с тем, что сознание имеет коммуникативную природу, а межкультурное понимание уходит корнями в нейropsychологические проблемы мышления, в статье рассматриваются механизмы речепорождения и речевосприятия в стратах сознания и мышления. В статье постулируется герменевтическая сущность межкультурного диалога, которая находит своё выражение у коммуникантов в понимании не только на понятийно-смысловом, но более всего на культурно-цивилизационном уровнях и в контексте многополярного мира и глобальных в нём тенденций.

Интернационализация образования, информационно-коммукационные технологии становятся сегодня катализаторами межкультурного диалога, формируя общества знания – общества *homo loquens*. Интенсивные межкультурные контакты становятся причиной различных культурных конфликтов. Автор приводит категоризацию данных явлений, ранжируя ошибки, недопонимания, конфузы и конфликты межкультурного общения, выявляет глубинные социокультурные установки, ценностно-мировоззренческие и религиозные аспекты в которых коренятся негативные последствия межкультурных контактов. Понимание в межкультурном диалоге складывается, таким образом, из этносоциокультурного контекста и психолингвистических механизмов речевосприятия и речепорождения. Операционной единицей понимания является код, который имеет символьную природу. В статье отражена взаимосвязь между символом, кодом, актом коммуникации, сознанием и национальной картиной мира.

Ключевые слова: понимание, мышление, межкультурный диалог, сознание, символ, национальная картина мира, герменевтика, этнос, коммуникация, информационное общество, культура, глобализация.

*To know another language
and not his culture is a very good
way to make a fluent fool of himself*
W. Brembeck

Коммуникация, общение являются фундаментом деятельности современного человека, способом существования в обществе, «домом бытия». Постиндустриальное общество на рубеже XX столетия вошло в эру «общества знания», которое накапливает, перерабатывает и управляет информацией для совершенствования общественных институтов, улучшения условий жизни, в целом в «обществе знания» определяющую роль играет информация. Американский писатель и футуролог Дж. Нейсбитт назвал переход к информационному обществу важнейшей трансформацией западного общества и экономики, а американский социолог Д. Белл, описывая ключевые особенности информационного общества, выделили такие качества информации, как значение и ценность, а также роль в формировании научного знания.

Природа коммуникативной среды современного общества является поликультурной и многонациональной как следствие глобальной интеграции и взаимодействия экономик, этносов, культур разных государств, установки правительств разных стран на использование «мягкой силы» на внешнеполитическом пространстве. Ибо в этом пространстве, преследуя свои национальные интересы, они пытаются через развитие образования и культуры влиять на социальную и, как следствие, политическую среду других государств.

В этих условиях глобальная коммуникация является онтологической формой современного общества, а диалогичность и диалектичность межкультурной коммуникации инвариантными характеристиками глобальной коммуникации. Слово «диалектика» появилось в философии вслед за «Диалогами» Платона, в которых его участники, придерживаясь разных мнений, в общении стремились найти истину путём обмена мнения-

ми. Диалогичность же, по определению М.М. Бахтина, – это всеобщая основа человеческого взаимопонимания, так как диалог пронизывает всё бытие человека и «всё, что имеет смысл и значение, ...где начинается сознание, ...там начинается диалог» [2, с. 19].

Таким образом, диалектичность и диалогичность являются философским основанием межкультурных контактов XXI в., а стремлением к пониманию – интенциональной основой межкультурного общения. Известный отечественный дипломат В.И. Попов отмечает в своей фундаментальной монографии о современной дипломатии: «Международные связи значительно расширились, теперь для решения той или другой международной проблемы нужно участие большинства или всех государств мира. Приведение различных точек зрения к единому знаменателю стало значительно более трудным и длительным процессом» [5, с. 91]. Он особо подчёркивает в этой связи необходимость искать решение глобальных проблем во взаимодействии разных этнокультур, в соприкосновении национальных менталитетов, столкновении традиционных стереотипов, конкуренции различных языков и сложившихся часто непересекающихся национальных картин мира. В этих условиях поиск механизмов взаимопонимания становится ключевым условием успешного межкультурного диалога.

Интенсивные внешние межкультурные контакты приводят к появлению конфликтов культур и немалого количества дипломатических конфузов, так как межгосударственные отношения являются той ареной, на которой разворачиваются переговоры. Они же по своей сути являются апогеем взаимодействия, столкновения, соперничества, конкуренции множества менталитетов, ценностных и культурных установок, мировоззрений. К межкультурным ошибкам в этих процессах можно отнести ситуации, в которых непонимание сторон не приводит к оскорблению носителей других культур, что можно считать коммуникативной ошибкой (Г.Г. Молчанова).

Основной причиной межкультурных ошибок является непонимание того, что поведенческие модели в разных культурах не универсальны, напротив, «каждая культура обладает уникальным набором правил, конвенций, моделей поведения, в целом отражающих систему ценностей данного общества»[4, с. 12]. Такое явление носит название социолингвистической относительности. Примером межкультурной ошибки может служить случай из истории дипломатии СССР. Так, посол СССР в Вашингтоне Анатолий Добрынин вспоминал эпизод, который произошёл на встрече представителей дипломатических делегаций. Так как на данной встрече не предполагалось решение серьёзных вопросов, большинство делегаций направили на встречу своих младших сотрудников, преследуя тем самым единственную цель, – обозначить своё присутствие на встрече. Протоколом встречи была предусмотрена проверка кворума председательствующим, который начал опрашивать присутствующих в алфавитном порядке. Первым по списку был делегат из Австралии. Председательствующий спросил: «Австралия?». Делегат ответил: «Да» (то есть присутствует). Затем председательствующий спросил: «Белоруссия?». Ее делегат ответил: «Нет!». Председатель удивлённо, но настойчиво ещё раз переспросил: «Белоруссия?». И вновь услышал от её представителя отрицательный ответ.

Не растерявшись, председатель попросил секретарю внести в протокол данные о том, что представитель Белоруссии, хоть и присутствует на встрече, но почему-то утверждает, что его здесь нет. После заседания российские представители спросили молодого коллегу, попавшего впросак, почему он так непонятно действовал. И получили ответ, что он впервые присутствовал на Ассамблее и толком не понимал, что его ждёт здесь и как себя вести. Однако он исходил из того, что если Австралия, член ряда враждебных блоков и союзов, говорит «да», то он, разумеется, должен сказать «нет». Данный дипломатический конфуз приоткрывает политические и со-

циокультурные установки, которыми руководствовались в своём поведении советские делегаты и представители других социалистических государств. Но и участники другого, капиталистического лагеря формировали свою политику, исходя из постулатов откровенного антикоммунизма, то есть вместе со своими политическими протагонистами создавали ту мировоззренческую пропасть, которая разделяла все нации и государства. Описываемая же ситуация была отнесена к разряду дипломатических ляпов и никаких серьёзных последствий за собой не повлекла.

Диалогичность межкультурного общения, а слово как посредник социального общения, приводит к делению мира на своих и чужих (по М.М. Бахтину появление «другого» как собеседника, противника самого себя). В условиях того, что «культура выступает как форма самодетерминации индивида в горизонте личности, форма самодетерминации нашей жизни, сознания, мышления»[2, с. 289], другой получает другие ценностно-мировоззренческие установки, другое ментальное содержание, что иногда приводит к более серьёзным последствиям, нежели межкультурные ошибки, – к конфликтам культур или коммуникативным провалам. Последние происходят из-за «неверно выбранных поведенческих коммуникативных стратегий отправителя. Так, когда вы спрашиваете американца о том, «сколько он получает в месяц», вы переносите стратегии своего социолингвистического поведения на почву чужой культуры, где такой вопрос неправомерен и ведёт к прагматическому провалу, а следовательно, к дальнейшей коммуникативной катастрофе»[4, с. 13].

Представление о «своих» и «чужих» за последнее время мало трансформировалось. Как и в Средневековье, «свои» наделяются добродетельными, положительными характеристиками, а «чужие» – отрицательными чертами, которые часто носят неосознаваемый характер и действуют на бессознательном уровне. Мировая литература изобилует примерами, в которых представлены концеп-

ты «свой-чужой», утверждая тем самым глубинную этнопсихологическую основу данной оппозиции. Возвращаясь к практическим примерам из дипломатии, которая является своего рода лингвокультурным ристалищем, приведем еще один пример из разряда конфликтов культур. В 2015 году на Тайвань с визитом приехала руководитель британского транспортного ведомства баронесса Сьюзан Крамер, которая после успешных переговоров подарила мэру города Тайбэй часы. В Китае существует табу на подарки такого рода, так как часы являются символом обратного отсчёта времени, оставшегося до смерти. Мэр попытался смягчить этот культурный шок, отшутившись, что был недавно у доктора и тот подтвердил, что со здоровьем у мэра всё в порядке. Крамер, в свою очередь, стала оправдываться, что в Англии часы – подарок, подчёркивающий ценность времени.

Ещё один конфликт культур был спровоцирован рыцарским жестом Президента РФ В.В. Путина, когда президент попытался укрыть от холода пледом первую леди КНР. Случай имел место быть на саммите АТЭС в 2014 г. Президент сидел рядом с женой председателя КНР Си Цзиньпина и, возможно, они обменялись ничего не значащими комментариями относительно погоды и температуры в зале приёма, но В.В. Путин мгновенно накинул на плечи Пэн Лиюань плед. Российское рыцарство и воспитанность по отношению к слабому полу обернулись скандалом в китайских социальных медиа: в них писали о флирте, о бестактности и о том, что первая леди была скомпрометирована. Для китайского общественного мнения этот эпизод получил такой резонанс, что правительство КНР уничтожило все видеосвидетельства данного казуса.

История цивилизации знает огромное множество примеров как межкультурных конфликтов, имеющих драматические последствия, так и межкультурных ляпов, которые заканчивались символическими извинениями или просто шутками. Фундаментальной причиной указанных явлений является отсутствие понимания между носителями различ-

ных языков и культур, которое может быть следствием:

а) незнания социокультурных, этнопсихологических, религиозных и иных парадигм другой культуры;

б) социолингвистического и прагматического переноса норм и правил из родной культуры;

в) неприятия/отторжения норм и правил, моделей поведения и конвенций другой культуры (как правило, это характерно для ситуаций, в которых не преследуется цель достижения коммуникативной задачи в общении);

г) лингвистическими барьерами коммуникациями, обусловленными недостаточным знанием иностранного языка, делового этикета общения, некорректным использованием стилистических приемов и проч.;

д) психолингвистическими и нейрорпсихологическими аспектами кодирования и декодирования речевого сообщения с/на иностранный язык.

Таким образом, понимание в межкультурной коммуникации может быть охарактеризовано двумя ключевыми аспектами: психолингвистическими и этносоциокультурными. Необходимо отметить сопряжённость, синергию двух понятий: понимания и познания, последнее как ступень к понимаю, и конституировать гносеологическую природу понимания: «Первичной формой духовных потребностей в онтогенетическом развитии, по-видимому, являются функциональные потребности в ориентировочно-познавательной деятельности, потребности во внешних впечатлениях, но не материальные потребности в пище, одежде и жилище» [7, с. 174].

Понимание является отражением высшей духовной потребности, одновременно пониманию доступно лишь то, что познано, без последнего не может быть понимания (даже эмоциональный отклик в душе находят только те явления, которые были пережиты или ранее осмыслены индивидом). Согласно Рене Декарту, понимание отождествляется с мышлением, интеллектом, а мышление, в свою очередь, имплицитно включало в

себя то, что сегодня принято называть сознанием. Выстраивается следующая цепочка когнитивных процессов: восприятие (рациональное или иррациональное, то есть чувствование) – осмысление – понимание – сознание. Этносоциокультурные характеристики понимания мы рассмотрели выше, теперь настал черёд более подробного освещения психолингвистических аспектов понимания.

Операционной единицей понимания является код, который имеет символическую природу: «Символ всегда есть то, что мы не до конца понимаем, но что есть мы сами как понимающие, как существующие» [3, с. 35]. Таким образом, с нашей точки зрения, понимание и сознание оперируют одним и тем же инструментом – символом. Акт коммуникации не может состояться, если сообщение не закодировано (то есть не трансформировано в символ): «Код – ключевое понятие межкультурной коммуникации... сообщение надо закодировать, ...выразить средствами кода, и декодировать, то есть понять таким образом кодирование в межкультурной коммуникации: это конвертирование первой сигнальной системы в другую при помощи внутреннего кода («язык мысли») и внешнего (вербальная и невербальная формы). Культурно-языковой код зависит от национальной картины мира» [4, с. 71].

О сознании с философской, психологической, социокультурной точек зрения написано много великих трудов, для целей настоящей статьи ограничимся лишь двумя фактами о сознании:

1) сознание имеет социальную природу (выделяют общественное и индивидуальное сознание), оно возникло в процессе коллективного бытия человека, рефлексии окружающей действительности;

2) сознание имеет коммуникативную природу (как следствие социализации индивида), что отражено в самом слове сознание, то есть совместное с кем-то знание, которое может быть передано адресату при помощи слов, знаков, визуальных или иных образов, схем, жестов мимики и т.д. [6, с. 138]

Согласно М.М. Бахтину, «сознание складывается и осуществляется в знаковом материале, созданном в процессе социального общения организованного коллектива. ...Индивидуальное сознание питается знаками, вырастает из них, отражает в себе их логику и их закономерность. Идеальным знаковым содержанием сознания становятся элементы национального языка». Опираясь на теории речепорождения видных российских и советских учёных, представим схему порождения речевого высказывания в условиях межкультурного диалога:

1. За любым речевым высказыванием кроется замысел или мотив. Таким образом, мотив речевого акта является отправной точкой формирования мысли. Мотив располагается за пределами сознания, по утверждению К.Ф. Седова, и апеллирует к обоим полушариям. Конечно, есть случаи, когда мотив вполне осознаваем и лежит в поле сознания. Но чаще всего мотив является результатом деятельности подсознания, и в этом случае он напрямую связан с правым полушарием головного мозга [6, с. 114];

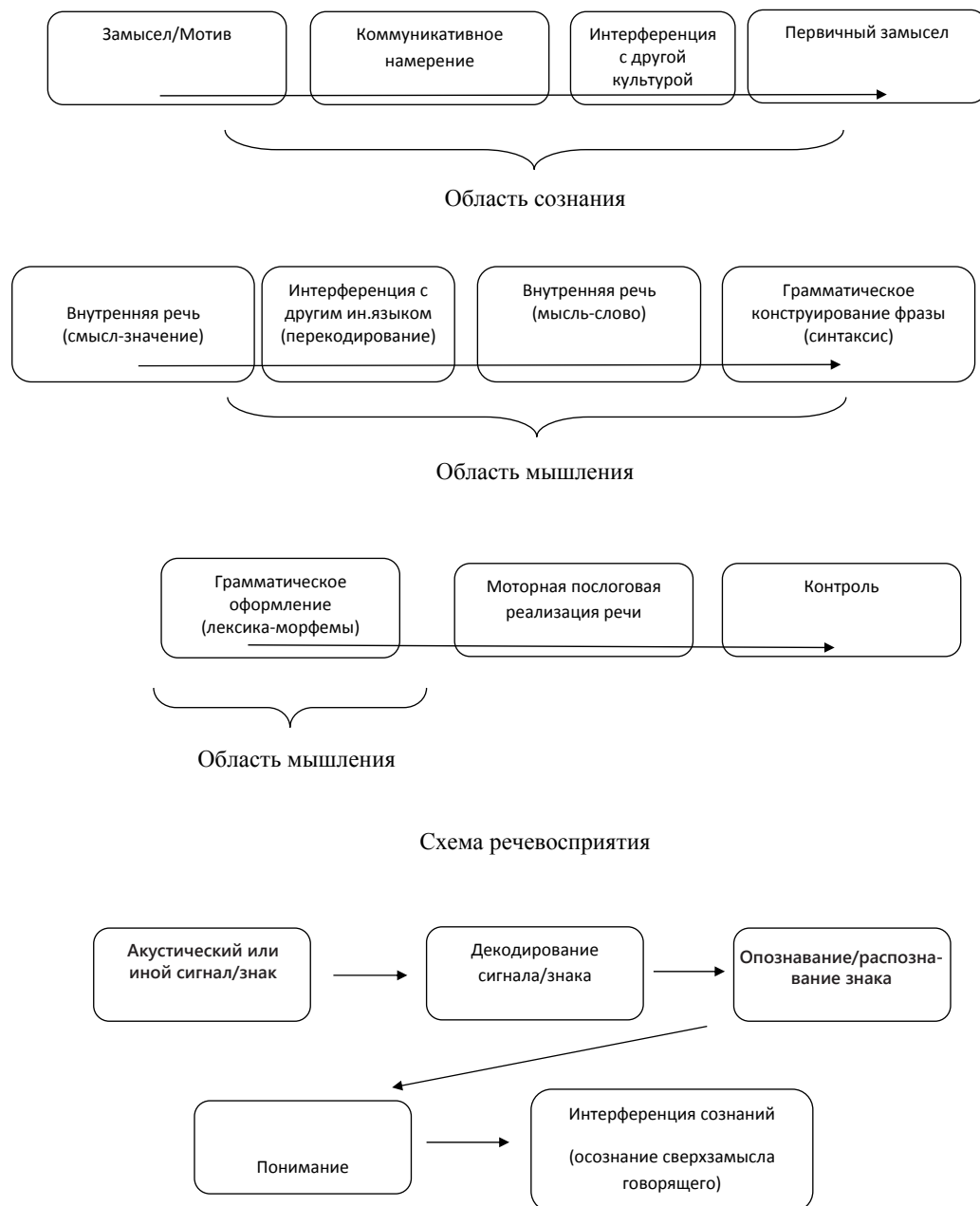
2. К первичной стадии формирования мысли можно отнести также и следующий этап – формирование коммуникативного намерения, которое локализуется в правой части головного мозга. Коммуникант на этом этапе принимает решения такого рода, как желание/нежелание вступить в коммуникацию. Можно с некоторой долей вероятности утверждать, что на этом этапе ведущую роль играет правое полушарие мозга, отвечающее за процессы мышления, в этой связи именно на этом этапе принимается решение об эмоциональном окрасе будущего высказывания, интонации, модальности. На этом же этапе сознание говорящего конкретизирует для самого себя цель высказывания. Скорее всего, именно здесь мысль и в светлом поле сознания оформляется в понимающую интенцию, то есть коммуникант, осознавая свой личностный замысел, кодирует его в ту или иную знаковую систему. Этот этап также разворачивается в правом полу-

шарии и здесь полностью отсутствуют следы национального языка;

3. Далее следует этап первичного замысла, когда говорящий уже знает, ради чего он намеревается говорить, какие экстралингвистические характеристики дискурса задействует, но ещё не знает, что именно скажет. Здесь формируется целостная семантическая модель

высказывания, оформляется смысловое содержание высказывания. Этот этап является рубежным между мыслью и словом. Будущее речевое высказывание здесь закодировано в виде схем, знаков, ощущений, образов;

4. Начиная с этого этапа, следует вербализация замысла. Именно здесь язык смысла в виде образов, схем, знаков



переводится на конкретный национальный язык – язык значений, понятный реципиенту. Надо сказать, что вся схема речепорождения является ристалищем, на котором разворачивается настоящая война между личностным смыслом и общепринятым значением. Вербализованная конструкция высказывания на этом этапе состоит из частей фраз, несущих ядерный смысл, ключевых понятий, то есть формируется коммуникативное ядро будущего высказывания. Данный этап имеет референцию с внутренней речью Л.С. Выготского;

5. На последующих этапах происходит разворачивание коммуникативного смыслового ядра в речевое высказывание: мысль перерождается в слово. Именно перерождается, формируется, а не переходит в готовом виде;

6. Грамматическое конструирование фразы начинается с синтаксиса. Внутренние слова-образы находят своё место в синтаксической конструкции национального языка. Если на четвёртом этапе использовалась правополушарная грамматика, то здесь подключается левополушарная грамматика, с помощью которой смысл становится значением, появляется синтаксис и лексическая вариативность;

7. Далее задействуются такие грамматические категории, как лексика и морфемы;

8. В итоге происходит моторная послоговая реализация речи, осуществляемая левым полушарием мозга.

9. Завершает эту длинную цепочку речепорождения – контроль над смысловой и формальной стороной дискурса. Эта функция разделена между правым и левым полушариями, где левое ответственно за формально-грамматическое оформление дискурса, а правое – за смысловое содержание.

Таким образом, путь от мысли к слову представляет собой превращение чувственного образа в бестелесную мысль, а нерасчленённое слово в расчленённое предложение с субъектно-объектной структурой. На этом пути неосознанное превращается в сознательное.

Понимание является, по всей вероятности, формой бытия индивида в социальном мире: «А поскольку человек мыслится как существо ...свободное, то взаимодействие с себе подобными он строит не по принципу «стимул-реакция», а по принципу «обращение-понимание». Поэтому человеческое взаимодействие превращается в коммуникацию» [8, с. 19]. Таким образом, понимание первично по отношению к коммуникации. Человек будучи «социальным животным» с природной интенцией к пониманию себя и окружающего мира, столкнулся с необходимостью в создании языка, понимание, напротив, имеет доязыковую основу.

Список литературы:

1. Аверинцев С.С., Давыдов Ю.Н., Турбин В.Н. и др. М.М. Бахтин как философ: Сб. статей / Рос. академия наук, Институт философии. М.: Наука, 1992. 176 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Художественная литература, 1979. 424 с.
3. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 288 с.
4. Молчанова Г.Г. Когнитивная поликодовость межкультурной коммуникации: вербалика и невербалика. Учебное пособие. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. 384 с.
5. Попов В.И. Современная дипломатия: теория и практика. Дипломатия – наука и искусство: Курс лекций. 2-е изд., доп. М.: Междунар. отношения, 2016. 576 с.
6. Седов К.Ф. Нейропсихоллингвистика. М.: Лабиринт, 2009. 224 с.
7. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М., Калуга: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.
8. Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. Вып. 8/Рос.акад.наук, Ин-т философии; Отв. ред. М.С. Киселева. М.: ИФРАН, 2014. 18–29 с.
9. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., Basic Books, Inc., 1973

Об авторе:

Кабахидзе Екатерина Львовна – к.филос.н., начальник управления международного сотрудничества Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет», 129226 Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д.4. Научная специализация - социальная философия, психолингвистика. E-mail: KabakhidzeKL@mgpu.ru.

UNDERSTANDING AS BASIC PREMISE OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION: PSYCHOLINGUISTIC AND SOCIO CULTURAL ASPECTS

K.L. Kabakhidze

Moscow City University, Postal index: 129226, Moscow, 2nd Selskokhozyastvenny proezd, Bld. 4.

Abstract. *The author of the article analyzes cross-cultural communication from social philosophy viewpoint defining invariant features of cross-cultural communication based on dialogue (Mikhail Bakhtin) and dialect nature of human communication. Theoretical description of the nature of cross-cultural communication is illustrated by live examples of cultural conflicts borrowed from the history of the Russian diplomacy. Since consciousness has the communicative origin, whereas cross-cultural understanding is rooted in neuropsychological aspects of cognition, antinomy of "sign-symbol", the article depicts the mechanisms of speech production and speech perception divided between the strata of consciousness and cognition.*

The paper underlines the hermeneutic essence of intercultural dialogue, which reveals through understanding between communicators at conceptual and semantic levels, moreover at cultural and civilizational dimensions in the context of the multipolar world, taking into account global socio-economic, ethnocultural, political trends in different countries around the world.

Internalization of education, information and telecommunication technologies catalyzes intercultural communication, forming knowledge society inhabited by 'homo loquens'.

Intensive intercultural contacts quite often give rise to cultural conflicts. The author categorizes this phenomenon by ranging the mistakes, insufficient understanding, embarrassments and conflicts of intercultural communication, reveals in-depth socio-cultural paradigm, axiological, world outlook and religious aspects that cause negative outcomes of intercultural contacts.

Understanding in intercultural dialogue is composed of ethnosociocultural context and psycholinguistic mechanisms of speech perception and speech production. The operational item of understanding is considered to be a code which has a symbolic nature. The article depicts the interconnection between symbol, code, act of communication, consciousness and national world view.

Key words: *understanding, cognition, intercultural dialogue, consciousness, symbol, national worldview, hermeneutics, ethnos, communication, information society, culture, globalization.*

References:

1. Averincev S.S., Davydov YU.N., Turbin V.N. i dr. M.M. Bahtin kak filosof: [M.M. Bakhtin as philosophe] Sb. statej / Ros. akademiya nauk, Institut filosofii. M.: Nauka, 1992. 176 s. (in Russian).
2. Bahtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Esthetics of verbal creativity]. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1979. 424 p. (in Russian).
3. Mamardashvili M.K. Soznanie i civilizaciya [Consciousness and civilization] SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2011. 288 p. (in Russian).

4. Molchanova G.G. Kognitivnaya polikodovost' mezhkul'turnoj kommunikacii: verbalika i neverbalika [Cognitive polycode of cross-cultural communication: verbalika and nonverbalika]. Uchebnoe posobie. M.: OLMA Media Grupp, 2014. 384 s. (in Russian).
5. Popov V.I. Sovremennaya diplomatiya: teoriya i praktika. Diplomatiya – nauka i iskusstvo [Modern diplomacy: theory and practice. Diplomacy – science and art]: Kurs lekcij. 2-e izd., dop. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 2016. 576 s. (in Russian).
6. Sedov K.F. Nejropsiholingvistika [Nejropsiholingvistika]. M.: Labirint, 2009. 224 s. (in Russian).
7. Ufimceva N.V. Yazykovoe soznanie dinamika i variativnost [Language consciousness: dynamics and variability] M.: Kaluga-Institut yazykoznanija RAN, 2011. 252 p. (in Russian).
8. Chelovek vchera i segodnya: mezhdisciplinarnye issledovaniya [Person yesterday and today: cross-disciplinary researches]. Vyp. 8/Ros.akad.nauk, In-t filosofii; Otv. red.M.S. Kiseleva. M.: IFRAN, 2014. 18 - 29 s. (in Russian).
9. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., Basic Books, Inc., 1973. 352 p.

About the Author:

Katherine L. Kabakhidze – PhD (Philosophy), Head of International Relations Department of Moscow City University, Postal index: 129226, Moscow, 2nd Selskokhozyastvenny proezd, Bld. 4. Scientific interests - social philosophy, psycholinguistics. E-mail: KabakhidzeKL@mgpu.ru.



ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В.А. Аватков, А.И. Павлова

Кафедра восточных языков Дипломатической академии МИД РФ, 119992, г. Москва, Остоженка, 53/2 строение 1.

Журнал «Военный», 101000, Москва, Мосфильмовская ул., 1.



В статье рассматривается межкультурная политика Турции и её особенности на современном этапе. Пройдя несколько ступеней становления, современная кросс-культурная политика Турции реализуется по схеме, введённой Мустафой Кемалем Ататюрком: «один язык – одна страна – одна культура», что ставит национальные и религиозные меньшинства в уязвимое положение. Помимо этого, существует проблема признания культурных меньшинств турецким правительством, которое в качестве таковых выделяет только евреев, греков и армян. В статье также рассматривается правовое обеспечение проблемы кросс-культурной коммуникации. Характерным для Турции является отсутствие законов, напрямую регулирующих государством реализацию межкультурной политики, данный вопрос не затронут даже в Конституции Республики. В результате, кросс-культурная политика с правовой точки зрения реализуется на основе отдельных статей различных законов, которые зачастую имеют весьма расплывчатые формулировки и могут быть истолкованы, исходя из потребностей государства.

Курдская проблема является ключевым вопросом межкультурной политики Турецкой Республики. Борьба курдов за национальные права и автономию приняла вооружённую форму в конце прошлого столетия, в результате чего Анкара была вынуждена пойти на некоторые уступки. Однако на сегодняшний день нерешёнными остаются вопросы признания курдов в качестве этнического меньшинства, введения курманджи/заза в курдских школах и использования национального языка в курдской прессе. Ведение диалога между властями и представителями курдов осложняется стремлением последних к автономии и намерением первых сохранить территориальную целостность государства.

В общем, можно говорить о том, что Турецкая Республика очень трепетно относится к вопросу целостности страны как в территориальном, так и в культурном плане, результатом чего и является реализация политики «одного языка – одной страны – одной культуры» в вопросе кросс-культурной коммуникации.

Ключевые слова: Турция, межкультурная политика, курдский вопрос, меньшинства Турции, межкультурная коммуникация, Османская Империя, Партия Справедливости и Развития, миллет, курды, турецкий язык.

В современном мире сложно найти хоть одну культуру, которая бы находилась в полной изоляции. Рост числа общечеловеческих проблем, таких как глобальное потепление, угроза терроризма, распространение ядерного оружия, пандемий, придаёт особую важность сотрудничеству между народами и нациями. В связи с этим возрастает и роль межкультурной коммуникации, и каждое государство стремится выработать отвечающую его потребностям кросс-культурную политику.

Стоит отметить, что для государства как основного актора международных отношений, существует два направления реализации кросс-культурной коммуникации: внутреннее и внешнее. В первом случае объектом межкультурной политики государства являются отношения между различными народами, национальностями и культурами, организациями и институтами, отдельными личностями в пределах одного государства. Во втором случае объектами могут стать как целые иностранные государства, так и отдельно взятые их народы, культуры, группы верующих [1].

В данной статье речь пойдёт о кросс-культурной коммуникации в пределах одного государства, в частности, Турецкой Республики.

Историческая преемственность межкультурной политики Османской империи и Турецкой Республики. Турция, будучи наследницей Османской империи, имеет огромный опыт в сфере межкультурной политики и за свою историю прибегала к разным моделям её реализации. Поэтому следует разобратся, в какой степени построенная на осколках Османской империи Турецкая Республика опирается на собственный исторический опыт.

Османская империя включала в себя обширные территории, на которых проживали десятки национальностей. В качестве межкультурной политики ею была выработана система миллетов. Данная система основывалась, в первую очередь, на религиозной, а во вторую – на этнической принадлежности. Каждая ре-

лигиозная община получала статус миллета, её представителем являлся глава, утверждённый центральным правительством, чаще всего – священник или раввин. Миллеты имели право использовать национальный язык, строить учебные заведения, собирать налоги, вершить правосудие. Подданные миллетов являлись гражданами Османской Империи, однако более половины из них составляли «низы» империи, им был ограничен доступ к административным и военным должностям, а налог, собираемый с немусульманских подданных, был выше, чем для мусульман.

В целом, можно говорить о том, что турки установили своё этнорелигиозное превосходство, хотя и не проводили политику обязательной исламизации завоеванных территорий. Межкультурная коммуникация осуществлялась по вертикальной линии – от господствующего народа (турок) к завоеванным. Притеснения немусульманских народов зачастую выливались в народные восстания и постепенно ослабляли империю.

Во второй половине XIX в. в результате реформ Танзимата самоуправление было отменено, немусульманское население империи уравнено в правах с мусульманским, однако на деле это было реализовано только в Стамбуле и его окрестностях и было крайне негативно воспринято турецким народом. Вскоре у власти оказалось тайное общество «новых османов», которое свергло с престола султана Абдул Азиза. Идеологи «новых османов», такие, как Мидхад-паша и Намык Кемаль, считали, что в результате проведения конституционных реформ можно ликвидировать национальные и религиозные противоречия.

Однако эти идеи приняли совсем иные формы после прихода к власти Абдула Хамида II: турецкий язык был принят в качестве национального на территории всей Империи, а ислам был объявлен государственной религией. Говоря иначе, была предпринята попытка сформировать новую нацию путём насаждения турецких культурных и религиозных особенностей на все народы

империи. Позже, когда к власти пришли младотурки, можно отметить расцвет национализма. Младотурки считали, что для сохранения империи от развала необходимо построение единой нации. Они полагали, что турки и ислам должны быть взяты за основу новой нации, османами они называли все народы империи. Однако на практике, это привело к обратному – росту национального самосознания народов подчинённых территорий, о чём свидетельствуют Балканские войны 1912-13 гг.[8].

Несмотря на то, что с приходом к власти Мустафы Кемаля Турция перестала быть империей, но население новой Республики было представлено многими народами с разнообразными культурами. Исходя из этого, кемалистское правительство начало строить новую нацию. За основу был принят принцип: «один язык – одна страна – одна культура». То есть все народы и культуры, оставшиеся в границах нового государства, провозглашались единой турецкой нацией.

Реализация этой политики коснулась всех сфер жизни нетурецкого населения страны, так как в схеме «один язык – одна страна – одна культура» «язык» подразумевался турецкий, а «культура» формировалась на основе турецких национальных ценностей. Вместе с тем менялся и общекультурный фон государства. Абсолютно все культуры, включая турецкую, подвергались вестернизации и секуляризации, что представлялось как процесс модернизации Турции. Да, за основу общей государственной культуры были взяты турецкий язык и турецкие традиции, однако вместе с этим шло насаждение ценностей европейских, некогда чуждых турецкой культуре. Таким образом, при построении новой нации особенности меньшинств, проживающих в Турции, не были учтены, более того, политика «один язык – одна страна – одна культура» подразумевала отсутствие различных культур в пределах Турции, кроме единой для всех насаждаемой государством национальной культуры [8].

Сегодня Турция продолжает политику отрицания существования различных

культур на её территории. Уместно будет упомянуть о том, что в турецком языке не существует разницы между словами «турок» (*Türk*) – как принадлежность к нации и «турок» (*Türk*) – как национальность, в отличие, например, от России, где для обозначения национальности употребляются «русский» и «россиянин» – для принадлежности к нации. Более того, то же самое слово «*Türk*» используется и для обозначения тюркских народов [4]. Кросс-культурная коммуникация в Турции вызывает множество вопросов со стороны международного сообщества, особенно в свете стремления Турции вступить в Европейский союз. В частности, можно выделить следующие проблемы:

- использования национального языка различными группами населения;
- участия нетурецкого населения в политической жизни страны;
- использования медийного пространства культурными меньшинствами и др.

В результате практики, сложившейся с подписанием Лозаннского мирного договора, в качестве культурных меньшинств в Турции принято выделять евреев, армян и греков. Причём на момент подписания договора выделение этих групп основывалось на их немусульманской сущности. Поэтому сегодня особо остро стоят вопросы ведения диалога турецкого правительства с представителями христианских культур, проживающими на территории Турции, а также такой многочисленной и в то же время мусульманской диаспорой, как турецкие курды. В настоящий момент это самая острая проблема во внутригосударственной культурной политике Турции.

Турецкая Республика продолжает традиции кросс-культурной политики Ата-тюрка. Турецкая нация как единое целое является основой Республики, а потому правительство негативно относится к любому стремлению к культурной обособленности тех или иных групп своих граждан. Национальные и религиозные меньшинства, с одной стороны, защищаются законодательством, с другой –

реализация их прав допускается только в пределах, не ставящих под сомнение единство турецкой нации.

Религиозные и национальные меньшинства Турции. Современная Турция является домом для многих народов и культур. Несмотря на то, что переписи населения по национальному признаку в Турции не проводились и точную численность меньшинств подсчитать затруднительно, можно выделить наиболее крупные группы:

- **алевиты** в основном проживают в провинциях Адана и Хатай на Юге страны и используют преимущественно, арабский язык. Термин «алевиты» применяется к самым разным культурам и народам, проповедующим ислам шиитского толка с теми или иными особенностями. В результате политики «один язык – одна страна – одна культура» эти меньшинства не имеют доступа к собственному религиозному образованию, нуждаются в собственных домах поклонения и достаточно скудно представлены в государственных органах;

- **армяне** в результате исторически сложившейся практики применения Лозаннского договора рассматриваются турецким правительством в качестве религиозной, а не национальной группы. Их права защищены значительно лучше, нежели остальных непризнанных национальных групп (к примеру, тех же алевитов). Тем не менее, из-за вопроса геноцида армян и в результате нагорно-карабахского конфликта, армяне сталкиваются со сложностями интеграции в турецкое общество и часто воспринимаются как иностранцы;

- **еврейская община** в Турции также признаётся религиозным меньшинством. Турецкие евреи заявляют, что хотя их раввинат и не имеет официального статуса в Турции, но признаётся правительством *de facto*. Кроме того, евреи утверждают, что не подвергаются антисемитизму [10]. Такое отношение правительства Турции к евреям связано, скорее всего, с тем фактом, что Израиль (в отличие, например, от Армении) не имеет территориальных претензий к Турции;

- **греки** из-за кипрского конфликта подвергаются негативному отношению со стороны турецкого населения. В результате значительная часть греков вынуждена была мигрировать на родину. В 1991 г. комиссия по правам человека, прибывшая отслеживать реализацию Хельсинских соглашений (1975) установила множество нарушений со стороны правительства по отношению к турецким грекам, начиная с ограничений в области свободы печати, образования и издания учебников и т.д. В настоящее время отток греческого населения из Турции продолжается;

- **ассирийцы**, хотя и являются христианами, тем не менее не защищены положениями Лозаннского договора. Турецкое правительство не признавало и не признаёт ассирийцев как культурную и религиозную общность. Ассирийцы, пожалуй, являются наиболее уязвимыми христианами в Турции: они не имеют прав ни на строительство собственных школ, ни на издание собственных книг, за исключением Библии. Более того, именно эта группа подвергается давлению со стороны исламистов. Их численность на территории современной Турции составляет не более 4000 человек [10].

Вышеуказанные группы можно объединить по принципу принадлежности к религиозным меньшинствам. Если говорить о меньшинствах национальных, то в Турции необходимо выделять следующие культурные группы:

- **курды** являются самым многочисленным национальным меньшинством и составляют около 20% от всего населения Турецкой Республики [10]. Курды сами по себе также весьма разнообразны, большинство из них говорит на курманджи, однако некоторые общаются и на заза. Две трети турецких курдов исповедуют ислам суннитского толка, в то время как одна треть курдов – шииты. И те, и другие страдают от притеснения турецким правительством их гражданских и политических прав и свобод;

- **цыган** в Турции насчитывается примерно 50 тысяч [10] (цифра весьма приближенная), большинство из них

мусульмане, часть – христиане. Цыгане выделяются тем, что они крайне неинтегрированы в турецкое общество и рассеяны по территории Республики.

– **кавказская община** в Турции насчитывает около 70 тысяч человек [10], её основу составляют выходцы из российского Северного Кавказа. В культурном плане эта группа крайне разрознена, сюда входят и чеченцы, и дагестанцы, и черкесы, и кабардино-балкарцы, и многие другие. В эту же группу принято включать почти 80 тысяч грузин и около 75 тысяч азербайджанцев [10]. Никого из них турецкое правительство не признаёт в качестве меньшинства;

– **арабы** в основном населяют южные границы Турции. Часть из них – алевиты, часть – сунниты и третья – христиане. Представители арабской общины также не признаются в качестве меньшинства, арабский язык запрещён для официального пользования.

В целом, можно констатировать, что в Турции существует целый ряд религиозных и национальных меньшинств, которые не признаны на государственном уровне и чьи естественные и социальные права ущемляются. Эти группы представляют собой симбиоз религиозных, национальных, культурных и языковых проблем, которые обостряются государственной политикой ассимиляции.

Правовые аспекты реализации межкультурной политики в Турции. В Турции по существу нет законов, посвящённых регулированию межкультурных отношений внутри страны. Имеющееся законодательство в данной области в основном направлено на создание и сохранение единой турецкой нации, в том числе на ассимиляцию представителей других наций и культур. Одним из основополагающих документов, правовая сфера которых затрагивает межкультурные отношения в стране, является Лозаннский мирный договор 1923-го года [10]. В 3-ем разделе договора прописаны основные положения народов, групп, меньшинств на территории Турции по отношению к мусульманскому населению.

В частности, договор устанавливает, что все народы Турции имеют равные права, независимо от их вероисповедания, этнической принадлежности, принадлежности к языковой группе и т.д. Статья 39 Лозаннского мирного договора гласит, что любое меньшинство на территории Турции имеет право использовать национальный язык для общения, ведения коммерции, использования в средствах информации и прочее. Здесь важно отметить, что турецкое правительство сразу после подписания договора ограничило его применение к немусульманским народам (христианам и иудеям), выделив 3 основные немусульманские культуры, о которых упоминалось выше: евреев, армян и греков. Правительство Турции признаёт их право на культурную автономию и сегодня [17].

Показательно, что Основной закон республики – Конституция 1982 г. [18] – даже не затрагивает вопросы межкультурной коммуникации в государстве. Так, только 10 статья Конституции Турецкой Республики гласит о равенстве всех граждан перед законом, независимо от религии, расы, политических взглядов, пола и т.д. В статье 3 государственным языком указывается турецкий, а в статье 42 Конституции говорится о том, что образование в Турции осуществляется только на турецком и ни на каком-либо другом языке. В то же время в преамбуле к Конституции несколько раз употребляется словосочетание «турецкий народ» и говорится о приверженности принципам Ататюрка, о целостности турецкого государства, о неприкосновенности турецкой истории и турецких моральных ценностей. Конституция Турции закрепляет турецкую государственность с единой для всех населяющих Турцию народов культурой, основанной на турецком языке, турецкой истории и турецких ценностях.

В 1983 г., сразу после принятия Конституции, был принят Закон 2932 [16], запрещающий использование в государственной жизни других языков, кроме турецкого, который был отменён лишь в 1991 г. В 2004 г. в Турции появился закон,

разрешающий и регулирующий вещание на языках меньшинств [19]. И в этом же году, со строгими ограничениями (по времени и содержанию), на радио вышли в эфир программы на национальных языках. Это был серьёзный шаг правительства по демократизации внутренней жизни государства, особенно в сравнении с законом 1983 г. Тем не менее строгие ограничения, наложенные законом (например, вещание на национальном языке может осуществляться не более 1 час в день, пять дней в неделю по радио и не более 45 минут в день, пять дней в неделю на телевидении) стали серьёзными преградами для развития национальной культуры этнических меньшинств.

В 2002 г. в Турции был принят закон 4771 [7], немного смягчивший положения Конституции и позволяющий открывать частные курсы на национальных языках в случае, если не наносится ущерб турецкому языку. Однако в обществе существует потребность изучения родного языка в государственных учебных заведениях, поскольку лишь небольшой процент населения может позволить себе частные уроки. Армяне, греки и евреи имеют право на создание национальных школ, однако другие немусульманские граждане (например, ассирийцы) сталкиваются с проблемой отказа в праве на открытие национальных школ, и это при том, что закон 1970-го года запрещает национальным школам принимать учеников из других диаспор. То есть фактически ассирийцам-христианам отказано в праве учиться с другими христианами.

В Турции, существует целый ряд законов, фактически запрещающих культурную жизнь национальных меньшинств. Лидером в этом смысле является Уголовный кодекс Турции [15]. Его статьи не раз применялись в отношении активистов национальных меньшинств как аргумент в доказательствах незаконности их действий. Например, статья 216 кодекса гласит, что никакой гражданин не может нарушать общественное спокойствие, разжигая ненависть, основанную на различиях в вере, убеждениях, расе и т.д. Статья 301 Уголовного кодекса

предусматривает наказание за нападки в адрес «турецкого народа». Благодаря возможности широкого толкования, эта статья применялась многократно, в частности и по отношению к знаменитому писателю – Орхану Памуку, признавшему геноцид армян.

Существуют и другие акты, которые выводят деятельность меньшинств на территории Турции за рамки законной. Согласно закону 2820 «О политических партиях» [13], запрещаются создание политических партий на национальной, религиозной, культурной, конфессиональной, расовой, языковой основе. Эта же статья запрещает распространение нетурецкой культуры или нетурецкого языка партиями и использование нетурецкого языка для публичных выступлений, издания официальных документов партий и т.д. Данный закон привёл к устранению из политической жизни страны многих курдских политиков, выступающих на национальном языке.

В 2004 г. был принят Закон об ассоциациях 5253 [9], статья 30 которого имеет широкое толкование, поскольку гласит о запрете организаций, противоречащих принципам Конституции и законам Турции. Организации и ассоциации, созданные по национальному принципу, фактически подпадают под действие данной статьи. В законе 3713 «О борьбе с терроризмом» 1991 г. [14] террор определяется как «действия, подразумевающие насилие, запугивание, устрашение, угрозы и совершаемые человеком или группой людей с целью изменения политического, правового, социального, светского, экономического строя Турецкой Республики, подрыва турецкой нации и ее безопасности, ослабления государственной власти, нарушения основных прав и свобод» [3].

Такое определение терроризма позволяет подводить его статьи и деятельность активистов, пропагандирующих расширение прав национальных и религиозных групп. К тому же поправки, внесённые в закон в 2006 г., направлены на ужесточение ограничений свободы прессы культурных меньшинств, в пер-

вую очередь курдов. Реализация задач по борьбе с терроризмом осуществляется Министерством внутренних дел, а точнее его подразделением по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности. Согласно закону 5952 «О целях и задачах подразделения общественного порядка и общественной безопасности» [11], данное ведомство также уполномочено вести разведывательную деятельность в целях выявления лиц, связанных с терроризмом.

Подводя итог, можно сказать, что правовое урегулирование межкультурных отношений в Турции разработано недостаточно и формируется лишь из отдельных статей законов, касающихся разных областей жизни государства и общества. Формулировки, содержащиеся в законах, имеют широкое толкование и при необходимости могут быть применены удобным государству образом. В связи с этим у турецкого правительства, по сути, имеются неограниченные возможности в данной области. Практика правоприменения в отношении меньшинств указывает нам на их шаткий и уязвимый законный статус в турецком обществе.

Курдский вопрос и политика Партии справедливости и развития. Насильственная модернизация, вестернизация и насаждение турецкого языка и культуры, которым подверглись все народы в период построения нового государства-нации после распада Османской империи, вызвали негативную реакцию со стороны курдов. Массовые недовольства привели к росту национального самосознания среди курдского населения и формированию национальных интересов (в частности – стремление к автономии). Ситуацию усугублял тот факт, что курды не были признаны отдельной культурой ни турецким правительством, ни в результате подписания Лозаннского договора.

До начала 1980-х гг. турецкие власти отрицали существование курдского вопроса, применяя к турецким курдам термин «горные турки». Однако в 1974 г. начинает оформляться курдское движение, появляется Социалистическая

партия Курдистана, а в 1978 г. возникает и Рабочая партия Курдистана (РПК), которая начала решительную борьбу за права курдского народа. В условиях, когда курды не имели реальных политических, экономических и других рычагов, движение прибегает к насильственным методам борьбы. В ответ турецкое руководство также стало прибегать к применению силы, РПК была объявлена террористической организацией [6].

До 2000-х гг. курдские районы Турции республики находились в чрезвычайном положении, которое было отменено лишь в 2002 году с приходом к власти Партии справедливости и развития. На волне устремлений Турции стать членом Европейского союза ПСР приступила к политическому урегулированию курдской проблемы. Партии удалось обеспечить защиту базовых гражданских прав курдского населения, что сразу повысило её имидж как внутри страны, так и за рубежом. Однако реализации основных гражданских прав оказалось недостаточно, курды стали требовать также и реализации индивидуальных и групповых прав [6].

В 2007 г. курдам впервые удалось войти в состав парламента. Сначала их представителями являлась Партия демократического общества (ПДО), до того как была закрыта в 2009 г. в связи с подозрениями в связях с террористами. Затем, в 2011 г. представители Партии мира и демократии смогли попасть в Великое Национальное Собрание Турции (ВНСТ). Получив доступ к власти, курды стали продвигать свои интересы на национальном уровне, а в курдских районах неофициально, наравне с турецким языком, стали использоваться курманджи и заза.

Придя к власти в 2002 г., ПСР продолжила политику отрицания курдского вопроса, однако уже тогда начала принимать важные шаги: были приняты законы, смягчающие положение курдского языка в образовании, обществе и прессе. Важным шагом в решении курдского вопроса стало провозглашение действующим на тот момент премьер-

министром Реджепом Тайип Эрдоганом в 2007 г. новой политики, направленной на урегулирование курдского вопроса. Премьер-министр дал понять, что решение вопроса будет основываться на принципах единства нации и унитаризма. Взамен этого ПСР была готова сделать уступки в сфере культуры и экономики. ПСР полагала, что проблему можно решить на локальном уровне [6].

Так, в начале 2009 г. был запущен курдский телеканал, также Совет по высшему образованию разрешил проведение курсов по курдской литературе и курдским языкам, с Рабочей партией Курдистана было объявлено перемирие. Это был шаг ПСР навстречу курдам.

Более того, действующий в то время президент А. Гюль заявил, что курдский вопрос является одним из серьёзнейших во внутренней политике Республики. Это означало, что Турция и ПСР перешли от политики отрицания курдского меньшинства, курдской культуры к политике диалога. Однако череда переговоров практически не сдвинула стороны с места. Борьба за права курдов продолжается и сегодня, в то время как турецкое правительство активно борется с РПК. Неразрешёнными (или частично разрешёнными) остаются вопросы использования национального языка в государственных школах, использование языка в прессе, признание курдов как этноса.

Особо важно отметить, что курды считают такую борьбу справедливой, поскольку их интересы ущемлены. В то же время правительство Турции, частично признав права курдов, стремятся решить вопрос, сохранив территориальную и административную целостность государства. Пойдя на уступки курдскому народу, но не получив встречных уступок в ответ, Партия снова перешла к политике жёсткой силы, о чём свидетельствуют массовые сожжения курдов турецкими силовиками [5]. Вооружённая форма противостояния вызывает потери с обеих сторон. Урегулирование конфликта в интересах как курдов, так и Турции. Однако конфликт лежит в ценностной сфере, а ценностные конфликты являются одни-

ми из самых сложных для разрешения. Наиболее вероятным сценарием его разрешения представляется «встраивание» политической и общественной элиты курдов в турецкие элиты, расширение прав и свобод курдов, их автономия в составе республики [2].

Проанализировав межкультурную политику Турции внутри государства, стоит выделить ряд её ключевых особенностей:

- во-первых, современная кросс-культурная политика Турции представляет собой схему ещё почти столетие назад озвученную Ататюрком, основателем Турецкой Республики – «один язык – одна страна – одна культура». Турецкие власти с 1923 г. продолжают отрицать наличие культурных меньшинств (за исключением евреев, греков и армян) на территории республики, при этом проводя политику ассимиляции всех народов в единую турецкую нацию;

- во-вторых, основным вопросом межкультурной политики Республики остаётся курдская проблема. Ситуацию значительно осложняет деятельность Рабочей партии Курдистана, которая выдвигает нереализуемые требования (полная автономия Курдистана) и использует неправовые методы для их достижения. Правительство, со своей стороны, усугубляет положение тем, что отказывается официально признавать курдов как самостоятельную культуру;

- в-третьих, отдельно стоит отметить важность попыток ПСР наладить диалог с представителями курдов, поскольку в современной кросс-культурной политике форма диалога представляется наиболее эффективной. Несмотря на то что диалог идёт напряжённо, сам факт перехода к нему является позитивным для урегулирования курдской проблемы;

- в-четвёртых, можно констатировать слабую развитость правового аспекта реализации межкультурной коммуникации в Турции. Анкара не имеет официальной политики по данному вопросу, а все положения законов, договоров и даже самой Конституции, касаю-

щиеся вопроса обеспечения религиозных, языковых, национальных и других прав граждан Турции, имеют обтекаемые формулировки и не раз использовались государством в удобном для него смысле.

В общем, можно констатировать, что Турция, опираясь на принципы Ататюрка в своей кросс-культурной политике, делает ставку не на эффективный спо-

соб её реализации – ведение диалога с различными культурами внутри государства, – а на принципы «отрицания» наличия этих самых культур. Турецкая Республика трепетно относится к принципу нерушимости единой турецкой нации и потому весьма жёстко реагирует на посягательства культурных, религиозных или национальных меньшинств на её единство.

Список литературы:

1. Аватков В. «Мягкая сила» Турции во внутренней политике России / В. Аватков, А. Бадранов // Право и управление. XXI век. 2013. № 2. С. 5-10.
2. Аватков В. Курдская проблема на турецком поле / В.А. Аватков // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 2. С. 128-133.
3. Аватков В. Стрессоустойчивость Турции в контексте противодействия терроризму // Стрессоустойчивость в системе противодействия современным угрозам безопасности личности, общества и государства: материалы семнадцатой международной научно-практической конференции (Москва, 26 ноября 2015 года). М: Академия управления МВД России. 2015. С.13-16.
4. Аватков В., Дружиловский С. Внешнеполитические идеологиемы Турции / В.Аватков., С.Дружиловский // Обозреватель (Observer). 2013. № 6(281). С.73-89.
5. Депутат турецкого парламента заявила о сожжении заживо 150 курдов военными Турции // RT на русском. 2016. 19 февраля. Режим доступа: <https://russian.rt.com/article/149577> (Дата обращения – 12.03.2016).
6. Шлыков П. Курдский вопрос в Турции: на пути к разрешению конфликта? // Сетевое издание центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. Режим Доступа: http://www.perspektivy.info/book/kurdsij_vopros_v_turcii_na_puti_k_razresheniju_konflikta_2013-06-26.htm (Дата обращения - 10.03.2016).
7. Çeşitli kanunlarda değişiklik yapılmasına ilişkin kanun. Режим доступа: <https://www.tbmm.gov.tr/kanunlar/k4771.html> (Дата обращения - 12.03.2016).
8. Çinar B. Neglected Ethnic Groups of Turkey // European Studies Journal. Режим доступа: http://esj.epoka.edu.al/ESJ_2_1.pdf (Дата обращения - 12.03.2016).
9. Dernekler kanunu. Режим доступа: <http://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.5253.pdf> (Дата обращения - 11.03.2016).
10. Deverell E., Karimova N. Minorities in Turkey // Occasional papers. – No.19. - Utrikespolitiska institutet. The Swedish Institute of International Affairs. Stockholm. – 2001.
11. Kamu düzeni ve güvenliği müsteşarlığının teşkilat ve görevleri hakkında kanun. Режим доступа: <http://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.5952.pdf> (Дата обращения - 11.03.2016).
12. Lausanne Peace Treaty. Режим доступа: <http://www.mfa.gov.tr/lausanne-peace-treaty.en.mfa> (Дата обращения - 12.03.2016).
13. Siyasi partiler kanunu. Режим доступа: <http://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.2820.pdf> (Дата обращения - 10.03.2016).
14. Terörle mücadele kanunu. Режим доступа: <http://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.3713.pdf> (Дата обращения - 11.03.2016).
15. Türk ceza kanunu. Режим доступа: <https://www.tbmm.gov.tr/kanunlar/k5237.html> (Дата обращения - 12.03.2016).
16. Türkçeden Başka Dillerle yapılacak Yayınlar Hakkında Kanun. Режим доступа: https://www.tbmm.gov.tr/tutanaklar/KANUNLAR_KARARLAR/kanuntbmmc066/kanundmc066/kanundmc06602932.pdf (Дата обращения - 12.03.2016).
17. Turkey: a Minority Policy of Systematic Negation // International Helsinki Federation for Human Rights (IHF). 2006. Oct. 26.
18. Türkiye cumhuriyeti anayasasi. Режим доступа: <https://www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa82.htm> (Дата обращения - 11.03.2016).

19. U.S. English Foundation Research. Turkey. Режим доступа: <http://usefoundation.org/view/871> (Дата обращения - 09.03.2016).

Об авторах:

Аватков Владимир Алексеевич – к.полит.н., старший преподаватель кафедры восточных языков Дипломатической академии МИД РФ (119992, г. Москва, Остоженка 53/2 строение 1), преподаватель военной кафедры при МГИМО(У) МИД России (119454, Москва, проспект Вернадского, 76), тюрколог. E-mail: avatkov.v@yandex.ru.

Павлова Анна Игоревна – магистр международных отношений, редактор журнала «Военный» (101000, Москва, Мосфильмовская ул., 1), тюрколог и американист. E-mail: anna.igorevna.pavlova@yandex.ru.

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION SPECIFICS IN THE REPUBLIC OF TURKEY

V.A. Avatkov, A.I. Pavlova

Oriental languages Department of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation 119992, Moscow, Ostozhenka 53/2 str.1; Military faculty department of the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 119454, Moscow, pr.Vernadskogo, 76). "Military" journal 101000, Moscow, Mosfilmovskaya ul., 1.

Abstract. *The article presents modern specifics of Turkish cross-cultural policy. Having passed through several stages, Turkish modern intercultural policy represents "one nation – one country – one language" scheme introduced by Atatürk which in fact puts national and religious minorities into a vulnerable position. Moreover Turkish government acknowledges only Jews, Greeks and Armenians as minority groups that brings up the problem of cultural minority recognition.*

Cross-cultural communication legal aspects in Turkey are also analyzed within the article. Remarkably, Turkey doesn't have any laws aimed at regulating intercultural policy; moreover even the Constitution of the Republic lacks the issue. From a legal perspective, Turkish intercultural policy is being implemented on the basis of few articles of various laws, which are vague and broad wording and may be interpreted in the interests of the state.

Kurdish issue is a major challenge of the Turkish cross-cultural policy. At the end of the XX century Kurdish struggle for national rights and autonomy dissolved into armed conflict forcing Ankara to make some concessions. However such matters as recognition of Kurds as a minority, introduction of Kurmanji/Zaza in Kurdish schools and the use of the national language in press are left pending. The dialog between the government and Kurdish delegates is complicated by Kurds aspirations for autonomy and Republic's intention to preserve its integrity.

Overall, Republic of Turkey is very considerate of both its territorial and cultural integrity resulting in "one nation – one country – one language" policy implementation concerning cross-cultural communication.

Key words: *Turkey, cross-cultural policy, Kurdish issue, minorities in Turkey, cross-cultural communication, Ottoman Empire, Justice and Development Party, millet, Kurds, Turkish language.*

References:

1. Avatkov V., Badranov A. "Myagkaya sila" Turtsii vo vnutrennei politiki Rossii [Turkish "soft power" in Russian domestic policy]. *Pravo i upravleniye* XXI. №2(27), 2013. P. 5-11. (in Russian).
2. Avatkov V. Kurdskaia problema na turetskom pole [Kurdish problem on Turkish ground]. V.A. Avatkov. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2012. № 2. P. 128-133. (in Russian).

3. Avatkov V. Stressoustoichivost' Turtsii v kontekste protivodeistviya terrorizmu [Turkish ability to perform under pressure within the context of terrorism]. *Steesoustoichivost' v sisteme protivodeistviya ugrozam bezopasnosti lichnosti, obshchestva i gosudarstva: materialy semnadtsatoi mezhdunarodnoi nauchno-practicheskoi konferencii (Moskva, 26 noyabrya 215 goda)* [The ability to perform under pressure within the frameworks of modern system of counteraction to threats against a person, a society and a state: the materials of the seventeenth scientific and practical conference (Moscow, November, 26, 2015)]. Moscow. 2015. P.13-16. (in Russian).
4. Avatkov V., Druzhilovsky S. Vneshnepoliticheskiye ideologemi Turtsii [Ideologemes in Turkish foreign policy]. Avatkov V. , Druzhilovsky S. *Obozrevatel* [Observer]. 2013. № 6(281). P.73-89. (in Russian).
5. *Deputat turetskogo parlamenta zayavila o sozhenii zazhivo 150 kurdov voyennimi v Turtsii* (The member of Turkish parliament states that in Turkey 150 Kurds were burned alive by the military). Available at: <https://russian.rt.com/article/149577> (Accessed 12.03.2016).
6. Shlikov P. Kurdskiy vopros v Turtsii: na puti k razresheniyu konflikta? [Kurdish problem in Turkey: on the path to resolving the conflict?]. *Setevoye izdaniye centra issledovaniya i analitiki Fonda istoricheskoi perspektivi* [A Web publication of center for Historic perspective Fund research and analysis]. Available at: http://www.perspektivy.info/book/kurdskiy_vopros_v_turcii_na_puti_k_razresheniyu_konflikta_2013-06-26.htm (Accessed 10.03.2016). (in Russian).
7. Çeşitli kanunlarda değişiklik yapılmasına ilişkin kanun. Available at: <https://www.tbmm.gov.tr/kanunlar/k4771.html> (Accessed 12.03.2016).
8. Çinar B. Neglected Ethnic Groups of Turkey. *European Studies Journal*. Available at: http://esj.epoka.edu.al/ESJ_2_1.pdf (Accessed 12.03.2016).
9. Dernekler kanunu. Available at: <http://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.5253.pdf> (Accessed 11.03.2016).
10. Deverell E., Karimova N. Minorities in Turkey. *Occasional papers*. No.19. Utrikespolitiska institutet. The Swedish Institute of International Affairs. Stockholm. 2001.
11. Kamu düzeni ve güvenliği müsteşarlığının teşkilat ve görevleri hakkında kanun. Available at: <http://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.5952.pdf> (Accessed 11.03.2016).
12. Lausanne Peace Treaty. Available at: <http://www.mfa.gov.tr/lausanne-peace-treaty.en.mfa> (Accessed 12.03.2016).
13. Siyasi partiler kanunu. Available at: <http://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.2820.pdf> (Accessed 10.03.2016).
14. Terörle mücadele kanunu. Available at: <http://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.3713.pdf> (Accessed 11.03.2016).
15. Türk ceza kanunu. Available at: <https://www.tbmm.gov.tr/kanunlar/k5237.html> (Accessed 12.03.2016).
16. Türkçeden Başka Dillerle yapılacak Yayınlar Hakkında Kanun. Available at: https://www.tbmm.gov.tr/tutanaklar/KANUNLAR_KARARLAR/kanuntbmmc066/kanundmc066/kanundmc06602932.pdf (Accessed 12.03.2016).
17. *Turkey: a Minority Policy of Systematic Negation*. International Helsinki Federation for Human Rights (IHF). 2006. Oct. 26 p.
18. Türkiye cumhuriyeti anayasasi. Available at: <https://www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa82.htm> (Accessed 11.03.2016).
19. U.S. English Foundation Research. Turkey. Available at: <http://usefoundation.org/view/871> (Accessed 09.03.2016).

About the Authors:

Vladimir Alekseevich Avatkov – a Ph.D (Politology), a Senior Lecturer of the Oriental languages department of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (119992, Moscow, Ostozhenka 53/2 str.1) and the Lecturer of the Military faculty department of the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (119454, Moscow, pr.Vernadskogo, 76), turkologist.
E-mail: avatkov.v@yandex.ru.

Anna Igorevna Pavlova – has a Master Degree in International Relations, is an editor of "Military" Journal (101000, Moscow, Mosfilmovskaya ul., 1), turkologist and americanist, anna.igorevna.
E-mail: pavlova@yandex.ru.



ГРАНИЦЫ КУЛЬТУРНЫХ МНОЖЕСТВ: КОНСТРУИРОВАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

И.В. Гибелев

ООО НПО «ИнтелКом». 308504, Белгород, мкр. Таврово-2, пер. Дачный, 11.



В статье изучается вопрос трансформации границ культурных множеств в современном мире. Политические границы рассматриваются как один из видов границ культурных множеств, которые были открыты европейским проектом универсальной культуры. Определяющую роль в конструировании универсализма и открытии множественности сыграла трансцендентальная мысль. С ослаблением трансцендентного измерения в изучении трансграничных взаимодействий значительное внимание получил концепт пространства. Пространственные схемы восприятия окружающей действительности доминировали в западном мышлении на протяжении двух с половиной тысяч лет. Г.В.Ф. Гегель подвёл черту в характеристике новоевропейского разума: «время есть истина пространства».

По мнению Гегеля, в начале XIX в. мировой дух достиг полной самотождественности, поэтому течение времени потеряло всякий смысл, наступил конец истории. Конечно, это не означает, что исторический процесс как последовательность событий полностью прекращён. «Конец истории» у него выражает конкретную воплощённость идеалов Просвещения в социальных и культурных практиках. Но конец истории, в основе которой лежало темпоральное самоопределение разума, открыл новый горизонт историчности человека – существование в сети пространственных (культурных) множеств.

Культурные множества существуют как взаимопересекающиеся, а их внешняя граница в глобальном мире оказывается замкнутым пределом. В 90-е гг. XX в. получает развитие концепция «borderless world» («мир без границ»), утверждающая закономерность исчезновения границ и призывающая способствовать этому. Сегодня мы наблюдаем процесс одновременного разрушения и укрепления границ. В статье утверждается, что причина недостаточного знания онтологического смысла границы в гуманитарных исследованиях и практиках коренится в чрезмерном внимании к конструирующим способностям разума. Осмысление феномена границы предполагает постановку вопроса о возможных формах присутствия трансцендентного в современном нетрансцендентном мире.

Ключевые слова: политические границы, культурные множества, пространство, border studies, горизонт, трансцендентность, экология границы.

Специфика проблематизации границ в современном мире

Проблема границ получила в современных международных отношениях чрезвычайную актуальность [6]. Границы стали тем местом, где в зрелищном и трагическом представлении разыгрываются сцены столкновения национальных государств, культур, конфессий, наднациональных организаций, неравенства, но также сотрудничества и поиска согласия. Это разнообразные границы, кристаллизующиеся из широкого набора исторических и современных факторов. Такая обобщающая констатация, кроме того, что выделяет проблему связи и различия истории и современности, требует её рассмотрения в пространственном аспекте.

Мир культуры, в котором время более не играет определяющей роли, а пространство, напротив, заполонило горизонт жизненного мира, предстал в виде тотально опространствовленного. Пространство больше не является внешним, независимым данным от понимания и деятельности человека, каковым оно было в античности, средневековье и ещё в Новое время до декартовой алгебраизации геометрии и кантовой имманентизации пространства¹. Человеческая жизнедеятельность понимается как принципиально самоопределяющаяся. В свою очередь, естественная склонность научного мышления к универсализации картин мира привела к представлению о пространстве (и времени) как гомогенном и однообразном.

Гомогенность пространства стала открытием западноевропейской мысли, которое превратило либеральную рыночную экономику в один из определяющих

факторов новой и новейшей истории, расширив экономическое воспроизводство до пределов всей планеты и интенсивности интимной жизни человека. В литературе неоднократно подвергалась анализу связь измеримости и исчислимости пространства и времени с капиталистическим экономическим ростом². На этой связи построена вся система доверия к математическому моделированию и количественным методам в экономике. Попытка представить пространство как гомогенное, структурированное и уплотнённое до глобальности обнаружила парадоксы не только в экономике мирового и национального хозяйства, но во всем многообразии культуры. Если пространство только однородное, и именно таковое лежит в основе человеческой деятельности, то объяснение различий в хозяйственных укладах, их исторической изменчивости, культур, национальностей и языков сводится к унылой оппозиции традиций и прогресса.

Пространственное разнообразие, в котором история и современность нашли особое совпадение, в своей внешней границе оказывается конечным, замкнутым, то есть глобальным [3, с. 210]. Вовне ему ничего не противостоит, оно поэтому не включено в систему различий и не имеет возможности к самоотражению. Конструирование некоего общего понимания глобальности с помощью классических рациональных схем, а также постмодернизма, потеряло всякую функциональность (деконструкция постмодернистов выступила необходимой критикой на пути возвращения к теме пространства внутри темпоральной логики трансцендентальной мысли Гуссерля и Хайдеггера).

¹ Л.С. Черняк пишет об этом так: «Фундаментальной составляющей в структуре декартова пространства является, следовательно, объективация (в самой же структуре пространства) усилий, полагающих само пространство. В отношении этих усилий декартово пространство, безусловно, оказывается некоторым особым «интенциональным объектом» // Черняк Л.С. Вечность и время: возвращение забытой темы. – М.; СПб.: Нестор-История, 2014. – с.45.

² Тюнен И.Г. Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике. Пер. с нем. / Е.А. Торнеус. Под ред. проф. Рыбникова А.А. М.: Экономическая жизнь, 1926. 326 с.; Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке / Под ред. А.Г. Гранберга, В.И. Данилова-Данильяна, М.М. Циканова, Е.С. Шопхоева. М.: ЗАО «Издательство «Экономика». 2002. 414 с.; Макконнел К. Р., Брю С. Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. Пер с англ. / К. Р. Макконнел, С. Л. Брю. – К.: Хагар-Демос, 1993. 785 с.; Краснопольский Б.Х. Пространственные науки и их роль в изучении экономики пространственных образований // Пространственная экономика. 2010. №1. с. 147-156.

ра). Можно предположить, что одновременная закрытость и открытость границ, их появление и уничтожение (со всей наглядностью это показал «миграционный кризис») обнажили явную растерянность науки и власти перед задачей понять, как трансцендентное может присутствовать в радикально не-трансцендентном (пространственном) мире.

Поэтому закономерно, что вопрос о соотношении культурных множеств и универсальности европейской культуры инвертировался в один из доминирующих вопросов международной политики и способствовал возрождению государственно-национального капитализма. Формальная схема культурного универсализма и культурных множеств проста, она определяется понятием амбивалентности. Однако феноменологическое наполнение такой схемы чрезвычайно проблематично, поэтому и форма в ясности и чёткости своих границ перестаёт быть строгой. О.К. Румянцев именно так формулирует проблему границы универсализма и множеств. Открытие культурного разнообразия является заслугой европейского универсализма, ибо только в универсальном взгляде множественность опознаётся как таковая. После того, как Европа открыла множественность, она также оказалась одним из множеств. Но и потерять универсализм она не может, ибо тогда исчезает исходное условие в конституировании множеств [5, с.303-312].

Дискурс о границе в постметафизике.

Дискурс о границе становится одним из авторитетных и продуктивных подходов к пониманию человека и мира, современной культуры³. Для этого есть серьёзные основания и коренятся они

не только в специфике современности, но, главным образом, в характере онтологического устройства европейского культурного мира. В современной науке концепт границы находит широкое применение. Граница рассматривается как многообразие эффектов переходности между живым и неживым, человеком и неантропоморфными сущими (животными, техническими устройствами), экономикой и политикой. Различные аспекты границ в экономико-географическом, социокультурном, этническом, миграционном разрезе изучает такая область исследований как «border studies»⁴.

Рефлексия над преобладанием аспекта переходности в существовании множественных границ привела к двум позициям. В практической постметафизике (дискурс-анализ, медиафилософия, политические и гендерные исследования и т.п.) предполагается, что позитивной методологии достаточно для понимания текущих изменений в культуре и существовании человека. Другая позиция выражена трансцендентальной установкой философии, которая, во-первых, утверждает онтологическую фундированность культуры, а во-вторых, вменяет мысли ответственность (например, созерцание у Канта, интенция у Гуссерля, открытость у Хайдеггера) за полагание горизонта, открывающего бытие.

И для постметафизики, и для трансцендентальной философии дело осложняется задачей собрать воедино культурные множества. Обращение к онтологии как основанию междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований, а также многообразных гуманитарных практик сегодня свойственно не только метафизическим исследованиям, но и постметафизическому поиску фило-

³ Ближайшим образом понятийную и концептуальную значимость «граница» находит в трудах Г. Гегеля, М. Шелера, Х. Плеснера, М. Хайдеггера, Ж. Деррида, М. Фуко и Дж. Агамбена, в отечественной мысли – в сочинениях и работах А.Ф. Лосева, М.М. Бахтина, С.Н. Булгакова, М.Б. Туrowsкого, Л.С. Черняка, О.К. Румянцева, А.Ю. Шеманова, В.В. Бибихина.

⁴ Borderlines and borderlands: political oddities at the edge of the nation-state / edited by Alexander C. Diener and Joshua Hagen. 2010. 281 p.; Albert, Mathias. Identities, borders, orders: rethinking international relations theory / Mathias Albert, David Jacobson, Yosef Lapid. Published by the University of Minnesota Press. 2001. 350 p.; Колосов В. Теоретическая лимология: новые подходы // Международные процессы. 2003. №3. URL: <http://www.intertrends.ru/three/004.htm>. (проверено 29.12.2016 г.).

софского языка. Горизонт этого поиска можно назвать современным этапом постметафизики, имея в виду разрыв не только с постметафизикой Хайдеггера, герменевтикой Гадамера и проектом модерна Хабермаса, но и постструктуралистской парадигмой. Необходимость теоретического обобщения знаний о культурных множествах и возникает как в силу внушительного объёма данных о множествах, так и в результате методологического коллапса междисциплинарных исследований. Другой (другая культура, другой человек, другая религия) не может быть опознан и принят, если его открытию не предшествует взаимной открытости человека и Иного (пределной внемысленности предмета мысли)⁵. В философском знании последних десятилетий возобновляется идея трансценденции как фундаментального основания (наряду с имманентностью мышления) онтологии культуры и культурного разнообразия.

И в то же время трансцендентность парадоксальным образом выступает одним из элементов культурного множества. Такая ситуация составляет внутреннее противоречие современной европейской культуры. Универсальные ценности эпохи Просвещения и европейского проекта культуры в целом сегодня не имеют такого достаточного основания, которое могло бы стать фундаментом культурного и цивилизационного преобразования человеческого мира. Кризис универсализма привёл к рассеиванию границ между различными областями человеческой деятельности. Их взаимная дисперсия в масштабах глобальности резко выделила проблему понимания природы политики и международных политических границ.

Border studies стали попыткой выйти из противоречия универсализма и множественности. Их исследовательская продуктивность связана с тем, что «граница» как аналитический инструмент имеет широкую область приложения к

любым соотносимым множествам, поскольку обладает автономной онтологией относительно соединяемых и различаемых предметов. Онтологическая устойчивость границ заключается в их определяющих функциях (современ Аристотеля здесь ничего не изменилось) – соединяющей и различающей, момента переходности, границы в значении предела и структурных характеристик граничности (непрерывность, касание, следование), которые Аристотель приводит в «Метафизике» [2].

В то же время в border studies необходимого внимания онтологическому статусу границы не уделяется вовсе. Border studies описывают бесконечное многообразие практик и интеракций, связанных с теми или иными границами. В этой связи можно назвать политические и демографические кейсы, кейсы международных отношений, религий, этносов, миграции и т.д. Подробные описания, конечно, дают богатый эмпирический материал и способствуют улучшению трансграничных интеракций. Более того, исповедуемый border studies методологический номинализм снижает идеологическую нагруженность международной политики. Однако дескриптивность, используемая как противоядие догматизму теорий, в такой ненаучной наивности предстаёт как противопоставление субъекта и объекта знания, превращаясь в научную догму.

Фатальность эмпирических исследований, выдвинутых в качестве доминирующего исследовательского подхода, несложно продемонстрировать на примере разрушения концепции «borderless world» и возвращения к жёстким, закрытым границам. Эта концепция возникает в 80-90-х гг. XX в., она связана с развитием коммуникаций, глобальной экономикой и геополитическими изменениями. Можно выделить два аспекта, определивших логику «мира без границ»:

– во-первых, главный мировоззренческий посыл снятия границ состоял в

⁵ Принцип онтологической приоритетности Иного лежит в основе философских и философско-культурологических исследований М.Б. Туrowsкого, Л.С. Черняка, О.К. Румянцевца, А.Ю. Шеманова.

утверждении общечеловеческой солидарности за пределами этнических, религиозных, экономических, гендерных и иных идентификаций. Открытие границ воспринималось как существенное условие конституирования солидарности – до тех пор, пока существуют границы, существует отчуждение, этно-религиозные конфликты, половая и расовая сегрегация;

– во-вторых, к размыванию границ привели процессы глобализации и идея «конца национальных государств». Спор о статусе и природе границ возобновил борьбу между левыми и правыми политическими движениями в Европе, особенно в связи с процессами миграции. В то же время, можно наблюдать совпадение правой и левой политических программ и риторики политиков относительно вопросов рабочих мест и экономического неравенства.

Ужесточение границ стало ответом на оптимистическую веру в мир без границ. Там, где нет онтологической контекстуализации политических границ, их междисциплинарное толкование превращается в запоздалый и вынужденный ответ, который не только не способен предсказать разворот событий, но нередко усугубляет сложность трансграничных процессов. Следует отметить, что архаичное противопоставление субъекта и объекта составляет гносеологическую основу радикального конструктивизма. Политика в нём рассматривается как процесс конструирования политической реальности. Может показаться, что конструирование действительно является окончательным ответом на вопрос о природе политического и о природе мира культуры вообще – у них, якобы, нет сущностной природы, независимой от конструирующего разума. Только человеческая мысль во всей своей полноте ответственности полагает природу реального. Внемысленному здесь нет места.

Включение трансцендентальной философии в постметафизический дискурс о культурных множествах

Происходящие в политике трансформации являются частью кризиса европейской культуры. В тоже время междуна-

родные отношения стали своеобразным средоточием культурного многообразия, поскольку кризис универсализма актуализировал проблемную связь существования и политеи – какое политическое устройство наилучшим образом вписывает человека в космический миропорядок и общительную связь людей? В европейской культуре природа политического укоренена в онтологическом измерении человеческой субъективности.

Характер онтологии в современной мысли трансформировался в постметафизическое изучение «существования без сущности», обращённое к фундаментальным основаниям человеческого бытия как самому насущному и безотлагательному политическому вопросу. По словам Дж. Агамбена, «онтология или первая философия – это не безобидная академическая дисциплина, а во всех смыслах основополагающая операция, при которой происходит антропогенез, очеловечивание живого существа». И в связи с этим «решающий политический конфликт в нашей культуре, который преобладает над всеми остальными, есть конфликт между животностью и вечностью» [1, с.95-96].

Разумеется, международные политические отношения представляют собой самодостаточную региональную онтологию, которая объективно выражает специфичный характер своих задач, отражая в них фундаментальную проблематику положения человека в мире и бытии. А.В. Торкунов ставит совершенно точный диагноз современным международным отношениям: «Наши представления о структуре современного мира, будь то биполярная или многополярная, не говоря уже об однополюсном сценарии – кажутся недостаточными для объяснения и систематизации тех процессов, которые разворачиваются на наших глазах» [7]. Точность данного диагноза основана на ясном понимании исчерпанности продуктивных концепций мировых отношений в рамках собственно международных отношений, импульс рациональной концептуализации которых ослабел по мере слома проекта новоевропейского

разума. Поэтому поиск действенных решений должен проводиться в области осмысления фундаментальных оснований культуры.

Как ни покажется странным, продуктивную попытку ответить на вопрос, чем сегодня является политея (существует ли она вне истории, или она – только и предельно историчный феномен), соответственно, находится ли национальное государство и государственность вообще, на пути к полному упадку, какова композиция политической власти, суверенитета и гражданских прав, по всей видимости, следует искать не на пути анализа собственно политической природы. Ибо ответ кроется в понимании границ политического и преломления культурных трансформаций в политических границах. Или, говоря прямо, научные изыскания в области дискурса о границе и есть способ исследования природы политического, отвечающий духу времени. В выражении «дискурс о границе» понятие границы используется как исследуемое различными дисциплинами и подходами⁶, в рамках которых прийти к общему пониманию границы не представляется возможным.

В таком случае понятийное определение термина граница является недостижимым, более продуктивно использовать его как концепт (концепт связан с контекстом, временными и пространственными изменениями, то есть с культурными множествами). Концепт границы выражает философское и культурфилософское содержание онтологического, феноменологического и культурологического анализа культурных множеств, в методологическом отношении он отмечает различённость и преемственность метафизики и постметафизики.

Экспликация конфликтности границы универсализма и культурных множеств.

Драматизм гомогенного понимания пространства выразился в не-

возможности решить теоретико-пространственные проблемы пространственными же методами. Эта проблема характеризовала ситуацию начала XX в., она свойственна и современной ситуации. Так, академик Г.Г. Фетисов справедливо указывает, что «в условиях глобализационных процессов пространственное развитие стран все более определяется внешними, а не внутренними факторами» [4, с. 5]. Но отсюда следует принципиальный вывод: чем в большей мере пространственное развитие стран связано внешними факторами, тем в большей мере эти факторы перестают быть внешними, превращаясь во внутренние факторы глобализации.

Современный мир поставлен перед критическим вопросом (это вопрос его самоопределения и выживания) полагания границ, очерчивающих глобальность. Собственно, свои предельные границы уже обнаружены, и раздвинуть их дальше попросту невозможно, поскольку нет того свободного от проектирования технологий и капитала пространства, которое можно было бы ими заполнить. Мировая экономическая система стала замкнутой, поэтому углубление разделения труда и рост воспроизводства в ней остановились. Пространственный лимит рынков сбыта явился одной из причин современного экономического кризиса, а превращение системы разделения труда в общепланетарную означает не менее чем конец капитализма и исторического прогресса, с ним связанного. Конец истории и крах капиталистической (как и социалистической) экономики – суть два именованного одного процесса.

Исполненность исторического смысла Просвещения и традиций привела к коллапсу универсализма в общепланетарном масштабе. Судя по всему, нет никаких оснований возлагать на современность всю вину за разрушение высоких идеалов европейской культуры. Глобально обесмысленный мир – дитя новей-

⁶ Здесь можно отметить и концептуализацию границы в географических исследованиях, в литературоведении Бахтина и семиотике Лотмана, в психоанализе, в кросс-культурных исследованиях, в политических, экономических, культурных, религиозных и др. подходах «Border Studies».

ропейского разума. Всё, что ему доступно – это операциональные различия внутри замкнутого пространства, никакому субстанциональному универсализирующему пониманию мира и человека здесь места нет. Конечно, можно указать на политэкономические декларации об общечеловеческих ценностях демократии или традиционных устоях общества, но их смысл больше не презентует ничего иного, кроме риторических фигур и имитации. Поэтому неправомерно говорить о границе и границах в одном генерализованном контексте.

Тотально опространствованная культура открыта к пространственным переходам. Любой аспект феномена границы (политический, культурный, экономический, социальный, географический и др.) может выступать в качестве интегральной переменной для других граничных аспектов. Синтезированные на основе этой «игры» образы границы включаются в качестве элемента в любые другие конфигурации с другими интегральными переменными. Перемещение граничных синтезов и различий в пределах замкнутого пространства, в то же время, представляет собой вектор самопонимания европейской культуры, поэтому границы множеств, действительно, есть границы культурных множеств.

Хотя вопрос о едином поле культуры остается актуальным в качестве горизонта рефлексивного полагания возможности единства, позитивное понимание культуры как целого крайне затруднено. В отсутствие инструментов для положительных определений и интуитивной очевидности единства культуры её образ предстает как гибридное единство. Гибридность пространственной замкнутости культурных множеств состоит в том, что традиционные, модернистские и постмодернистские измерения культуры в современности равно допущены к существованию как пространственные аспекты глобального мира. Они взаимно пересечены и создают новое качество мира. В свою очередь, связь и различие культурных множеств находит предельно драматичное воплощение в поли-

тической реальности международных отношений. Это события, которые нас окружают – миграция, войны, технологические и политические революции, растущее экономическое неравенство.

Набор событий не является только частным отклонением от принципов международного права. Разрушение прежних и появление новых границ в результате конфликтов множеств служит симптомом более глубокого повреждения – асимметричного применения принципов международного права, основывающихся в новоевропейском и, шире, европейском типе культуры. Вполне объяснима в этой связи регулярная апелляция к принципам международного права и недопустимости их пересмотра как условию сохранения политической стабильности национальных государств. При этом международные отношения составляют значимую часть обеспечения политической стабильности в мире, которая зависит также от ряда других факторов – культуры, технологии, социальных процессов, экономики. Поэтому исследование проблемы политических границ и границ политического следует рассматривать не только в широком социокультурном контексте человеческой деятельности, но в самом бытийном основании феномена культуры на пост-исторической почве.

Мы стоим перед задачей понять мир как тотальность, в которой присутствие (присутствие сущего как знака присутствующей сущности) отсутствует, оно больше не является ожиданием смысла, его возвращения и даже конструирования. Расширение границ суверенитета до пределов всего мира оборачивается проблемой правовых границ суверенности и её легитимации. Правовое основание суверенности проистекает из принципов национального государства. По ходу стирания границы международной и национальной политики происходит девальвация национального государства и всемирное распространение хозяйствования, основанного на технике и технологии. Открытие внутренней пустотности суверенитета (присутствующее

отсутствие) способствовало демонтажу национальных суверенитетов.

По словам Нанси, «не существует (всё ещё) наднационального или донационального права. Нет готовой «демократии» (имеется в виду, нет фундамента права) над нациями или над народами. Имеется как раз то право, которое считают обрамляющим государства-нации и оно едва ли основано на универсальности и уж точно лишено самостоятельности. Это так называемое «международное» право, чьё «между» и представляет проблему, поскольку воспринимается как пространство лишённое права, не заполненное обобществлением какого-либо рода (без чего оно не является правом), но самым настоящим образом структурированное и технико-экономическими сетями, и надзором суверенных государств» [3, с. 163].

Впрочем, государство как политический суверен и хозяйствующий субъект уже озаботилось восстановлением национального фундамента в виде национальной идеи, политического и бытового национализма, исторического прошлого. Контрапунктом к мобилизации идеалов Просвещения сегодня выступает такое гибридное образование как ИГИЛ (организация запрещена в России). Эта организация как раз и пытается занять пустующее место «между»народного права поверх национальных различий. Космополитизм в нём является определяющим, он вызван к жизни слабостью «между»народного пространства, основанного на суверенитете национальных государств и рациональной коммуникации.

Кризис онтологического смысла границы высветил зияющую пустоту смысла, в которой космополитизм, идея правового суверенитета (запрещённая в России организация ИГИЛ позиционирует себя как государство) и варварство составили характерный симбиоз. Именно он выставил на обозрение сугубо европейское понимание проблемы бытийного основания культуры и человека как отсутствие онтологических оснований, на которых жизнь может быть рационально

объяснена и обустроена («безосновность основания», согласно Хайдеггеру).

Продуктивность онтологии множеств проистекает из намерения избежать ловушки тотализирующего истока и атомизирующей множественности разнголосых культур. Но встречающееся тут затруднение заключается в отсутствии такого рефлексивного или нерефлексивного инструмента, который позволит понять единичную множественность как изначально горизонтально соединённую сетевым образом без того, чтобы такая изначальность воспринималась как онтолого-метафизический исток. Нанси, по аналогии с Гегелем, называет её «мировой единичностью», что представляет собой усилие помыслить радикально иначе, радикальную инаковость.

Различающая и синтезирующая ипостась границы, эксплицируя близость и различие Востока и Запада, северной и южной экономики хозяйства ставит нас перед фактом продолжающегося продуцирования синтезов и различий, которые никак не найдут точки, прекратившей бы это дурное умножение. За встречей, диалогом, событием культур постметафизика (в лице Хайдеггера) и постмодернизм (в лице Бодрийера) обнаружили ужас Ничто, вскармливающее безумие человеческой конституции. Нанси предлагает понять бодрийеровскую импловивность (втягивание мира в техно-виртуальность) как опространствование суверенности. Следовательно, опространствованный мир ставит нас перед вопросом мировой цели. Это мир, который в *каждой* своей сингулярности выставляет *каждую* точку пересечения множеств вовне себя, проецируя радикальную пространственность как квазисмысловое поле.

Но сегодня вопрос о мировой цели отбрасывается на ситуативность как задачу изобретения философского языка (другие будут недостаточны для мирового пространства и мировой цели), где граница захватывает вновь и иначе. Это иначе исключительно тенденциозно, оно требует охватить одним взглядом трансцендентный и нетрансцендентный гори-

зонты мира как один горизонт трансцендентной инаковости и фантазмов иного, возникающих в пересечениях множеств и удручающих своей пространственной тотальностью. Сам этот горизонт открыт только как пространственная развёртка. Границы культурных множеств не могут быть ни полностью конструируемы, ни предположены в их самодостаточной внемысленности. Эти две рефлексивные процедуры должны найти свою новую продуктивную и экологичную конфигурацию.

Границы самым скорым образом актуализируются как политические границы государств, но именно такая актуализация препятствует экспликации положительного содержания границ, поскольку размытость границ политического не схватывает сущностное в феноменологии границы. Пространственная фиксация границы почти всегда факультативна, поскольку у неё преимущественно непространственная внутренняя логика. Она сама задает пространство, а значит, границы повсюду и нигде. Их повсюду и нигде задано внутренней логикой границы – одновременностью её значений различия-синтеза и границы как предела. Политическая, экономическая и социальная задача, которая должна получить безотлагательное исследование, состоит в понимании онтологии границы.

Это задача, возникшая не из умственных хитросплетений, но как раз наоборот – опознанная мышлением собственная ограниченность, радикальная конечность существования ставит вопрос обращённости к человеку самой реальности. Восстановление голоса реального началось относительно недавно – в результате кризиса модели разума, который возомнил себя способным охватить в своем тотализирующем представлении то, что предположено ему как его иное. Мы не опасаемся господствующей победы тотального конструирования – оно будет погребено под собственными обломками. Нас беспокоит, что это крушение захватит то положительное, что выработано европейской культурой – теоретическое знание, демократические институты, индивидуальное искусство. Намерение сохранить живыми научные, политические и культурные достояния европейской истории требуют экологизации политических границ и экологического дискурса о границах культурных множеств.

Колючая проволока на государственных границах внутри шенгенской зоны – это линии рушащегося проекта модерна на внешних границах западного мира. Его распад ускоряется капиталом, кочующим по странам в поисках концентрированных мест дешёвой рабочей силы.

Список литературы:

1. Агамбен Дж. Открытое. М.: РГГУ, 2012. 112 с.
2. Аристотель. Метафизика. М.: Эксмо, 2006. С. 64-67.
3. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. Мн.: Логвинов, 2004. 272 с.
4. Проблемы пространственного развития: методология и практика исследования. Под редакцией чл.-корр. РАН Г.Г. Фетисова / СОПС, М., 2012. 252 с.
5. Румянцев О.К. Воспроизведение и конструирование в европейской мысли // Метаморфозы разума в европейской культуре: к философским истокам современных проблем образования. М.: Прогресс-Традиция. 2010. С. 289-400.
6. Силантьева М.В. Новые принципы «философии границы» в глобальном мире – десувверенизация или «постсуверенизация» // Полис. Политические исследования. 2014. №3. С. 8-26.
7. Торкунов А.В. Карт-бланш. Ректор МГИМО Анатолий Торкунов о новом миропорядке. Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/world/2014-10-24/3_kartblansh.html. (проверено 29.12.2016 г.).

Об авторе:

Гибелев Игорь Владимирович – к.филос.н., директор ООО НПО «ИнтелКом». 308504, Белгород, мкр. Таврово-2, пер. Дачный, 11. E-mail: gibelev@yandex.ru.

THE BORDERS OF CULTURAL PLURALITIES: CONSTRUCTION AND POLITICAL REALITY

I.V. Gibelev

ООО НПО «ИнтелКом». 308504, Belgorod, distr. Tavrovo-2, Dachny alley11.

Abstract. *The article explores the issue of cultural pluralities' borders transformation in the contemporary world. Political borders are considered a type of cultural sets' boundaries that were opened up by the European project of universal culture. Transcendental ideas played a pivotal role in constructing universalism. Through the decay of transcendent dimension in cross-border interaction studies, the concept of space attracted considerable attention. The spatial schemes of environmental perception dominated in Western thought for two and a half thousand years. G.W.F. Hegel summed up the characteristics of modern European mind: "The truth of space is time". Spatial logic expresses the essence of time.*

According to Hegel, at the beginning of the 19th century the World Spirit came to its total self-identity, thus time flow lost all sense, the end of history happened. Of course, it does not mean that the element of time became extinct and

historical process as a succession of events came to an end. The "end of history" thesis reflects certain embodiment of Enlightenment ideals in social and cultural practices. However, the end of history based on temporal self-identification consciousness, opened up a new horizon of human history – its existence in a net of spatial (cultural) pluralities. Cultural sets exist as mutually intersecting, and its external border in a global world turns out to be a closed limit.

In 1990s the conception of the "borderless world" was developed proclaiming that boundaries' disappearance was natural and calling to destroy the borders. Nowadays, we are witnessing boundaries' simultaneous destruction and strengthening process.

The paper asserts that scanty knowledge of ontological sense of a boundary in humanitarian studies and practices is caused by an excessive attention to constructing abilities of human mind. Boundary phenomenon comprehension presupposes raising the question of possible forms of transcendence presence in contemporary non-transcendent world.

Key words: *political borders, cultural pluralities, space, border studies, horizon, transcendence, ecology of border.*

References:

1. Agamben J. Otkrytoe [Opened]. Moscow: RGGU, 2012. 112 p. (in Russian).
2. Aristotle. Metafizika [Metaphysic]. Moscow: Eksmo, 2006. p. 64-67. (in Russian).
3. Nanci J.-L. Bytie edinichnoe mnozhestvennoe [Being singular plural]. Minsk: Logvinov, 2004. 272p.
4. Problemy prostranstvennogo razvitiya: metodologiya i practica issledovaniya [The problems of spatial developing: methodology and researching practice]. Moscow: SOPS, 2012. 252p. (in Russian).
5. Rumyantsev O.K. Vosproizvedenie i konstruirovaniye v evropejskoj mysli. Metamorfozy razuma v evropejskoj culture: k filosofskim istokam sovremennykh problem obrazovaniya. [Reproducing and constructing in European thought. Metamorphosis of mind European culture: towards philosophical roots of contemporary problems of education]. Moscow: Progress-Tradiciya. 2010. p.289-400. (in Russian).
6. Silantjeva M.V. Novye principy «filosofii granicy» v globalnom mire - desuverenizacija ili «postsuverenizacija». [The new principles of "philosophy of border" in a global world – desuverenization or postsuverenization]. Polis. Politicheskie issledovaniya. 2014. №3. p.8-26. (in Russian).

7. Torkunov A.V. Kart-blansh. Rector MGIMO Anatolij Torkunov o novom miroporyadke. [Carte blanche. President of MGIMO Anatolij Torkunov about new world order]. Nezavisimaja gazeta. 24.10.2014. (in Russian).

About the Author:

Igor V. Gibelev – PhD (Philosophy), Director of NPO «Intelkom». 308504, Belgorod, md. Tavrovo-2, trans. Dachny alley, 11. E-mail: gibelev@yandex.ru.



«КАК СЕРДЦУ ВЫСКАЗАТЬ СЕБЯ? ДРУГОМУ КАК ПОНЯТЬ ТЕБЯ?»

Н.Д. Афанасьева

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.



В статье автор определяет главную задачу преподавания русского языка как иностранного. Она состоит не только в обучении студента грамматике и лексике, но и в освоении фоновых знаний для понимания представителей русской культуры. Рассматривая национально-ориентированное обучение групп иностранных учащихся русскому языку и специфику обучения иностранцев в интернациональных группах, автор отмечает, что для преподавателя очень важной частью работы является отбор учебного материала, выбор оптимального способа его подачи и эффективного пути работы над сложными явлениями русской грамматики, предвидение типичных ошибок в речи студентов. Преподаватели проводят анализ приёмов обучения в группах европейских и азиатских студентов, учитывают их национальные особенности, рассказывают об эффективных приемах обучения иностранных студентов фонетике, грамматике, чтению, аудированию.

Характеризуя учащихся из стран Азиатско-Тихоокеанского региона, из арабских стран, из стран Европы и Америки, автор отмечает, какой стиль преподавания наиболее приемлем для учащихся каждой группы, как они воспринимают разные виды заданий на занятиях. В этой связи рекомендуется учитывать особенности родного языка учащихся. На практике это даёт возможность выработать правильный подход к определению оптимального режима в учебной группе, а также позволяет полнее раскрыть способности каждого учащегося. В статье автор обращает внимание на то, что проведение внеаудиторных мероприятий с посещением студентами разных стран продолжает развивать и образовывать учащихся.

Русский язык в интернациональных группах является языком общения, что заставляет студентов серьёзнее относиться к его изучению, стараться применять получаемые знания на практике. Работая каждый день с представителями разных культур, студенты в таких группах расширяют свой кругозор, проявляют живой интерес к обычаям, традициям других стран, сопоставляют их со своими. Это делает студентов толерантными к чужой культуре, облегчает их вхождение в культурную среду нашей страны. Привыкнув общаться с представителями разных культур, студенты с интересом относятся к культуре страны изучаемого языка и к культуре других стран.

Ключевые слова: Национально ориентированное обучение, интернациональные группы, типичные ошибки студентов, стиль преподавания.

Мы не случайно в названии статьи использовали известные всемирно Ф.И. Тютчева. Ведь нередко нам кажется, что, зная иностранный язык, мы прекрасно понимаем своего собеседника. Но всегда ли это так? Особенно часто с проблемой адекватного понимания сталкиваются преподаватели русского языка как иностранного (РКИ). И мы хотим поделиться с читателями некоторыми многолетними наблюдениями.

От чего зависит адекватное понимание? Только ли от уровня владения языком (от знания грамматики, лексического запаса)? Конечно, нет. Во многом оно обусловлено знанием культурного кода народа. Поэтому главная задача, которая стоит перед преподавателем РКИ, – это не только научить студента правильно использовать грамматические конструкции и лексический материал, но и уметь понимать представителей русской культуры, освоить фоновые знания, которыми владеют русские люди. Эта трудная и сложная работа начинается уже с формирования группы. И обучение русскому языку как иностранному начинается с формирования групп. И сразу встаёт вопрос: какой должна быть группа, мононациональной или многонациональной?

Кажется, что при национально ориентированном обучении (то есть в группе, где учатся студенты одной национальности) легче и быстрее можно достичь хороших результатов в усвоении русского языка и вхождении в русскую культурную среду. Но практика показывает обратное: лучших результатов достигают студенты, обучающиеся в интернациональных группах. Конечно, в такой студенческой группе возрастает роль преподавателя, призванного не только объединить всех учащихся и создать доброжелательную рабочую атмосферу на занятиях, чтобы учащиеся могли максимально проявить свои возможности, но и учитывать национальные особенности учащихся. Это проявляется в отборе учебного материала, выборе оптимального способа его подачи и эффективного пути работы над сложными явлениями русской грамма-

тики, а также в предвидении типичных ошибок и трудностей, с которыми может столкнуться каждый из студентов.

Опыт работы преподавателей РКИ с учащимися из стран Азиатско-Тихоокеанского региона убеждает нас в том, что эти студенты дисциплинированы, трудолюбивы, они хотят добиться результата, получить новые знания. Внешне эти учащиеся кажутся бесстрастными, неземными, медлительными. Такой стиль их поведения можно объяснить их воспитанием, восходящим к конфуцианской традиции, традициям даосизма, буддизма: особое почтение к старшим по возрасту (даже своим одноклассникам), огромное трудолюбие. Отсюда – серьёзное отношение к учёбе и желание выполнять ежедневную кропотливую работу – читать, учить наизусть, переписывать, овладевать иной методикой школьного и вузовского обучения, чем на родине.

Для азиатских студентов более привычен авторитарный стиль преподавания. Преподаватель и студент находятся в отношениях жёсткой субординации. Обычно у учащихся из Азии вызывают большие затруднения задания, связанные с анализом и интерпретацией представленного учебного материала. Креативный стиль занятий, «расширение» учебника за счёт других учебных материалов или изменение последовательности заданий, данных в учебнике, способны вызвать непонимание и неприятие у студентов из азиатских стран. Они сталкиваются с определёнными трудностями при выполнении заданий типа: «Выразите свою точку зрения», «Что Вы думаете о...».

В силу традиционного образования и воспитания им сложно участвовать в диалогизированных формах обучения, вступать в диалог с другими студентами и тем более с преподавателем. Склонность к созерцательности, наслаждение природой и умиротворение от увиденной красоты мира – все это формирует особый тип мышления, являющийся отличительной чертой этих студентов. Доказательством может послужить даже

сравнение фразеологических китайских выражений с русскими аналогами. Например, идиома в русском языке «не видеть дальше своего носа» у китайцев существует в другом словесном облики: «уподобляться лягушке, сидящей на дне колодца и глядящей на небо», а русское выражение «метать бисер перед свиньями» соответствует китайскому «играть на лютне перед буйволами».

На воспитание арабских студентов сильное влияние оказывают традиции ислама. Эти учащиеся чаще всего активны, любознательны, с интересом относятся ко всему новому, легко завязывают знакомства, отзывчивы. Это проецируется и на способ мышления, и на речь учащихся: у них часто отсутствует логика в построении высказывания, имеет место гиперболизация обыденных фактов, что может объясняться влиянием родного языка. Использование ярких эпитетов, метафор доказывает, что арабским студентам больше важна форма высказывания, а не его содержание.

При общении с этим контингентом учащихся важно понимать и их этикетную «проксемику» – организацию личного пространства (дистанция между собеседниками меньше, чем у русских; при беседе они могут касаться друг друга) и контакт взглядов (в отличие от студентов из Азии арабские учащиеся недоумевают, если им не смотрят в глаза при разговоре). Характерной чертой многих эмоциональных людей является обидчивость – здесь преподавателю нужно проявить деликатность при исправлении ошибок студентов на уроке и объявлении, например, результатов контрольной работы или оценки на экзамене.

Для европейских студентов, культура которых имеет христианские истоки, а жизненные ценности близки к русским, характерны идеи равенства, уважения к человеку (личности), а не к возрасту и должности. Авторитарный стиль преподавания для европейцев и американцев непривычен, вызывает недоумение и раздражение. Поэтому отношение «преподаватель – студент» – это партнёрство. И азиатский, и европейский тип отноше-

ний «преподаватель – студент» часто не принимает эмпатии, которая характерна для старшего поколения преподавателей российской школы, в частности, преподавателей РКИ. У европейских учащихся интерес будет представлять такой учебный материал, который включает в себя познавательный, культурный и эстетический компоненты. Европейцам интересны творческие задания, обсуждение каких-либо проблем, выражение собственной оценки какого-либо события или явления, а пересказ текста, что с готовностью выполняют студенты из Азии, у них вызывает неприятие.

Тип мышления студентов из Европы и Северной Америки более понятен русскому преподавателю, хотя и здесь в некоторых случаях наблюдаются различия: замкнутость, отчуждённость, стремление к рационализму студентов из Великобритании, темпераментность, быстрота реакции итальянских учащихся, пунктуальность, чёткость, организованность немецких студентов, экспрессивность, творческий подход к любому заданию, нежелание подчиняться строгим правилам и следовать жесткому регламенту испанских студентов, а также студентов из стран Южной Европы.

Преподавателю следует знать не только особенности национальной культуры учащихся, но помнить и о манере общения. Наступательная манера общения, быстрый темп речи, резкое повышение голоса вызывают культурный шок у азиатских студентов. Наши безобидные междометия «ай», «ой» и «а?», оказываются, производят на японцев странное впечатление. В Японии это является выражением гнева, недовольства, крайнего раздражения и неуважения к человеку.

Как известно, одним из важнейших положений методики обучения иностранному языку является учёт особенностей родного языка учащихся. Использование этого принципа на практике дает возможность выработать правильный подход к определению оптимального режима в учебной группе, а также позволяет полнее раскрыть способности каждого учащегося.

При обучении фонетике русского языка следует помнить, что русский язык по просодическому типу – акцентный, и в нём звуковысотные характеристики, в отличие от китайского, не используются на уровне слоговой и словесной просодии, а относятся к сфере фразовой интонации. Во многих языках тихоокеанского региона, в частности, в китайском и вьетнамском, которые являются слоговыми и тональными, нет интонационных подъёмов и понижений, так как отсутствует ударение в виде выделения звука, но присутствует изменение звука на каждом гласном и дифтонге. Тоны столь же важны для различения смысла, как и звуковой состав слова. Для европейских же студентов обычно русская интонация не представляет особой трудности. Следовательно, закономерным является то, что студенты из Азии требуют более серьёзной фонетической работы.

В восприятии грамматического материала также существуют различия. Для студентов – европейцев более привычным является индуктивный путь (от анализа примеров к правилу), а для студентов Юго-Восточной Азии – дедуктивный (от правила к примерам), т.е. учащиеся лучше усваивают материал, если правило будет предшествовать примерам.

Нужно помнить о том, что китайский и вьетнамский языки характеризуются отсутствием словоизменения. В них отсутствуют категории рода и падежа, поэтому значительную трудность для этих студентов представляет большое количество окончаний в падежной системе русского языка и категория рода, выявляемая по окончанию. Однако присущие этим студентам трудолюбие, дисциплинированность, упорство в достижении цели, уважение к знанию и учению позволяют им преодолеть эти трудности, и часто студенты из Азии говорят порусски грамматически правильнее, чем студенты-европейцы, обучающиеся с ними в одной группе. Таким образом, серьёзное отношение к рутинной ежедневной работе (пересказ, заучивание наизусть), характерное для азиатских учащихся, даёт хорошие результаты, ко-

торых иногда сложнее добиться европейским студентам, привыкшим к свободе выбора при выполнении необходимых заданий, зачастую легкомысленно относящихся к такой не очень важной, на их взгляд, работе, как домашнее задание.

При обучении чтению также следует обращать внимание на необходимость различного подхода к студентам из стран Азии и Европы. Азиатские учащиеся ориентированы на пословное запоминание читаемого, поэтому задания должны быть направлены на охват общего содержания текста уже при первом предъявлении, а для европейцев необходима установка на углублённое понимание текста, внимание к деталям, так как у них часто сформирована привычка к поверхностному восприятию читаемого материала.

С особой осторожностью и вниманием следует относиться к отбору материалов для чтения и обсуждения в интернациональной группе. Например, со студентами из стран Юго-Восточной Азии лучше не обсуждать вопросы личной жизни и отношение студентов друг к другу. Французы не любят говорить об иммигрантах, для немцев же табуированной темой является поражение во Второй мировой войне. Поэтому при работе в интернациональной группе трудно переоценить роль преподавателя, который, зная особенности своих учащихся, должен учитывать все возможные трудности, возникающие на уроке, и не только попытаться их предвидеть, но и быть в состоянии их преодолеть.

Говоря об отборе учебного материала, следует помнить о русской литературе, к которой иностранные студенты проявляют большой интерес. Именно из литературных произведений, отражающих историю страны, черты русского национального характера, современную жизнь, они черпают свои знания о культуре России. Студенческая группа, в которую входят представители разных стран и континентов, может представлять собой модель полилога культур, оркестр, в котором каждый ведёт свою партию, а преподаватель, обучающий студентов русскому языку как иностранному, – ди-

рижёр, призванный объединить всех и в то же время дать возможность каждому проявить себя, «солировать».

На современном этапе обучения студентов-иностранцев русскому языку преподаватели продолжают активные поиски эффективных средств и методов работы не только в аудитории, но и вне её. Невозможно представить себе изучение лингвокультурологии без помощи такого вида внеаудиторной работы, как проведение экскурсий в музеи, на выставки, в парки города. Следует отметить, что экскурсия – это не только посещение студенческой группой какого-либо интересного объекта вне института. Это тщательная подготовительная работа (изучение новой лексики, чтение текста, подготавливающего студентов к восприятию увиденного и т.п.), проведение самой экскурсии, где экскурсоводом может стать и преподаватель, и подготовленный им студент, и завершающий этап – подведение итогов: ответы на вопросы, рассказ о том, что заинтересовало студентов, проведение параллелей с культурными объектами в родных странах студентов.

Немалое значение для наших студентов имеет и работа дискуссионного клуба «Русское слово», который является центром, объединяющим студентов-иностранцев, желающих общаться с русскими людьми не только на занятиях в аудитории. На заседания клуба приглашаются гости, ведущие со студентами беседы о современных событиях в политике, состоянии экономики в мире, проблемах молодёжи в разных странах. Обычно на таких заседаниях студенты активны, задают вопросы выступающим, высказывают собственное мнение по рассматриваемым вопросам.

В рамках работы клуба «Русское слово» преподаватели готовят и проводят вечера, на которых студенты поют национальные и русские песни, ставят небольшие спектакли, танцуют. Для того чтобы иметь возможность петь не только на музыкальном вечере, но и чаще, для студентов организованы музыкальные занятия, на которых под accompa-

немент гитары вместе с преподавателем они разучивают популярные русские народные и современные песни.

Любой иностранный студент, желающий принять участие в работе киноклуба, может смотреть русские фильмы с преподавателем. Перед фильмом во вступительном слове коротко даётся история создания фильма, информация о режиссёре и актёрах, после демонстрации фрагмента фильма преподаватель может комментировать непонятные студентам эпизоды, после окончания просмотра фильма студенты могут принять участие в дискуссии, высказать своё отношение к увиденному.

Наряду со многими инновационными формами учебной работы с иностранными учащимися хороший результат дают и традиционные [4]. Одна из них – проведение студенческих конференций. Подготовка доклада и выступление студента перед аудиторией является и итогом его научно-исследовательской работы, и имеет большое эмоциональное значение: студент получает возможность «попробовать себя» в роли специалиста, использовать определённые приемы ораторского искусства, заинтересовать слушателей проблемами, поставленными в докладе. Целью студенческих конференций ставится повышение мотивации изучения русского языка, стимулирование научной деятельности учащихся, отработка навыков публичных выступлений с использованием изученных норм культуры речи.

Все эти внеаудиторные мероприятия, которые посещают студенты разных стран, дополняют учебные занятия, продолжают развивать и образовывать учащихся. Итак, несмотря на те трудности, которые ложатся на плечи преподавателя, результат оправдывает эти усилия:

- во-первых, русский язык в интернациональных группах является языком общения, что заставляет студентов серьезнее относиться к его изучению, стараться применить полученные знания на практике;
- во-вторых, сталкиваясь каждый день с представителями разных культур,

студенты расширяют свой кругозор, проявляют живой интерес к обычаям, традициям разных стран, сопоставляют их со своими. Это делает студентов толерантными к чужой культуре, помогает им с уважением относиться к ней. Поэтому вхождение студентов интернациональ-

ных групп в культурную среду нашей страны происходит быстрее и легче [2]. Привыкнув общаться с представителями разных культур, студенты с интересом относятся к культуре страны изучаемого языка и к культуре других стран.

Список литературы:

1. Глаголев В.С. Стратегии непрерывного образования в российских вузах: подводные камни / В сборнике: Актуальные проблемы модернизации высшей школы Материалы Международной научно-методической конференции. Сибирский государственный университет путей сообщения, НТИ – филиал МГУДТ. 2014. С. 27-32.
2. Силантьева М.В. Личностный характер знания как способ трансляции навыков и умений в образовательном пространстве «исследовательского университета» / В сборнике: Актуальные проблемы модернизации высшей школы Материалы Международной научно-методической конференции. Сибирский государственный университет путей сообщения, НТИ - филиал МГУДТ. 2014. С. 32-37.
3. Торкунов А.В. Создание университетов мирового уровня: новые тенденции в российском высшем образовании / А.В. Торкунов // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2. С. 7-11.
4. Шестопап А.В., Силантьева М.В. «Мягкая сила» культурных модуляторов современных модернизационных процессов / А.В. Шестопап, М.В. Силантьева // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6. С. 168-171.

Об авторе:

Афанасьева Нина Дмитриевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка для иностранных учащихся Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел России.
E-mail: afan-nina@yandex.ru.

«HOW CAN A HEART BE BRACED IN WORDS? ANOTHER FATHOM WHAT IS YOURS?»

N.D. Afanasieva

Moscow State Institute of International Relation (MGIMO-University), 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454.

Abstract. *In the article the author defines the main task of teaching Russian as a foreign language. It consists not only in teaching grammar and lexis to foreign students but also in the development of background knowledge for understanding the Russian culture. Considering the issue of nationally-oriented teaching of Russian to foreign students and peculiarities of training foreigners in international groups, the author points out the significance of selecting educational material, choosing optimal methods of its presentation and effective ways of working with complex phenomena of the Russian grammar, as well as foreseeing common errors in students' speech. Teachers analyze teaching techniques in groups of European and Asian students taking into account their national peculiarities, share their experience in teaching phonetics, grammar, reading and listening with foreign students.*

Characterizing students from the Asian-Pacific region, Arab countries, Europe and America, the author points out which teaching style is most suitable for each particular group of students, and

describes their attitude to various tasks given in the classroom. In this regard it is recommended to take into account peculiarities of students' native language. This approach makes it possible to work out the right method of work in each particular group and to develop abilities of all students. The author also mentions that carrying out extracurricular activities attended by students from different countries contributes to their development and education as well.

The Russian language is the only means of communication in the international groups of students, which makes them take its learning more seriously and try to put knowledge into practice. Working with representatives of different cultures on a day-to-day basis students broaden their world outlook, display interest to customs and traditions of different countries, comparing them with their own. This makes students more tolerant to foreign cultures and facilitates the process of joining cultural atmosphere of our country.

Key words: *nationally oriented teaching, international groups, common mistakes, teaching style.*

References:

1. Glagolev V.S. Strategii nepreryvnogo obrazovaniya v rossijskikh vuzah: podvodnye kamni [Strategies for continuing education in Russian universities: the pitfalls]. V sbornike: Aktual'nye problemy modernizacii vysshej shkoly Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii. Sibirskij gosudarstvennyj universitet putej soobshhenija, NTI – filial MGUDT. 2014. S. 27-32. (In Russian).
2. Silant'eva M.V. Lichnostnyj harakter znanija kak sposob transljicii navykov i umenij v obrazovatel'nom prostranstve «issledovatel'skogo universiteta» [Personal knowledge as a way of broadcasting skills in the educational space «research university»]. V sbornike: Aktual'nye problemy modernizacii vysshej shkoly Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii. Sibirskij gosudarstvennyj universitet putej soobshhenija, NTI - filial MGUDT. 2014. S. 32-37. (In Russian).
3. Torkunov A.V. Sozdanie universitetov mirovogo urovnja: novye tendencii v rossijskom vysshem obrazovanii. [Starting Up a World Class University: New Trends in Russian Higher Education]. Vestnik MGIMO-Universiteta. 2013. № 2. S. 7-11. (In Russian).
4. Shestopal A.V., Silant'eva M.V. «Mjagkaja sila» kul'turnyh moduljatorov sovremennyh modernizacionnyh processov [Intercultural communication in the light of current modernization process, «soft power» cultural modulators]. Vestnik MGIMO-Universiteta. 2012. № 6. S. 168-171. (In Russian).

About the Author:

Nina Afanasieva – PhD, Head of the Department of the Russian Language for Foreign Students of Moscow State Institute of International Relations of Ministry for Foreign Affairs of Russia.
E-mail: afan-nina@yandex.ru.

КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКАЦИЯ ТЕКСТА: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДИМОСТИ И ЭЛИМИНИРОВАНИЯ

Е.М. Масленникова

Тверской государственный университет, 170100, Тверь, ул. Желябова, 33.



Культурная спецификация художественного текста приводит к тому, что его перевод сопровождается экспликацией имплицитного, превращаясь в толкование оригинала, а также перефразированием и заменой непонятого или непонятого «понятным». Приращение текстовых смыслов происходит при преобразовании исходной «авторской» системы понятий и образов. Высокая степень возможного прогнозирования смыслового содержания находится в обратной зависимости от типа (жёсткого или мягкого) языка. Включенность текста в семиосферу поддерживается цитатами, заглавиями (цитатного типа), эпиграфами, аллюзиями, реминисценциями, различными символами культуры, культурной памятью, памятью жанра и т.д., отсылающими к прототексту и/или замещающими его в конкретном тексте. СЛОВО становится тем элементом текста, который задаёт и направляет процессы смыслополагания, смысловосприятия и смыслопостроения у читателя. В художественном тексте СЛОВО выступает как одно из средств культурной спецификации текста, устанавливающее границы интерпретационного диапазона. Читатель начинает реконструировать авторские намерения, путём выхода на СЛОВО, которое может оказаться частью особого авторского «языка» для посвящённых, что делает текст закрытым или полукрытым для понимания. Включённое в художественный текст СЛОВО часто связано с особенностями культурной референции и культурного кода. Уровень максимально достижимой переводимости также зависит от ориентации самого автора на конкретную предметную область и связанное с ней специализированное знание. Ориентированность современной теории перевода на принципиальную переводимость любого текста опирается на тот факт, что непереводимость возникает в виде непереводимых языковых, тематических и стилистических явлений, но устраняется на уровне текста. В статье обсуждаются особенности воспроизведения культурной спецификации художественного текста при переводе.

Ключевые слова: текст, перевод, понимание, смысл, переводимость, непереводимость, культурная спецификация текста, фоновые знания, переводческие компетенции.

Культурная спецификация текста обусловлена понятийными константами культуры, внутри которой текст был создан. Кроме предметной формы культуры, воплощаемой в присутствующих только ей артефактах, существуют ментальные или психические образы культурных предметов. «Значения о языке и мире исчерпывают содержание сознания, – отмечал Е.Ф. Тарасов. – Это содержание формируется в процессе присвоения культуры и является ментальной формой культуры наряду с её предметной и деятельностью формами» [12, с. 50].

Отдельные сложные комплексы подобных понятийных констант культуры имеют универсальный характер в силу сложившейся гипертекстуальности мировой культуры и мировой литературы, но могут получать разное языковое воплощение. Кроме этого, у таких констант культуры могут быть региональные «вариации», вызванные, например, «местными» мифопоэтическими традициями. Некоторые «бродячие» сюжеты и темы получают авторское переосмысление. В литературной сказке «The Fisherman and his Soul» из сборника «A House of Pomegranates» (1891) английский писатель О. Уайльд (1854–1900) обыгрывает несколько мотивов, известных в мировой литературе. В сказке есть:

- любовь земного человека к волшебному существу из другого мира, в данном случае простого рыбака к дочери морского царя – русалке (*the little Mermaid*), зачаровывающей пением всё вокруг (*as she sang, all the tunny-fish came in from the deep to listen to her*);

- шабаш ведьм в полнолуние;
- танец с рыжеволосой (*red hair*) и зеленоглазой (*grass-green eyes*) ведьмами;

- отказ от своей души и заключение сделки с тёмной силой;

- параллельный фантастический и сказочный мир, населённый фавнами, феями и прочими существами и т.д.

В сказке говорится об испытаниях богатством, добром (*tempt him now with good*) и злом (*tempt him with evil*)

и, конечно, воспевается великая сила любви (*Love is better than wisdom, and more precious than riches*). Отказ героя О. Уайльда от своей души, которая заключена в тени (*What men call the shadow of the body is not the shadow of the body, but is the body of the soul*), выводит читателя на романтическую аллегория А. фон Шамиссо (1781–1838) в «Удивительной истории Петера Шлемиля» (1813). В ней герой, променявший свою тень на волшебный кошелек Фортуната, скитался по разным странам, как и Душа Рыбака.

Случившееся чудо с волшебными цветами, которые выросли там, где похоронили Рыбака и его возлюбленную, красота и запах которых заставили священника изменить тему проповеди (*show to the people the wounds of the Lord, and speak to them about the wrath of God*), исследователи объясняют эволюцией бродячего сюжета о Венере и Тангейзере, его новым переосмыслением тангейзеровской темы [3].

С одной стороны, необходимо отметить религиозный подтекст сказки О. Уайльда: в своей проповеди священник стал говорить не о гневе Божьем, а о любви Бога и всепрощении (*there came another word into his lips, and he spake not of the wrath of God, but of the God whose name is Love*). Используемое О. Уайльдом выражение *the God whose name is Love* «Бог, чьё имя – Любовь» – это перифраза духовного гимна «Before the throne of God above» (1863) на слова Ч. Банкрофт (1841–1892), где есть строка «A great High Priest whose name is love» (http://sovereigngracemusic.org/Songs/Before_the_Throne_of_God_Above/39). Этот гимн представляет собой коллажированный текст: в его основе строки из разных частей Библии. Для детского чтения утром 14 января книга «The Well is Deep; Or, Scripture Illustrating Scripture. Arranged as Morning and Evening Bible Readings for Every Day in the Year» (London: J. Nisbet & Company, 1874) рекомендовала несколько иной текст, в который вошли начальные четыре строки из первой строфы и второй строфы (https://play.google.com/store/books/details/The_well_is_deep_or_Scripture_illustrating

Scriptu?id=O-8CAAAAQAAJ]), где усилена идея греха и искушения. Строка *the God whose name is Love* встречается также в духовных песнопениях и гимнах: «God whose Name is Love» на слова Ф. Хоутсон / Florence Hoatson (1881–1964) и «O God, whose wondrous name is Love» на музыку Г. Хемми / Henri Frederick Hemy (1818–1888) и слова священника Р. Чапмана / Robert Cleaver Chapman (1803–1902), получившего прозвище «the apostle of Love».

С другой стороны, О. Уайльд вводит в повествование мистические детали: встречаемая рыбаком по пути на шабаш ведьм *чёрная собака* (*A black dog ran towards him and snarled*) заставляет вспомнить о том, что впервые в поэтической драме И. Гёте / Johann Wolfgang von Goethe (1749–1832) «Фауст» / «Faust: Der Tragödie erster Teil» (1808) Мефистофель является перед Фаустом в виде *чёрного пуделя* (*einen schwarzen Pudel*). В романе М.А. Булгакова (1891–1940) «Мастер и Маргарита» (1929–1940) присутствуют отсылки на такие же мотивные комплексы: у трости Воланда *чёрный набалдашник в виде головы пуделя*, в описании бала фигурирует *изображение чёрного пуделя на тяжёлой цепи*. Кстати, «чёрный» фон романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», а одна из его ранних редакций носила название «Чёрный маг», создан 191 употреблением словоформы *чёрный*: в первой главе – *сверхъестественных размеров очки в чёрной роговой оправе* Берлиоза и *чёрные тапочки* поэта Бездомного, *чёрная магия*, *чёрный Воланд* с *чёрными бровями* и *правым чёрным глазом*, затем появляются *чёрная королева* как обращение к Маргарите, *чёрные птицы*, *чёрные кони* и *чёрные коты*, *чёрная вода* Москвы-реки, *чёрная пасть* камина из нехорошей квартиры, *чёрная машина*, *ночь* закрывает *чёрным платком* леса и луга, в газете *окаймлённое чёрным* явление и т.д.

Сказки О. Уайльда из сборников «The Happy Prince and Other Stories» / «Счастливейший принц» (1888) и «A House of Pomegranates» / «Гранатовый домик» (1891) неоднократно переводились на русский язык: так, сосуществуют де-

сять переводов сказки «The Selfish Giant» (1888). То, что переводчики практически избегают сказки «The Fisherman and his Soul», объясняется, на наш взгляд, её культурной спецификацией и сложными интер- и гипертекстуальными отношениями, которые оказались труднопроизводимыми. Например, присутствующий на шабаше ведьм таинственный бледный незнакомец носит *чёрный бархатный костюм*, сшитый по испанской моде (*a man dressed in a suit of black velvet, cut in the Spanish fashion*).

It was a man dressed in a suit of black velvet, cut in the Spanish fashion. His face was strangely pale, but his lips were like a proud red flower. He seemed weary, and was leaning back toying in a listless manner with the pommel of his dagger. On the grass beside him lay a plumed hat and a pair of riding-gloves gauntleted with gilt lace, and sewn with seed-pearls wrought into a curious device. A short cloak lined with sables hang from his shoulder, and his delicate white hands were gemmed with rings. Heavy eyelids drooped over his eyes. O. Wilde. The Fisherman and his Soul.

Переводчики сказки О. Уайльда выбирают разные адъективно-именные словосочетания: *his lips were like a proud red flower* – *уста его были похожи на алый цветок* (К. Чуковский, 1891), *губы походили на горделивый алый цветок* (Перевод Т. и С. Бертенсон, 1909), *губы подобны гордому алому цветку* (А. Грызунова, 2012). Разные качественные прилагательные (*изящные, холёные, тонкие*) в описании рук незнакомца, которые стали бы совместимыми с русским эквивалентом для существительного *rings* ‘кольца’, служат для дополнительной характеристики героя: *delicate white hands were gemmed with rings* – *холёные белые руки были украшены перстнями* (К. Чуковский), *изящные белые руки сверкали перстнями* (Т. и С. Бертенсон), *тонкие руки унижены драгоценными кольцами* (А. Грызунова, 2012). Сложности вызвало описание самого костюма: *a plumed hat* – *это украшенная перьями шляпа* (Т. и С. Бертенсон) или *шляпа с одним пером* (К. Чуковский)? Возможно, для

современного читателя сказки все переводческие варианты для словосочетания *short cloak lined with sables* покажутся правильными: *короткий плащ, обшитый соболями* (К. Чуковский), *короткий плащ, подбитый соболиным мехом* (Т. и С. Бертенсон), *короткий плащ, отделанный соболиным мехом* (А. Грызунова). Однако испанский плащ в том виде, в котором он вошёл в историю моды, был коротким и с меховой подкладкой [4], т.е. действительно *подбитым* 'lined' мехом. Перчатки королей, высшего духовенства и высшей аристократии украшались золотом, серебром и драгоценными камнями (*sewn with seed-pearls wrought into a curious device*). На перчатках незнакомца был вышит жемчугом *a curious device* 'эмблема, девиз', представленный как *странный* (Т. и С. Бертенсон) или *невиданный* (К. Чуковский) *герб*. Для усиления таинственности эпизода современная переводчица А. Грызунова пишет о перчатках, *покрытых странными символами, изработанных мелким жемчугом*.

Англоязычный читатель, живший на рубеже XIX–XX веков, с лёгкостью увидел бы сходство с описанием костюма капитана Блада из одноимённого приключенческого романа «Captain Blood» (1922) Р. Сабатини / Rafael Sabatini (1875–1950), с облачения в который началась его быстрая и успешная карьера пирата.

Still less could he be expected to recognize at once the courtly gentleman who advanced to greet him – a lean, graceful gentleman, dressed in the Spanish fashion, all in black with silver lace, a gold-hilted sword dangling beside him from a gold embroidered baldrick, a broad castor with a sweeping plume set above carefully curled ringlets of deepest black. R. Sabatini. Captain Blood ↔ Это был сухощавый джентльмен с изысканными манерами, одетый по испанской моде во всё чёрное с серебряными позументами. На расшитой золотом перевязи висела шпага с позолоченной рукояткой, а из-под широкополой шляпы с большим плюмажем видны были тщательно завитые локоны чёрного парика. Р. Сабатини. Одиссея капитана Блада (Перевод Л. Василевского и Ан. Горского, 1957).

Именно о подобном чёрном бархатном костюме мечтал Том Сойер из книги «The Adventures of Tom Sawyer» (1876) американского писателя М. Твена / Mark Twain (1835–1910), продолжившего «пиратскую» традицию мировой литературы в эпизоде, когда тот воображает себя знаменитым пиратом, вернувшимся в родной город после долгих морских странствий. Исторически маркированному слову *doublet* соответствует *колет* (С.И. Воскресенская, 1896; М. Энгельгардт, 1911), но не *камзол* (К.И. Чуковский, 1958), что касается *trunks*, то это не *шаровары* (С.И. Воскресенская) или обычные *штаны* (М. Энгельгардт; К.И. Чуковский), а короткие округлые брюки под колено на толстой подкладке, с которыми согласно испанской моде XVI века носили белые или чёрные чулки. В костюме Тома присутствует *crimson sash*, чему, скорее всего, соответствует *малиновая* (С.И. Воскресенская) или *алая* (К.И. Чуковский) *перевязь*, но не *малиновый шарф* (М. Энгельгардт).

And at the zenith of his fame, how he would suddenly appear at the old village and stalk into church, brown and weather-beaten, in his black velvet doublet and trunks, his great jack-boots, his crimson sash, his belt bristling with horse-pistols, his crime-rusted cutlass at his side, his slouch hat with waving plumes... M. Twain. The Adventures of Tom Sawyer ↔ И, достигнув верха своей славы, Томъ появится на родинѣ и войдетъ въ церковь весь загорѣлый, загрубѣлый отъ непогоды, въ своемъ чёрномъ бархатномъ колетѣ и такихъ же шароварахъ, въ большихъ ботфортахъ и съ малиновой перевязью, съ блестящими громадными пистолетами за поясомъ, съ заржавѣвшимъ въ крови ножомъ на боку, и въ мягкой шляпѣ съ развѣвающимися перьями... М. Твен. Похождения Тома Соуэра (Перевод С.И. Воскресенской, 1896); И вот, на вершине своей славы, он внезапно является в родную деревню и входит в церковь, загорелый и огрубевший от бурь и непогод, в чёрном бархатном колете и штанах, в огромных ботфортах, с малиновым шарфом, с блестящими пистолетами за поясом, с заржавленным

от крови кинжалом на боку, в шляпе с развевающимися перьями... М. Твен. Похождения Тома Сойера (Перевод М. Энгельгардта, 1911); *И, достигнув вершины славы, он нежданно-негаданно появится в своём старом родном городишке и войдёт в церковь, загорелый, обветренный, в чёрном бархатном камзоле и в таких же штанах, с алой перевязью, в высоких ботфортах, а за поясом у него будут торчать пистолеты, сбоку – нож, заржавевший от пролитой крови, на голове у него будет мягкая шляпа с опущенными книзу полями, с развевающимися перьями...* М. Твен. Приключения Тома Сойера (Перевод К.И. Чуковского, 1958).

Единовременная статичность культуры позволяет «считывать» её параметры и закреплённые культурные предписания [13]. Если рассматривать язык как средство трансляции культуры [12], то нарушения при ретрансляции культурных смыслов оказываются вызванными несоответствием формы и содержания, нарушением контекстной дистрибуции составляющих смысла, расхождением в ценностных ориентирах и их проявлениях в коммуникативном поведении [5]. Включённость художественного текста в постоянный диалог «текст ↔ читатель» позволяет ему приобретать новые смыслы, образующие непрерывно меняющийся и растущий его смысловой континуум. Открытость текста для диалога с читателем предусматривает определённую гипертекстуальность, которая становится средством сетевого построения культурологического континуума. При этом внутри семиосферы (термин Ю.М. Лотмана) как пространства культуры тексты оказываются опосредованными друг другом.

Параметры анализа культурных смыслов включают «фоновые знания; функционально-прагматические связи с культурным контекстом; пресуппозиции; аллюзии; реминисценции; ассоциативные связи с прецедентными понятиями и текстами, индивидуально-личностные ассоциации» [5, с. 155]. Прецедентные единицы способствуют вторичной репрезентации квантов зна-

ния [1], поэтому при создании образа заведующего рестораном из романа «Мастер и Маргарита» М.А. Булгаков отталкивается от существующей литературной «пиратской» традиции, которая опирается на потенциально имеющиеся у читателя культурно-эмоциональные ассоциации.

... было время, когда красавец не носил фрака, а был опоясан широким кожаным поясом, из-за которого торчали рукояти пистолетов, а его волосы воронова крыла были повязаны алым шёлком... М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита

При работе с текстами, насыщенными культурными смыслами, переводчики должны стремиться выйти на соответствующий культурный контекст, поэтому решая вопрос об эквивалентности отношений для *pistol* и вариантов *revolver* (M. Ginsburg, 1967) или *pistol* (M. Glenny, 1967; D. Burgin and K. Tiernan O'Connor, 1995; R. Peaver и L. Volokhonsky, 1997; H. Aplin, 2008; M. Karpelson, 2011) необходимо учитывать ассоциативные связи с прецедентными понятиями и текстами. Именно поэтому М. Гленни «восстанавливает» *алый шёлк (его волосы воронова крыла были повязаны алым шёлком)* до *алого платка (his raven-black hair had been tied up in a scarlet kerchief)*, в то время как остальные переводчики только варьируют оттенки красного от *red silk* (D. Burgin and K. Tiernan O'Connor) до *scarlet silk* (M. Ginsburg; R. Peaver и L. Volokhonsky; H. Aplin) и *crimson silk* (M. Karpelson).

... stood Captain Blood in altercation with a one-eyed giant, whose head was swathed in a red cotton kerchief... R. Sabatini. Captain Blood ↔ *... капитан Блад ожесточенно спорил с одноглазым верзилой Волверстоном. Голова лейтенанта была повязана красным бумажным платком...* Р. Сабатини. Одиссея капитана Блада (Перевод Л. Василевского и Ан. Горского, 1957).

На (не)совпадение интерпретаций одного и того же текста, а текст перевода рассматривается нами как индивидуальная (личностная) читательская текстовая проекция, влияет «различие между точкой зрения современников автора,

в которую входит учёт литературного и общественного фона и точкой зрения “потомства”, имеющего право об этом фоне ничего не знать» [2, с. 153]. Одежда капитана Крюка из книги «Peter Pan» (1911) Дж. Барри / James Matthew Barrie (1860–1937) напоминает мужскую моду эпохи Карла II (1630–1685), предписывающую для мужчин крупно завитой парик (*hair was dressed in long curls*), украшенный богатой отделкой камзол с широкими манжетами, кружевные жабо и манжеты, широкие рукава, белые чулки, башмаки с пряжками, шляпу с пышным плюмажем.

In person he was cadaverous and blackavized, and his hair was dressed in long curls, which at a little distance looked like black candles, and gave a singularly threatening expressing to his handsome countenance. His eyes were of the blue of the forget-me-not, and of profound melancholy, save when he was plunging his hook into you, at which time two red spots appeared in them and lit them up horribly. <...> He was never more sinister than when he was most polite, which is probably the truest test of breeding; and the elegance of his diction, even when he was swearing, no less that the distinction of his demeanour, showed him one of a different caste from his crew. A man of indomitable courage, it was said of him that the only thing he shied at was the sight of his own blood, which was thick and of an unusual colour. In dress he somewhat aped the attire associated with the name of Charles II, having heard it said in some earlier period of his career that he bore a strange resemblance to the ill-fated Stuarts... J. Barry. Peter Pan.

Дж. Барри не только также продолжает сложную игру с текстовыми отсылками, историческими аллюзиями и реминисценциями, но создаёт ещё один образ представителя высшего света волею случая вынужденного стать пиратом. Пиратские экспедиции и придворная карьера часто сочетались друг с другом, как, например, в случае вице-адмирала сэра Френсиса Дрейка / F. Drake (1540?–96) и Уолтера Рэли / W. Raleigh (1552?–1618). Многим пиратам удавалось перейти на королевскую

службу, получить титулы и должности: Генри Морган / Henry Morgan (1635–1688) стал вице-губернатором Ямайки. В родной город возвращается разбогатевший бывший пират Робин из поучительной истории «Robin and Ben: or, The Pirate and the Apothecary» Р.Л. Стивенсона / R.L. Stevenson (1850–1894).

Среди характерных для английской литературы образов героя-злодея, получившего соответствующее воспитание и образование, но в дальнейшем отвергнутого своим классом, назовём внука королевского герцога (*Royal Duke*), т.е. члена королевского семейства, ставшего убийцей и вором, за которым охотился Шерлок Холмс в рассказе «The Red-headed League» А. Конан Дойля / A. Conan Doyle (1859–1930). Ориентируясь на детскую читательскую аудиторию, И.П. Токмакова просто «восстанавливает» и упрощает подтекст (*был из хорошей семьи*) повести Дж. Барри.

John Clay, the murderer, thief, smasher, and forger. <...> His grandfather was a Royal Duke, and he himself has been to Eton and Oxford. A. Conan Doyle. The Red-headed League ↔ *Его дед был герцог, сам он учился в Итоне и Оксфорде.* Артур Конан Дойл. Союз рыжих (Перевод М. Чуковской и Н. Чуковского, 1956).

Когда герои романа Р.Л. Стивенсона «The Master of Ballantrae» / «Владелец Баллантраэ» (1883) попадают на корабль знаменитого пирата Эдварда Тича / Edward Teach (?–1718), то старший сын и непутёвый представитель знатного рода немедленно становится «своим» в команде и даже ухитряется сместить капитана с должности, что объясняется превосходством английского джентльмена над обстоятельствами во всех ситуациях:

Sure, no one could wish to read anything so ungenteel as the memoirs of a pirate, even an unwilling one like me! Things went extremely better with our designs, and Ballantrae kept his lead, to my admiration, from that day forth. I would be tempted to suppose that a gentleman must everywhere be first, even abroad a rover. R.L. Stevenson. The Master of Ballantrae ↔ *... дворянин всюду займёт*

первое место, даже на пиратском корабле... Р.Л. Стивенсон. Владелец Баллантрэ (Перевод И. Кашкина, 1957).

Существовала традиция отправлять непутёвых или оступившихся с общественной точки зрения отпрысков знатных или богатых семей за пределы Англии в британские колонии: родственники обычно погашали их финансовые обязательства и долги, о чём свидетельствует диалог героев романа «The Picture of Dorian Gray» / «Портрет Дориана Грея» (1891) О. Уайльда. Иногда им назначалось денежное содержание взамен на отъезд из страны и обещание никогда не возвращаться обратно.

"You here, Adrian?" muttered Dorian.

"Where else should I be?" he answered, listlessly. "None of the chaps will speak to me now."

"I thought you had left England."

"Darlington is not going to do anything. My brother paid the bill at last. George doesn't speak to me either. ... I don't care," he added with a sigh. O. Wilde. The Picture of Dorian Gray.

Родственники также требовали изменить имя, чтобы не навлекать лишнего позора на семью, поэтому о происхождении капитана Крюка и его настоящем имени Дж. Барри говорит только намёками. Так, упоминание об игре *wall-game* 'пристенный футбол' (буквально 'игра у стены') служит средством косвенного информирования о месте, где капитан Крюк получил образование, так как эта разновидность футбола популярна среди учеников Итона. Кстати, выпускником Итона является и лорд Генри, злой гений Дориана Грея из романа О. Уайльда. Капитан Блад, вынужденный стать пиратом в силу сложившихся жизненных обстоятельств, окончил в Дублине Тринити-колледж с присуждением степени бакалавра медицины (*receiving at the age of twenty the degree of baccalaureus medicinae at Trinity College, Dublin*). Даже Корабельный Повар из романа Р.Л. Стивенсона «Остров сокровищ» получил когда-то образование в хорошей школе (*good schooling*) и мог говорить как образованный человек (*speak like a book*).

Конечно, при переводе подобные культурные импликации обычно теряются: в русском языке слово *школяр* перешло в разряд устаревших и имеет пренебрежительный оттенок [9], о чём свидетельствуют примеры из газетного корпуса «Национального корпуса русского языка» (<http://ruscorpora.ru>).

"He's no common man, Barbecue," said the coxswain to me. "He had good schooling in his young days, and can speak like a book when so minded..." R.L. Stevenson. Treasure Island ↔ – Наш Окорок не простой человек, – говорил мне второй боцман. – В молодости он был школяром и, если захочет, может разговаривать, как книга. Р.Л. Стивенсон. Остров сокровищ (Перевод Н.К. Чуковского, 1950); Может быть, редко какой школяр теперь затаивается под одеялом с фонариком и любимой книжкой, скрываясь от строгих родителей. (Комсомольская правда. 03.12.2007); Если ребёнок учится в начальных классах, не покупайте ему «веник» с него ростом, с которым ваш школяр будет смотреться смешно. (Комсомольская правда. 27.08.2007); В итоге все обсуждения в Хельсинки крутились вокруг этих тем, а такая важная, как сотрудничество России и ЕС, оказалась за дверью, как провинившийся школяр. (Комсомольская правда. 15.05.2007); И не беда, что по мастерству вчерашний школяр «не тянет» и силёнок не хватает. (Советский спорт. 23.04. 2007)

Из перевода поучительной истории «Robin and Ben: or, The Pirate and the Apothecary» Р.Л. Стивенсона читатель узнаёт, что красавец-герой вогнал в гроб свою богатую жену и стал ночью *промышлять разбоем*. Однако в оригинале говорится о том, что он обокрал жену (*widowed dam contrives to rob*), а мотив выгодной женитьбы на богатой вдове является одним из характерных для английской литературы. Именно страх перед лицом закона заставил героя Р.Л. Стивенсона бежать ночью (*follows through the starry night*) из родных мест и завербоваться на корабль, чтобы покинуть страну, а не внезапное желание *надеть матроса робу*.

*At length, intolerant of trammels –
Wild as the wild Bithynian camels,
Wild as the wild sea-eagles – Bob
His widowed dam contrives to rob,
And thus with great originality
Effectuates his personality.
Thenceforth his terror-haunted flight
He follows through the starry night...*
R.L. Stevenson.

Robin and Ben: or, The Pirate and the
Apothecary

*С годами стал красивым Роб.
Женившись и вознавши в гроб
Одну богатенькую леди,
Свиреп, как белые медведи,
Он, овладев кулачным боем,
Стал ночью промышлять разбоем.
Потом надеть матроса робу
Внезапно захотелось Робу.*

Р.Л. Стивенсон.

Робин и Бен, или Пират и аптекарь
(Перевод М. Лукашкиной)

Справочники по этикету того времени требовали вежливости с людьми, находящимися ниже по социальному положению, чему и следует капитан Крюк (*never more sinister than when he was most polite, which is probably the truest test of breeding*). Что касается подчёркиваемой Дж. Барри чёткости речи его героя (*the elegance of his diction, even when he was swearing*), то необходимо помнить, что в частных школах и университетах Англии учили красноречию и риторике. Капитан Блад также имеет голубые глаза (*eyes that were startlingly blue*), отличается смуглым цветом лица (*swarthy of tint as a gipsy, dark face*), превосходной дикцией (*pleasant, vibrant voice*) и надменностью (*steady haughtiness*), т.е. оба автора воспроизводят те закрепившиеся литературные шаблоны и жанровые клише приключенческой литературы на «пиратскую» тему: изысканные манеры, образованность, чёрный завитой парик и преобладающий в одежде чёрный цвет.

He had a pleasant, vibrant voice, whose metallic ring was softened and muted by the Irish accent which in all his wanderings he had never lost. It was a voice that could woo seductively and caressingly, or command in such a way as to compel obedience. <...> For the rest of him, he was tall and spare, swarthy of tint as a gipsy, with eyes that were startlingly blue in that dark face and under those level black brows. In their glance those eyes, flanking a high-bridged, intrepid nose, were of singular penetration and of a steady haughtiness that went well with his firm lips.
R. Sabatini. Captain Blood.

Поскольку «когда коммуниканты придают особое значение правильности ин-

терпретации (пониманию) письменного сообщения, письменные тексты всегда содержат дополнительные сведения, облегчающие адресату восстановление структуры» [11, с. 101] коммуникативного акта, то Дж. Барри предлагает читателю самому догадаться о причинах невозможности раскрыть настоящее имя капитана Крюка, опираясь на дополнительные импликатуры типа тех, что тот был похож на королей из династии Стюартов, чья судьба оказалась несчастливой (*he bore a strange resemblance to the ill-fated Stuarts*), а кровь его была необычного, т.е. благородного «голубого» цвета (*his own blood, which was thick and of an unusual colour*).

Hook was not his true name. To reveal who he really was would even at this date set the country in a blaze; but as those who read between the lines must have already guessed, he had been at a public school; and its traditions still cling to him like garments, with which indeed they are largely concerned.
J. Barry. Peter Pan.

Смуглый цвет кожи Крюка, равно как и нарочито подчёркиваемая его внешняя схожесть с Карлом II (*aped the attire associated with the name of Charles II*), выводит англоязычного читателя на затекстовую информацию, лежащую вне самого рассматриваемого текста. Во-первых, упоминание о *the ill-fated Stuarts* заранее сообщает о неминуемой развязке в судьбе героя. Как известно, политика Якова I / James I (1603–1625) и Карла I / Charles I (1625–1649) из династии шотландских и английских королей Стартов, сменившей на английском троне династию Тюдоров, привела к кризису в стране и к по-

следующей буржуазной революции. Мария Стюарт / Mary I Stuart (1542–1587) и Карл I были казнены. Во-вторых, до своего вступления на трон будущий король Карл II / Charles II (1660–1685) был известен под прозвищем *the Black Boy* из-за смуглого цвета лица. В-третьих, Карл II умер, не оставив законного прямого наследника, рождённого в браке. Следующим королём стал его брат – Яков II / King James II (1633–1701), но он был низложен в ходе «Славной революции», бежал во Францию, затем в Ирландию. Кстати, первый роман Р. Сабатини о приключениях капитана Блада начинается с истории о подавлении восстания против католика Якова II, поднятого герцогом Монмутом (1649–1685), внебрачным сыном Карла II от любовницы Люси Уолтер, которая представлена в романе как *the pretty brown slut* (буквально ‘смуглая потаскуха’).

Конечно, не всегда оказывается возможным воспроизвести при переводе сложную систему культурных смыслов, зашифрованных в тексте и способствующих его явному и неявному смыслообразованию, поскольку «в ситуации освоения неявно данного в тексте смысла интерпретатор идёт «по следам», извлекает свои заключения из косвенных признаков присутствия смысла, формулирует промежуточные и окончательные выводы, действуя в условиях недостаточной информации; основывает свои суждения на деталях из прошлого опыта» [10, с. 83].

На русском языке повесть Дж. Барри была впервые опубликована в 1918 году московским издательством «Детская книга» под названием «Приключения Питера Пана». Это редкое издание с иллюстрациями английской художницы Алисы Б. Вудворд / Alice B. Woodward (1862–1951) представляет собой перевод Л.А. Бубновой авторизованного пересказа пьесы Дж. Барри «Peter Pan» (1904), выполненного Д. О’Коннором / Daniel Stephen O’Connor (1880–1951). Только через пятьдесят лет в издательстве «Детская литература (Детгиз)» тиражом 50000 экземпляров повесть

«Питер Пэн и Вэнди» (1968) выходит в переводе Н.М. Демуровой. Позднее разные издательства публикуют переводы, являющиеся в той или иной степени переводами-адаптациями или переводами-пересказами (И.П. Токмакова, 1981; Л.Л. Яхнин, 2002; А.В. Файкова, 2010; Н. Косенко и Т. Вакуленко, 2013, И.Г. Константинова, 2015; М.О. Торчинская, 2015).

Образ деклассированного злодея из высшего света, ставшего пиратом, не является характерным для русской литературы, в особенности предназначенной для детей, поэтому переводчики (за исключением Н.М. Демуровой), обычно пропускают описание внешности капитана Крюка и обстоятельства его прежней жизни, упрощают параметры культурной спецификации исходного текста [6; 7]. Приводимый ниже отрывок из перевода И.П. Токмаковой служит хорошим примером успешного «забывания» культурного фона оригинала:

Кожа капитана мертвенно-бледна, черные волосы, завитые в локоны, спадают на плечи, глаза его незабудкового цвета. Все это вместе производит ужасное впечатление. Дж. Барри. Питер Пэн (Перевод И.П. Токмаковой); Ср.: Его смуглое лицо было смертельно бледно, волосы падали ему на плечи длинными локонами, на небольшом расстоянии походившими на черные витые свечи, что придавало грозный вид его прекрасному лицу. Глаза у него были нежно-голубые, как незабудки, в них светилась безграничная скорбь, и, лишь когда он ударял тебя своим крюком, в них вспыхивали вдруг две красные точки, озарявшие их свирепым пламенем. В манерах он все ещё сохранял нечто величественное, так что даже когда он раскраивал тебе череп, то делал это не без достоинства, и говорят, что он славился как прекрасный рассказчик. Страшнее всего он бывал в те минуты, когда проявлял наибольшую учтивость, – это, вероятно, и есть знак настоящего воспитания: изящество речи, не изменявшее ему, даже когда он бранился, и благородство манер свидетельствовали о том, что он не ровня своим подчинённым. Обладая

безграничной храбростью, он, по слухам, боялся только вида собственной крови – она была густой и весьма необычного цвета. В одежде он старался подражать стилю, связанному с именем Карла II, – когда-то в начале своей будущей карьеры он услышал, что про него говорили, будто он странным образом похож на злосчастных Стюартов... Дж. Барри. Питер Пэн (Перевод Н. Демуровой)

Постоянная соотнесённость коммуникантов с конкретной коммуникативной ситуацией, репрезентируемой текстом, позволяет говорить об интерпретационно-прогностическом характере текстовой коммуникации, когда вся текстовая деятельность читателя оказывается тесно связанной с индивидуально-психическими и социальными факторами. Имеющийся информационный запас поддерживает и направляет развёртывание дискурсивных ожиданий читателя, позволяя оптимизировать построение получаемой проекции текста в текущий момент «здесь–и–сейчас».

Избыточностью познания объясняется также различия в пониманиях-интерпретациях одного и того же текста, приписывание оригиналу различных смыслов (особенно в случае большой временной дистанции, раз-

деляющей оригинал и его перевод или переводы).

Переводимость обеспечивается, в первую очередь, соблюдением Принципа Кооперации [14]. Общая направленность текстов, существующих в исходной культуре, где был создан оригинал, и в принимающей его вторичной культуре, обусловленная, в том числе, общей жанровой «памятью», увеличивает вероятность достижения высшего уровня переводимости с сохранением прагматической заданности текста, когда оригинал одновременно относится к типу I (тексты общей направленности) и к типу III как художественный текст [8]. Элиминирование культурной спецификации текста при переводе происходит через развёрнутый комментарий и / или разъяснение вербального и невербального опыта. Другим случаем элиминирования лакун является полная замена одного культурного контекста на другой для максимального приближения текста к вторичному читателю, находящемуся в другой культурно-языковой системе. Здесь речь может идти о диахронно-культурологической компенсации. В значительной степени непреводимость снимается по мере развития и сближения культур и литератур исходного и переводящего языков.

Список литературы:

1. Голубева Н.А. Категория прецедентных единиц // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методологические исследования. 2008. Вып. 9. С. 61–70.
2. Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. К понятиям «тема» и «поэтический мир» // Труды по знаковым системам. VII. Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. Вып. 365. Тарту, 1975. С. 143–167.
3. Кастрель В.Д. Рецепция сюжета о Венере и Тангейзере в литературе второй половины XIX в. (Р. Вагнер, О. Уайльд) // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2012. № 18 (98). С. 171–179.
4. Кибалова Л., Гербенюва О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага, 1986. 608 с.
5. Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. М., 2011. 224 с.
6. Масленникова Е.М. Вопросы отбора, перевода и комментирования реалий // Лингвострановедение: методы анализа, психологии обучения. Ч. 1. Языки в аспекте лингвострановедения. М., 2010. С. 141–147.
7. Масленникова Е.М. Параметры реконструкции коммуникативно-прагматической интенции автора // Научный вестник Воронежского гос. архитектурно-строительного ун-та. Сер. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2014. № 1 (21). С. 130–141.

8. Нейберт А. Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 185–202.
9. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
10. Соловьёва И.В. О включении термина «событие» в дискурс герменевтики // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. Филология. 2015. № 2. С. 82–88.
11. Тарасов Е.Ф. К построению теории речевой коммуникации // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979. С. 5–147.
12. Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры // Язык как средство трансляции культуры. М., 2000. С. 45–53.
13. Dervin B. Verbal Communication: Mandate for Disciplinary Invention // Journal of Communication. 1993. Vol. 43. Pp. 45–54.
14. Neubert A. Text and Translation. Leipzig, 1985. 168 p.

Об авторе:

Масленникова Евгения Михайловна – к.филол.н., доцент кафедры английского языка факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета. Домашний адрес: 170043, Тверь, Октябрьский проспект, д. 79, кв. 19.
E-mail: e-maslennikova@inbox.ru; arakin2grammar@mail.ru. Тел.: 8-915-719-69-40.

TEXT CULTURAL SPECIFICITY: TRANSLATABILITY AND ELIMINATION

E.M. Maslennikova

Tver State University, 33, Zhelyabova St., Tver, 170100, Russia.

Abstract. *When translating a literary text full of culturally specific features, interpreters try to explicate the implicit. It may turn into their interpretation of the source text, as well as paraphrasing and replacement of what is unclear or misunderstood by "understandable" ideas and concepts. Texts meanings' increment occurs when translators convert the initial system of concepts and images created by the author. Texts' inclusiveness into the semiosphere is supported by citations, headings and titles, epigraphs, allusions, reminiscences, various symbols of culture, cultural memory, so-called genre memory, etc., referring to the prototext and / or substituting it in a particular text. In fiction the WORD specifies and directs the processes of meanings' reception and meanings' construction that are particular for every reader. In literary texts the WORD appears as a means of its cultural specification and sets out the limits of its interpretive range. The reader starts to reconstruct the author's intentions trying to enter the WORD's worlds. In some cases the WORD can be a part of the author's particular "language" known only for the initiated readers. The level of the highest practicable translatability also depends on the orientation of the author to a particular subject area and associated specialized knowledge. Modern translation theory suggests the idea of fundamental translatability of any text due to the fact that there can be untranslatable language, thematic and stylistic phenomena, but untranslatability is eliminated at the level of the text. Translatability and untranslatability of cultural references and cultural codes is related to specific lacunar concepts. The article discusses how to reproduce and recreate cultural specification of a literary text in the process of translation.*

Key words: *text, translation, interpretation, understanding, meaning, translatability, untranslatability, cultural specification text, background knowledge, translation competence.*

References:

1. Golubeva N.A. Kategorija precedentnykh edinic [Category of precedent units]. *Nauchnyi vestnik Voronezh. gos. arh.-stroit. un-ta. Sovremennye lingvisticheskie i metodologicheskie issledovaniya – Scientific Newsletter Modern linguistic and methodical-and-didactic research*, 2008, no. 9, S. 61–70. (in Russian).
2. Zholkovski A.K., Shcheglov Yu.K. K ponjatijam "tema" i "pojeticheskij mir" [To the concept of "theme" and "poetic world"]. *Trudy po znakovym sistemam – Works on semiotic systems*, Tartu, 1975, no. 365, S. 143–167. (in Russian).
3. Kastrel' V.D. Recepcija sjuzheta o Venere i Tangejzere v literature vtoroj poloviny XIX v. (R. Vagner, O. Uayl'd) [Reception of the plot of Venus and Tannhäuser in the literature of the second half of the XIX century (R. Wagner, O. Wilde)]. *Vestnik RGGU. Ser. Istoriya. Filologiya. Kul'turologija. Vostokovedenie – Bulletin of Russian State Humanitarian University. History. Philology. Cultural Studies. Orientalism*. 2012, no. 18 (98), S. 171–179. (in Russian).
4. Kibalova L., Gerbenova O., Lamarova M. Iljustrirovannaja jenciklopedija mody [Illustrated Encyclopedia of Fashion], Praga, 1986. 608 s. (in Russian).
5. Leontovich O.A. Metody kommunikativnykh issledovanij [Methods of Communication Studies], Moskva, 2011. 224 s. (in Russian).
6. Maslennikova E.M. Voprosy otbora, perevoda i kommentirovaniya realij [Questions of selecting, translating and commenting realias]. *Lingvostranovedenie: metody analiza, psikhologii obuchenija. Yazyki v aspekte lingvostranovedeniya – Linguistics and area studies: analysis methods, the psychology of learning*, Moskva, 2010, part 1, S. 141–147. (in Russian).
7. Maslennikova E.M. Parametry rekonstruktsii kommunikativno-pragmaticheskoi intencii avtora [Options for reconstruction of the writer's communicative and pragmatic intentions]. *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo un-ta – Scientific Newsletter Modern linguistic and methodical-and-didactic research*, 2014, no. 1 (21), S. 130–141. (in Russian).
8. Neybert A. Pragmaticheskie aspekty perevoda [Pragmatic aspects of translation]. *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoy lingvistike – Questions theory of translation in foreign linguistics*, Moskva, 1978, S. 185–202. (in Russian).
9. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of Russian language], Moskva, 1981–1984. (in Russian).
10. Solov'jeva I.V. O vkluchenii termina «sobytie» v diskurs germenевtiki [On the inclusion of the term "event" in the hermeneutical discourse]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya – Vestnik of the Tver State University. Philology*, 2015, no. 2, S. 82–88. (in Russian).
11. Tarasov E.F. K postroeniyu teorii rechevoi kommunikacii [On the construction of the theory of verbal communication]. *Teoreticheskie i prikladnye problemy rechevogo obshcheniya – Theoretical and applied problems of speech communication*, Moskva, 1979. S. 5–147. (in Russian).
12. Tarasov E.F. Yazyk kak sredstvo translyatsii kul'tury [Language as a means of translating culture]. *Yazyk kak sredstvo translyatsii kul'tury – Language as a means of translating culture*, Moskva, 2000. S. 45–53. (in Russian).
13. Dervin B. Verbal Communication: Mandate for Disciplinary Invention // *Journal of Communication*, 1993, vol. 43, pp. 45–54.
14. Neubert A. Text and Translation. Leipzig, 1985. 168 p.

About the Author:

Evgeniya M. Maslennikova – PhD (Philology), Associate Professor of the English Language Chair at the Faculty of Foreign Languages and International Communication, Tver State University. Home address: Oktjabski prospekt, 79/19, Tver, Russian Federation, 170043. Tel.: 8-915-719-69-40. E-mail: e-maslennikova@inbox.ru; arakin2grammar@mail.ru.



РУССКАЯ ФОРТЕПИАННАЯ КУЛЬТУРА XX СТОЛЕТИЯ В АСПЕКТЕ НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМ МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Н.А. Говар

РАМ им. Гнесиных, 121069, Москва, Поварская 30-36



В данной статье освещаются некоторые проблемы отечественного фортепианного образования XX века в тесной взаимосвязи двух его сфер – профессиональной и любительской. Рассматривая их существование в различные периоды отечественной истории XX века, автор акцентирует внимание на том, что инструмент играл важную роль в духовной жизни общества на протяжении всего предыдущего столетия. Интенсивное развитие фортепианной культуры социалистического периода, обусловленное её тесной преемственностью с традициями русской фортепианной школы, нашло отражение в создании советской системы музыкального образования. Несмотря на её очевидные успехи, в современный период актуализируется проблема использования специализированных методик в области развивающей фортепианной педагогики. Это объясняется, в том числе, новыми «вызовами» сегодняшнего дня – острой потребностью в формировании широкого слоя просвещённых любителей музыки, а также постепенным вытеснением из сферы массового музыкального образования акустического инструмента и заменой его электронными аналогами.

В статье подчёркивается важность сохранения отечественных традиций в двух важнейших сферах фортепианной культуры, а также их развитие в рамках новых «гуманитарных технологий». Две ветви фортепианной культуры – профессиональная и любительская, – издавна сосуществующие в России, до сих пор ещё в значительной степени автономны. Всемирное развитие этих связей, их укрепление, основанное на содержательных аспектах – важнейшее дело современности, ибо «вопрос профессионализма и любительского освоения фортепиано в век господства масскультуры представляются нам равновеликими в значении своем» [7, с.2]. Долгая история инструмента в отечественной музыкальной культуре XX в. убедительно демонстрирует, что «фортепиано – один из символов высокой, «генной» культурной традиции. Это синоним Культуры, той самой, отразившей интеллектуальные возможности человека и определившей нравственные законы существования человечества» [7, с.2].

Ключевые слова: фортепиано, культура, русская пианистическая школа, профессиональное фортепианное образование, любительское музицирование.

Озвучивая тему данной статьи, мы вполне отдаем себе отчет в том, что касаемся сферы, поистине грандиозной в своих масштабах. Ее освещение в рамках краткого очерка задает определённые параметры изложению: здесь могут быть намечены лишь самые общие контуры проблемы, ее абрис, нуждающийся в последующей разработке и детализации. Первоначальным импульсом к размышлениям на «заданную тему» послужила рефлексия, связанная с констатацией того факта, что инструмент фортепиано, в течение значительного периода времени находившийся на авансцене культурной жизни общества, постепенно покидает свое место, уступая его различного рода электронным музыкальным устройствам. Вполне возможно, что недалёк тот час, когда акустическое фортепиано, продолжая терять в долгом историческом развитии завоеванные позиции, останется лишь в узком сегменте академического искусства.

Подобные мысли побуждают обратиться не только к истории инструмента в XX в., но и к самому понятию русской фортепианной культуры прошедшего столетия – самобытному и многогранному феномену, представляющему собой, тем не менее, малоизученное явление с точки зрения полноты составляющих его процессов. Такие важнейшие его сферы как профессиональное фортепианное образование, исполнительство и композиторское творчество, в той или иной степени являлись предметом научных исследований. Вместе с тем, рассматривая данное явление в более широком культурологическом аспекте, нельзя пройти мимо другого полюса его бытия – любительского музицирования, также имеющего в отечественной среде устойчивые исторические традиции.

Представляет несомненный интерес и сам инструмент фортепиано, на протяжении всего прошедшего столетия играющий в российском социуме особую, знаковую роль. В данной статье мы рассмотрим наиболее существенные вопросы взаимодействия различных сегментов отечественной фортепианной

культуры прошедшего столетия в аспекте определённых образовательных проблем.

XX век занимает в истории отечественной музыкальной культуры особое положение, во многом обусловленное трагическими изломами русской истории. Предлагаемая нами хронология изучения заявленной темы связана с самыми крупными её вехами и включает в себя следующие разделы: Серебряный век (1890-е – 1917 гг.), советский период (1917–1991 гг.), постсоветский период (1991 – 2016 гг.). При этом мы понимаем всю условность подобной периодизации, а также учитываем внутреннюю неоднородность указанных отрезков времени, в течение которых происходили значительные социокультурные изменения, затрагивавшие все аспекты жизни общества.

Серебряный век в истории музыкальной культуры – период активного формирования русской пианистической школы, характеризующийся появлением целого ряда выдающихся деятелей в области фортепианного исполнительства и образования. Её развитие во многом связано с особенностями национальной ментальности, определившей существенные черты отечественного фортепианного искусства. Анализируя их, А. Алексеев называет следующие важнейшие принципы, свойственные русской пианистической школе:

- «во-первых, глубоко серьёзное отношение исполнителя к искусству как к могучему средству воздействия на человека, воспитывающему всю его личность в целом;

- во-вторых, гармоничное развитие в исполнителе художественного мышления и мастерства, благодаря чему он оказывается в состоянии не только поставить перед собой большие художественные задачи, но и успешно разрешать их;

- в-третьих, широкий художественный кругозор исполнителя, умение его глубоко проникать в замыслы композиторов различных эпох и народов и стильно их интерпретировать, оставаясь в то же время индивидуальным са-

мобытным художником, творчески воссоздающим интерпретируемые образы и передающим их искренно, естественно, правдиво» [1, с.108].

Именно эти установки, последовательно проводимые в жизнь братьями Рубинштейн и их соратниками, не только привели к появлению на рубеже веков целой плеяды звезд первой величины – С. Рахманинова, А. Скрябина, Н. Метнера, С. Прокофьева, но и способствовали интенсивному развитию всего отечественного фортепианного образования. Эстафету корифеев по внедрению профессиональных основ в фортепианной сфере с энтузиазмом перенимали выпускники двух столичных консерваторий, к тому времени успешно функционировавших в России уже более 30 лет. В 1912 г. состоялось открытие ещё одной консерватории – в Саратове, что самым благотворным образом сказалось на развитии культурной жизни российской провинции.

Помимо профессиональных пианистических достижений, необходимо отметить и весьма показательный для этого времени всплеск интереса к инструменту со стороны широкого круга людей из самых различных слоев российского социума. Истоки небывалой популярности фортепиано в России коренятся во множестве причин наднационального характера:

- специфическое устройство самого инструмента, его универсальность, позволяющая воспроизводить музыку во всём богатстве мелодического, гармонического и фактурного её обрамления;
- фиксированный строй, при котором даже неопытный любитель способен извлечь верную в интонационном смысле мелодию...

Феномен фортепиано во многом обуславливает его дуалистическая природа. Об этом пишет, в частности, А. Малинковская, которая подчёркивает «два лица» фортепиано: в разных ситуациях – в исполнении музыки, обучении, композиторском творческом процессе, любительском музицировании оно используется преимущественно в своей *универсальной функции*, то есть как ин-

струмент музыки, или же в *уникальной функции*, как *музыкальный инструмент* [10, с. 42]. Действительно, возможности фортепиано поистине безграничны – широта диапазона, тембральное богатство, разнообразная динамическая палитра – все эти качества позволяют инструменту занимать совершенно особое положение в мире искусства.

«Оркестром в миниатюре» называли рояль Шуман и Лист. Универсализм инструмента заключается в присущей ему многогранности, раскрывающейся во множестве ипостасей: «Блистательный солист, рояль стал ещё и опорой ансамблевого музицирования, непременным спутником солирующего инструмента и голоса; ведущим инструментом познания музыки и обучения ей, носителем, хранителем и проводником музыкального искусства» [10, с. 42]. Причины популярности фортепиано в русском обществе заключаются, возможно, и в ментальности народа, помимо музыкальной одарённости обладающего ещё и особой отзывчивостью, восприимчивостью к иным духовным влияниям, способностью органично интегрировать в своей культуре общечеловеческие достижения.

Фортепианное искусство нашло живой и непосредственный отклик в России: тон этого «поющего дерева» (Г. Гейне) оказался удивительно созвучен русской душе. Пожалуй, более всего впечатляет сам факт стремительного распространения в нашей стране фортепиано, в краткие сроки (менее 150 лет!) прочно укрепившегося на авансцене отечественной культурной жизни. Итоги этого развития достаточно впечатляющи. Так, к началу XX в. были заложены профессиональные основы русской пианистической школы, позволившие ей впоследствии стать одной из самых авторитетных школ в мире, распространивших своё влияние далеко за пределами России.

Вместе с тем, помимо профессиональной пианистической культуры, в России издавна существовала и другая, более демократичная фортепианная традиция, связанная с домашним музицированием. Традиция эта, представляя собой весьма

распространённую европейскую практику, оказывала в целом значительное влияние на развитие отечественной музыкальной культуры¹. Игра на рояле рассматривается в просвещённом обществе не только как приятный досуг, но как действенный способ воспитания души. Интерес к занятиям на фортепиано присутствовал в дворянской среде на протяжении всего XIX столетия². К началу XX в. он охватывает и другие, разночинные слои российского общества. Пение и игра на фортепиано становятся излюбленным досугом множества русских семей, а газеты этого времени пестрят объявлениями о вновь открывающихся фортепианных школах и интенсивных курсах, позволяющих освоить игру на этом инструменте в самые сжатые сроки.

Как справедливо пишет исследователь фортепианной культуры Серебряного века И. Кольцова, «одной из отличительных черт искусства становится его обращённость к самому широкому кругу людей. Предпосылками для этого служили распространение образования, в том числе художественного, его доступность не только для элиты общества, но и для всякого одарённого, да и просто желающего учиться человека» [9, с.64]. А таких людей в России всегда было великое множество. Вот, например,

красноречивое свидетельство бывшего капельмейстера императорских театров П. Щуровского, касающееся положения дел в современном ему музыкальном образовании: «На 10000 занимающихся музыкой вообще приходится лишь один скрипач, виолончелист или флейтист, а остальные – пианисты» [17, с.27]. Сухие статистические данные начала века в области производства музыкальных инструментов подтверждают сказанное: «В 1913 году российские фабрики выпустили 1500 роялей и около 10000 пианино и все они были распроданы» [9, с.61].

Итак, фортепиано становится властителем дум самых широких кругов разночинной интеллигенции, а сам инструмент – неизменным атрибутом домашнего интерьера множества российских семей. При этом характерной чертой времени является «фортепианоцентризм», сказывающийся и в бурном развитии профессиональной фортепианной школы, и в возросшей популярности самого инструмента в среде просвещённых любителей музыки, и в расширении и обогащении фортепианного репертуара³.

Социальный запрос обуславливает появление новых тенденций в области музыкального образования. По словам Н. Толстых, «важным фактом отечественной музыкальной истории стало возник-

¹ О важной роли домашнего музицирования в создании прочного фундамента музыкальной культуры писал в своё время выдающийся немецкий пианист В. Гизекинг. Признавая, что любительское музицирование «в значительной степени должно оставаться средством, при помощи которого выявляются таланты и поощряется дальнейшее продвижение людей, ими обладающими», он акцентирует своё внимание на том, что «прежде всего такое музицирование должно помочь музыкально одарённым людям осознать их собственную одарённость» (см. Обучение игре на фортепиано по Леймеру-Гизекингу. М.: Классика - XXI, 2000. С. 82).

² Этот факт, кстати говоря, находит множественные подтверждения в русской литературе. Так, в «мемуарах русского космополита» Н. Набокова можно почерпнуть весьма примечательные сведения о музыкальном быте аристократов: «Покровское было полно музыкой – она звучала и в доме, и вне его. Одна из наших гувернанток превосходно играла на скрипке. Мать аккомпанировала ей на фортепиано. К несчастью, этот дряхлый инструмент (который, согласно легенде, освятили пальцы самого Чайковского) был безбожно расстроен. Несколько струн отсутствовало, а клавиши изнашивались. Гувернантку-скрипачку это, несомненно, раздражало, в то время как мать, поглощённая игрой, казалось, не замечала скрипа, скрежета и треска, издаваемого инструментом. Она любила играть на фортепиано, а я любил слушать ее игру. Мать придерживалась банального салонного репертуара, бесконечного попури, в котором *chansons tristes* соседствовали с «Молитвой» Девы Марии. Злосчастный древний инструмент перемалывал весь этот разномастный набор на свой лад, придавая ему определённое единство...» (см.: Набоков Н. Багаж. СПб: Издательство журнала «Звезда», 2003. 368 с.).

³ Надо признать, что, невзирая на крутые выражи отечественной истории, подобная тенденция сохраняется на протяжении всего XX века, определяя стойкий интерес и безусловную любовь к инструменту многих поколений уже советских людей.

новение в Москве и Петербурге частных музыкальных школ, основанных и руководимых выпускниками столичных консерваторий» [16, с.53]. Среди них были и такие заведения, как Общедоступное музыкальное училище В.Ю. Зюграф-Плаксиной (основано в 1891 г., ныне является музыкальным колледжем при Московской консерватории) и музыкальное училище сестер Гнесиных (1895 г.), послужившее отправной точкой для создания трехзвенной системы профессионального образования⁴. Интересно отметить, что несколько ранее, в 1870 г. появляется пансион Н. Зверева, всем своим укладом жизни напоминавший будущим специализированные музыкальные школы-интернаты⁵ – будучи прообразом уже совершенно иного времени.

Резюмируя все сказанное выше, можно сделать вывод о том, что на рубеже XIX-XX вв. происходят важные процессы в сфере формирования общего и специального фортепианного образования, обеспечившие его дальнейшее плодотворное развитие. Советский период в истории отечественной фортепианной культуры отмечен рядом крупных достижений. Продолжается успешное формирование национальной исполнительской школы. Её расцвет связан с именами Г.Г. Нейгауза, А.Б. Гольдштейна, К.Н. Игумнова, Л.В. Николаева, С.Е. Фейнберга и многих других музыкальных деятелей. Они воспитали поколение русских пианистов новой формации, которые смогли завоевать прочный авторитет на мировой музыкальной арене. Среди них – целое созвездие феноменальных дарований: С. Рихтер, Э. Гилельс, В. Софроницкий, М. Юдина, Л. Оборин, Я. Флиер, Я. Мильштейн, Р. Тамаркина. Правдой является и то, что этот список легко может быть продолжен.

Пожалуй, более всего впечатляет именно большое количество уникальных талантов, воспитанных советской фортепианной школой. Это обстоятельство, во многом объяснимое широко развитой преемственностью, издавна существовавшей в отечественной музыкальной культуре. Академическое исполнительское искусство в первые советские десятилетия, как представляется, являлось довольно «тихой гаванью» в бурном океане социалистических перемен⁶. Во многих других сферах жизни принадлежность к дореволюционной культуре расценивалась как факт, игравший негативную, а порой и трагическую роль в биографии некоторых строителей нового общества, но в исполнительском искусстве преемственность с прошлым негласно признавалась допустимой. Не потому ли в советский период столь значительными были успехи музыкального исполнительства, что катастрофическая чистка, произведённая коммунистами в русской культуре, затронула его неизмеримо меньше, чем иные сферы творчества? Как бы то ни было, но молодое советское исполнительское искусство в первые десятилетия его существования действительно развивалось семимильными шагами. Амбициозные планы социалистического государства в сфере культурной политики определяли положение дел и во многих областях музыкального образования.

Так, в 1935 г. впервые в мировой практике создается уникальная система музыкального образования, нацеленная на воспитание особо одаренных детей (ЦМШ). Специализированная школа при московской консерватории с одиннадцатилетним сроком обучения явилась образцом для создания аналогичных учебных заведений во многих городах

⁴ В 1920-м году оно было разделено на Детскую музыкальную школу и Училище. ГМПИ им. Гнесиных – высшая ступень музыкального образования (ныне РАМ им. Гнесиных) появляется в 1944 году.

⁵ Учениками Н. Зверева являлся ряд крупнейших отечественных пианистов, среди которых были А. Зилоти, Ф. Кенеман, С. Рахманинов, К. Игумнов, М. Пресман и многие другие. У него также брал уроки А. Скрябин.

⁶ Сталинский период сопровождался, как известно, жестокими репрессиями в отношении многих музыкальных деятелей, (прежде всего композиторов), которые, согласно новой советской идеологии, должны были создавать музыку для народа.

Советского Союза⁷. При консерваториях, появившихся в Казани, Горьком, Екатеринбурге, Новосибирске, Астрахани, Алма-Ате, Ташкенте, Фрунзе, Риге, Вильнюсе и других городах, создавались музыкальные школы, ставшие профессиональными кузницами в важнейшем деле подготовки музыкальных кадров. Значение их в развитии советского пианистического образования трудно переоценить. Помимо углублённого преподавания ряда специальных дисциплин, там царила особая атмосфера, пронизанная духом преданности и любви к музыке⁸.

В целом, важно отметить: система специализированных музыкальных школ на основе многолетней практики доказала свою высокую эффективность в деле профессионального пианистического образования. Так, выпускниками прославленной ЦМШ в различные периоды времени являлись В. Ашкенази, Н. Петров, А. Наседкин, М. Плетнев, Н. Луганский и многие другие воспитанники, составляющие цвет русского пианистического искусства⁹.

Советская власть, надо отдать ей должное, предпринимала значительные усилия по музыкальному просвещению народа¹⁰. Помимо основания специализированных одиннадцатилетних учреждений, другой амбициозной идеей социалистического государства являлась идея развития массового музыкального образования на базе семилетних школ, к слову сказать, с успехом воплощённая в жизнь. При этом одним из основных музыкальных инструментов, пользующимся наибольшей популярностью и в среде

просвещённых любителей музыки, и в среде неофитов, по-прежнему остаётся фортепиано – манящий отголосок Серебряного века, тонкая связующая цепь с миром иной культуры.

Введение семилетнего музыкального образования в масштабе огромной страны в действительности явилось революционным шагом, реально способствовавшим росту культурного уровня её населения. Семилетние музыкальные школы, наряду с домами культуры, нередко являлись единственными очагами цивилизации в самых отдалённых уголках страны. В соответствии с концепцией советского музыкального образования, они представляли собой первую ступень в трехзвенной профессионально-подготовительной системе, следующими этапами за которой становились училище и вуз.

Не отрицая большую роль ДМШ в деле приобщения масс к сфере музыкальной культуры, необходимо сказать и о реальных противоречиях, существующих в данной системе. Они носят глубинный характер и связаны с отсутствием четкой дифференциации в подготовке любителей и профессионалов. Программы обучения в семилетних школах, начиная с советской эры и заканчивая днём сегодняшним, являются не очень удачным «лекалом» профессиональной подготовки – отсюда минимальные навыки музицирования в классах фортепиано, малое количество изучаемых произведений, недостаток разнообразных форм работы. Концепция развивающего фортепианного обучения до сих пор не внедрена

⁷ Среди инициаторов её создания был и А.Б. Гольденвейзер, затративший на это немало времени и усилий.

⁸ Не обошлось, конечно, и без драматических коллизий, когда усилия, положенные на алтарь искусства, не приносили желаемых результатов и карьера концертирующего пианиста после многих лет жесточайших самоограничений и изнурительного труда оставалась всего лишь призрачной мечтой. Но разве эти случаи наблюдаются только в музыкальной сфере?

⁹ Тем более удивительна концепция реорганизации, озвученная не так давно в высоких эшелонах власти. Согласно высказанным идеям, предлагается начать специализированное музыкальное образование лишь с пятого класса. При этом абсолютно не учитываются особенности фортепианного обучения, которое во многом сродни профессиональному спорту – здесь также очень важно интенсивно развивать с самого раннего возраста все способности ребенка.

¹⁰ Чего стоит только одно радиовещание, охватившее своей сетью всю страну! Как известно, значительную долю его программ составляли трансляции классической музыки, что являлось мощным средством культурного воспитания народа.

в музыкально-образовательный процесс. Почему так происходит? Возникшую ситуацию отчасти можно объяснить отголосками романтической эстетики, разделившей исполнителей и композиторов на два «лагеря», отчасти – отсутствием внятной стратегии в системе музыкального образования.

Обратимся к первой причине. В романтическую эпоху на авансцену истории выдвигается пианист-виртуоз, блестяще владеющий исполнительской техникой. Колоссальные усилия, затрачиваемые на её освоение, приводят к тому, что импровизация и композиция как неотъемлемые формы музыкальной деятельности постепенно вытесняются из сферы компетенции музыканта-исполнителя. Концентрация лишь на исполнительских аспектах ведёт к выхолащиванию фортепианной подготовки, целью которой отныне становится лишь интерпретация нотного текста. Данная концепция, изначально основанная на узкоспециализированном подходе, становится основополагающим фактором в деле массового фортепианного образования, что негативно сказывается на его качестве.

Вторая причина, тесно связанная с предыдущей, заключается в необходимости дифференцированной подготовки педагогов для работы с музыкально одарёнными детьми и с детьми, для которых обучение игре на фортепиано не является профессиональным призванием. Несмотря на очевидную необходимость этого подхода, до сих пор не существует чётких и выверенных методик, ориентирующих выпускников высших учебных заведений на подобное разделение. Пытаясь сжато сформулировать эти отличия, коренящиеся в дифференцированной трактовке фортепиано как *музыкально-го инструмента* и *инструмента музыки*, подчеркнём принципиальный момент,

разделяющий два подхода: паритет музыкального начала и инструментального мастерства в случае специализированного обучения и безусловный приоритет музицирования¹¹ в сфере развивающей фортепианной педагогики¹².

В данной связи необходимо отметить, что консерватории и музыкальные вузы, в силу давних традиций советской эпохи, по-прежнему нацелены на выпуск специалистов самого узкого профиля. В частности, акцент в обучении пианистов делается, в основном, на выучивании концертных программ, несмотря на то, что сольное концертное музицирование – удел немногих избранных. Но так было далеко не всегда. Например, основатели Московской и Петербургской консерваторий – братья Рубинштейн – ясно понимали необходимость разделения учащихся с точки зрения их профессиональных перспектив. В учебных планах того времени существовали два профиля обучения – концертный и педагогический, что позволяло максимально эффективно дифференцировать контингент студентов и направлять их развитие в соответствии с выбранным направлением.

Тем не менее, обращаясь к достижениям советского периода, следует признать его важную роль в совершенствовании профессиональных основ фортепианного образования, а также немалые заслуги в дальнейшем развитии самого феномена отечественной фортепианной школы, завоевавшей к 90-м гг. XX в. одну из лидирующих позиций в мировом музыкальном искусстве. Одновременно вопрос целесообразного обучения игре на фортепиано широкого контингента любителей музыки остаётся одной из самых острых проблем советского образования.

Постсоветский период характеризуется нарастанием целого ряда проблем в отечественной культуре, обусловленных

¹¹ Музицирование – довольно широкое понятие, в которое мы включаем творческий процесс восприятия музыки посредством игры на фортепиано, а также её исполнение вне концертного зала.

¹² Одновременно стоит вспомнить высказывание Г.Г. Нейгауза: «Я не учитель фортепианной игры, я учитель музыки». Слова выдающегося педагога, воспитавшего элиту отечественного фортепианного искусства, одновременно представляются ориентиром для всех, кто так или иначе соприкасается с преподаванием предмета фортепиано. Ёмкий тезис Нейгауза, подчёркивающий безусловный приоритет музыкального начала в фортепианном обучении, до сих пор не теряет своей актуальности.

жёсткой идеологической ломкой привычных социальных представлений. Эти многосторонние и сложные процессы неумолимо затрагивают и сферу фортепианной культуры. Рассматривая вопросы существования профессиональной пианистической школы в настоящий период, необходимо отметить присутствие в нём новых тенденций, связанных с явлениями глобализации. Одна из важнейших примет времени – «внедрение европейских универсалий в жизнь индоконтинентальных пространств, [когда]... огромная Азия – от Кореи до Индонезии – оказалась пленённой прелестями европейского пианизма». [8, с. 2].

По этой причине громадная армия азиатских виртуозов штурмует сегодня подмостки сцен самых влиятельных фортепианных конкурсов, ошеломляя слушателей, прежде всего, своим феноменальным пианистическим мастерством. Именно виртуозный аспект исполнения как вполне самодовлеющий его элемент, становится ныне, с лёгкой руки азиатских пианистов, доминирующим в фортепианном искусстве. Однако в шуме восторженных оваций нередко забывается главное: «человеку, возраставшему в сугубо неевропейском культурном контексте, почти невозможно слиться с глубинными течениями океана идей, смысловых значений и откровений, выраженных в великой совокупности классического фортепианного наследия» [8, с. 2]. Затрагивая вопрос о наследии, интересно представить и мнение противоположной стороны. Многие азиатские музыканты говорят сегодня о том, что они «сохраняют для Европы ее музыкальное наследие, которое в самой Европе не то, что перестает быть актуально, но утрачивает какой-то нерв новизны...» [14].

А что же русская фортепианная школа? Как она реагирует на новые вызовы современности?

В данном контексте стоит упомянуть о том, что в последнее время актуализировалась полемика о том, существует ли на самом деле такое понятие – русская фортепианная школа – или это не более

чем миф, поддерживаемый приверженцами «особого национального пути» России. На этот счёт существуют весьма разнообразные мнения, высказываемые множеством авторитетных музыкантов:

- с точки зрения, например, Н. Луганского, это системность образования, «профессиональные занятия игрой на фортепиано с семи лет» [4, с.8];

- в представлении Д. Башкирова понятие «русская фортепианная школа» включает в себя, прежде всего, «искренность и свободу музыкального высказывания» [5, с.8];

- Д. Мацуев акцентирует в своей интерпретации национально-ментальный ракурс: «класс – это семья, ученики – как дети, к каждому относятся как к родному» [3, с.10];

- Е. Королев видит в нем отсутствие догмы: «Главное достоинство русской школы заключалось в том, что она... не была школой» [6, с.22];

- Е. Рихтер не смог дать точный ответ на этот вопрос, потому что «нет ответа на вопрос, что есть жизнь» [11, с. 11];

- один из крупнейших музыкантов современности Г. Соколов вообще отрицает само понятие «школа»: «Я вообще считаю, что понятия школы нет... Николаев говорил, что школа – это то, от чего отходят. А Шнабель раздражался, когда про него, когда он уже был в Америке, говорили “немецкая школа”. Какая немецкая школа? Есть хорошие исполнители, есть плохие, интересные или нет... Но почему немецкая? Неужели Гленн Гульд – это канадская школа? Гульд – это Гульд» [15, с.5];

- русско-швейцарский пианист К. Щербаков считает, что сегодня вряд ли представляется возможным говорить об определённых национальных музыкальных школах «из-за открытия границ, превращения земного шара в одну глобальную деревню, частых переездов профессуры и развития звукозаписывающей индустрии» [14].

Таким образом, спектр мнений относительно существования национальных фортепианных школ вообще и русской

фортепианной школы, в частности, весьма широк. Тем не менее, трудно спорить с очевидными фактами: в самых престижных учебных заведениях Европы и Америки сегодня преподают русские пианисты и выходцы из СССР, а фортепианное образование, полученное в ведущих вузах России, по-прежнему высоко котируется в мире. Значит, всё же существуют некие константы, позволяющие говорить о национальных традициях в фортепианном обучении. Одновременно нельзя не замечать и кризисных тенденций, связанных с уходом из жизни корифеев фортепианного мастерства, с измельчанием фигур, находящихся сегодня в первых строчках профессиональных рейтингов, а также с продолжающимся отъездом за границу молодых талантливых музыкантов...

И всё же, несмотря на непростое положение в сфере профессионального фортепианного образования, выскажем осторожный оптимизм: традиция эта не прервется, слишком глубоки ее корни. Но большую тревогу вызывает положение дел в массовом фортепианном обучении. Обращаясь ко дню сегодняшнему, необходимо признать, что в современном образовательном процессе по-прежнему остро не хватает развивающих методик и программ, способствующих воспитанию просвещённых любителей музыки.

С концептуальной точки зрения, этот вопрос находится в сфере новых «гуманитарных технологий». «Современная культура настойчиво предлагает социальному субъекту опираться не на бесконечно расширяющуюся сферу эрудиции, а скорее грамотно управлять с уже имеющимся объёмом знаний, продуктивно определяя те направления, в которых необходимо увеличение (или, наоборот, сужение) информационного потока (преимущественно инновационного, то есть постоянно качественно обновляющегося)» [13, с. 407]. Именно сегодня, когда приоритет культурологической роли массового музыкального образо-

вания становится особенно очевидным, необходимо кардинальное переосмысление существующих в нем методик и подходов, речь о которых шла выше.

С другой стороны, бурное развитие электронных технологий вытесняет акустическое фортепиано из массовых музыкальных учреждений, где происходит стремительная замена его электронными инструментами. При этом вполне возможен пессимистический вариант развития событий, при котором акустическое фортепиано останется лишь в узком сегменте академической культуры. Парадокс, тем не менее, заключается в том, что электронные аналоги, обладая широкой палитрой тембральных возможностей, совершенно не способны его заменить в силу ряда несомненных преимуществ, присущих акустическому фортепиано, главное из которых – способность к живому, одухотворённому звучанию¹³.

Вместе с тем, рассматривая оппозицию «фортепиано – синтезатор», нельзя пройти и мимо противоречий, касающихся реальных условий существования инструмента фортепиано в России. Одно из главных – противоречие между «идеей фортепиано» и тем реальным инструментарием, с которым соприкасается сегодня и профессионал, и любитель. В недавно опубликованных статистических данных указано количество инструментов, необходимых для нормального функционирования музыкально-образовательного процесса в нашей стране. Цифра эта весьма впечатляет: в общей сложности нам требуется 250000 роялей и фортепиано¹⁴. Отсутствие традиций в России в области фортепианостроения, а также квалифицированных кадров в области модернизации инструментов, способных реанимировать российский инструментальный парк, – главные проблемы технического обеспечения музыкального образования во всех его структурах. Без решения этих проблем невозможно го-

¹³ См. подр.: Говар Н.А. Фортепиано или синтезатор? Опыт сравнения двух инструментов в эпоху постмодернизма. Музыка и время. № 5. 2015. С. 25-28.

¹⁴ См.: Авдеев А. Инструмент: природа, практика жизни и судьба. Pianoforum. 2011. №2. С.58.

ворить о качественном обучении в нашей стране ни профессионалов, ни любителей.

Завершая данный очерк, посвящённый некоторым проблемам отечественной фортепианной культуры XX в., подчеркнём мысль, как нам представляется, достаточно актуальную в контексте современности. Многогранные связи профессиональной и массовой фортепианной культуры, не столь очевидные на первый взгляд, тем не менее, глубоко закономерны по своей сути. В основном они проходят по линии «исполнитель-слушатель», когда массовые музыкальные учреждения готовят просвещённых слушателей для академических концертов. Но не только. Нередки случаи появления именно в массовой музыкальной среде самородков, обладающих редким талантом. Смогут ли они проявиться в культурной пустоши? Ответ на этот вопрос более чем предсказуем.

В данном контексте следует отметить, что две ветви фортепианной культуры – профессиональная и любительская – издавна сосуществующие в России, до сих пор ещё в значительной степени автономны. Всемирное развитие этих связей, их укрепление, основанное на содержательных, а не формальных аспектах – важнейшее дело современности, ибо «вопрос профессионализма и любительского освоения фортепиано в век господства массовой культуры представляются нам равновеликими в значении своём» [7, с. 2]. Долгая история инструмента в отечественной музыкальной культуре XX века убедительно демонстрирует, что «фортепиано – один из символов высокой, “генной” культурной традиции. Это синоним Культуры, той самой, еще не оставленной Духом культуры, отразившей интеллектуальные возможности человека и определившей нравственные законы существования человечества» [7, с. 2].

Список литературы:

1. Алексеев А. Русские пианисты: очерки и материалы по истории пианизма. Вып. 2. М-Л.: Госмузиздат, 1948. 311 с.
2. Авдеев А. Инструмент: природа, практика жизни и судьба // Piano Форум. 2011. №2. С. 58 – 59.
3. Броканова М. Мой рецепт от усталости – сценотерапия / Интервью с Д. Мацуевым // Piano Форум 2011. №3. С. 8 – 13.
4. Броканова М. Пианист – это образ жизни / Интервью с Николаем Луганским // Piano Форум. 2010. №2. С. 4 – 10.
5. Броканова М. Успехи учеников радуют меня больше, чем мои собственные / Интервью с Дмитрием Башкировым // Piano Форум. 2010. №4. С. 3–8.
6. Бялик М. Главное достоинство русской школы заключалось в том, что она... не была школой. Отсутствовала догма / Интервью с Е. Королевым // Piano Форум. 2011. №2. С. 16 – 23.
7. Задерацкий В. В диапазоне восьми октав // Piano Форум. 2010. №1. 1–2.
8. Задерацкий В. Переступая грань десятилетий // Piano Форум. 2010. №4. С. 1– 4.
9. Кольцова И. Генезис и пути развития русского фортепианного искусства Серебряного века. СПб, 2012. 186 с.
10. Малинковская А. Класс основного музыкального инструмента. Искусство фортепианного интонирования.– М.: Владос, 2005. 381 с.
11. Николаева Н. Что есть русская фортепианная школа / Интервью с Е. Рихтер // Piano Форум. 2010. №4. С.11.
12. Обучение игре на фортепиано по Леймеру-Гизекину. М.: Классика- XXI. 2009. 211 с.
13. Силантьева М. Современные «гуманитарные технологии» в контексте российской действительности // Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славянские народы во времени и пространстве. М., 2009. С. 406 – 418.
14. Смирницкий Я. Бетховен начинается с чистого листа / Беседа с пианистом К. Щербаковым // Московский комсомолец. 2016, 30 января.
15. Тамбовская Н. Как человек живёт, так он и играет. Интервью с Г. Соколовым // Piano Форум. 2010. №3. С. 4–10.

16. Толстых Н. От «московской достопримечательности» к мировой известности: 1881 – 1905 // Piano Форум. 2011. №2. С.48 – 53.
17. Щуровский П. Как надо учить наших детей музыке. М.:Тип.-лит. Товарищества «И.Н. Кушнерев и К», 1898. 40 с.

Об авторе:

Говар Наталья Алексеевна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры фортепиано РАМ им. Гнесиных, 121069, Москва. Поварская д. 30-36. Специализация по музыкальному искусству. E-mail: nataliagovar@mail.ru.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04 -00228.

RUSSIAN PIANO CULTURE OF THE 20TH CENTURY IN THE CONTEXT OF MUSIC EDUCATION PROBLEMS

N.A. Govar

Moscow RAM named after Gnesiny, 121069, Moscow, Russian Federation, Povarskaya str., 30/36.

Abstract. *This article covers some problems of the Russian piano education of the 20th century relating to its two spheres closely interrelated – professional and amateur. Considering their existence in different periods of the Russian 20th century history, the author focuses on the fact that the piano has played an important role in society spiritual life throughout the previous century. Piano culture intensive development during the socialist period, caused by its continuity with the traditions of the Russian piano school, is reflected in the creation of the Soviet musical education. Despite its obvious success, in the modern period the problem of using specialized techniques in the field of developing piano pedagogy becomes actual. It is explained by the need for the formation of a broad stratum of educated music lovers, as well as by the gradual acoustic instrument displacement from the sphere of mass musical education and replacing it with electronic analogues. The article stresses the importance of preserving national traditions in the two spheres of piano culture, as well as their development in the framework of the new concept of «human technology».*

Key words: *piano, culture, Russian piano school, professional piano education, mass music education.*

References:

1. Alekseev A. Russkie pianisty: ocherki i materialy po istorii pianizma. [Russian pianists: sketches and materials on the history of pianism]. Moscow, Leningrad, Gosmuzizdat, 1948. 311 p. (in Russian)
2. Avdeev A. Instrument: priroda, praktika zhizni i sud'ba. [Piano: the nature, the practice of life and destiny.]. Piano Forum, 2011, no2, pp. 58 – 59 (in Russian).
3. Brokanova M. Moi retsept ot ustalosti – stsenerapiia. [My recipe from tiredness is playing on stage] Interv'iu s D. Matsuevym – Interview with Denis Matsuev. Piano Forum, 2011, no 3, pp. 8 – 13 (in Russian).
4. Brokanova M. Pianist – eto obraz zhizni [The pianist is a way of life] Interv'iu S Nikolaem Luganskim – Interview with Nikolai Lugansky. Piano Forum, 2010, no 2, pp. 4 – 10 (in Russian).
5. Brokanova M. Uspekhi uchenikov raduiut menia bol'she, chem moi sobstvennyye [Students successes delight me more than my own] Interv'iu s Dmitriem Bashkiryovym – Interview with Dmitry Bashkirov. Piano Forum, 2010, no 4, pp 3–8 (in Russian).

6. Bialik M. Glavnoe dostoinstvo russkoi shkoly zakliuchalos' v tom, chto ona... ne byla shkoloj. Otsutstvovala dogma [The main advantage of Russian schools was the fact that she ... was not the school. There was no dogma]. Interv'iu s E. Korolevym – Interview with E. Korolev. Piano Forum, 2011, no 2, pp. 16 – 23 (in Russian).
7. Zaderatskii V. V diapazone vos'mi oktav [In the range of eight octaves]. Piano Forum, 2010, no1, pp.1-2 (in Russian).
8. Zaderatskii V. Perestupaia gran' desiatiletii [Crossed the line decades] Piano Forum, 2010, no 4, pp. 1– 4 (in Russian).
9. Kol'tsova I. Genezis i puti razvitiia russkogo fortepiannogo iskusstva Serebriannogo veka [The genesis and the development of Russian piano art of the Silver Age]. S.-Peterb. Ros. gos. ped. universitet, Saint-Petersburg, 2012, 186 p. (in Russian)
10. Malinkovskaia A. Klass osnovnogo muzykal'nogo instrumenta. Iskusstvo fortepiannogo intonirovaniia [The class of the main musical instrument. The art of the piano intonation]. Moscow, Vlado, 2005. 381 p. (in Russian)
11. Nikolaeva N. Chto est' russkaia fortepiannaia shkola [What is the Russian piano school]. Interv'iu s E. Rikhter – Interview with E. Rikhter. Piano Forum, 2010, no 4, p.11. (in Russian)
12. Obuchenie igre na fortepiano po Leimeru-Gizekingu [Learning to play the piano by Leimer-Gizeking]. Moscow, Klassika- XXI, 2009. 211 p. (in Russian)
13. Silant'eva M. Sovremennye «gumanitarnye tekhnologii» v kontekste rossiiskoi deistvitel'nosti [Modern “humanitarian technologies” in the context of Russian reality], Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii. Rossiia i slavianskie narody vo vremeni i prostranstve [Slavic world in the third millennium. Russian and Slavic peoples in time and space], Moscow, 2009. P. 406 – 418 (in Russian).
14. Smirnitskii Ia. Betkhoven nachinaetsia s chistogo lista [Beethoven begins with a clean page]. Beseda s pianistom K. Shcherbakovym – Interview with pianist K. Scherbakov, Moskovskii komsomolets, 2016, Jan.30 (in Russian).
15. Tambovskaja N. Kak chelovek zhivet, tak on i igraet [As a man lives, the way he plays]. Interv'iu s G. Sokolovym – Interview with G. Sokolov. Piano Forum, 2010, no 3, pp.4–10 (in Russian).
16. Tolstykh N. Ot «moskovskoi dostoprimechatel'nosti» k mirovoi izvestnosti: 1881 – 1905 [From “Moscow landmarks” to world fame: 1881–1905]. Piano Forum, 2011, no 2, pp.48 – 53 (in Russian).
17. Shchurovskii P. Kak nado učit' nashikh detei muzyke [How should we teach our children to music]. Moscow, «I.N. Kushnerev i K», 1998. 40 p. (in Russian)

About the Author:

Natalia A. Govar – PhD (Art Studies), Associate Professor of Piano in Moscow RAM named after Gnesiny, 121069 Moscow, Russian Federation, Povarskaya str., 30/36. E-mail: nataliagovar@mail.ru.



РУССКИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ АВАНГАРД НАЧАЛА XX ВЕКА В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

О.А. Лызлова

Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.



Авангардные явления в XX в. приобретают значение глобального культурного феномена, став, по существу, его символом. Без авангарда невозможно себе представить облик XX столетия. И, тем не менее, исследование русского музыкального авангарда первой волны остаётся крайне актуальным, так как в силу идеологических причин, этому уникальному явлению не уделялось должного внимания в отечественной науке. В настоящей статье автор рассуждает о двойственности самой «природы» авангарда, его способности противостоять традиции, и, в то же время,

активно взаимодействовать с ней, создавая условия синтеза новых, интересных и перспективных форм. Рассматриваются ключевые фигуры русского музыкального авангарда первой волны, такие как:

- Н. Кульбин, фактически подготовивший в статье «Свободная музыка» теоретическую базу для основных идей русского музыкального авангарда;
- И. Вышнеградский, продолжающий, вслед за Кульбиным, не только теоретически разрабатывать четвертитоновую технику, но и применять её для создания музыкальных произведений, новых инструментов.

В работе уделяется внимание и тем композиторам, кто пытался идти своим новым, самостоятельным путём, изобретая «авторские» системы звукоорганизации музыкальной ткани, среди них:

- А. Авраамов, придумавший музыкальную систему, где октава делится на 48 равных интервалов;
- Н. Обухов, независимо от А. Шёнберга разработавший концепцию 12-ти тоновой атональной техники.

Автором разбираются основные теоретические идеи музыкального авангарда и их практические воплощения, проводится историческая аналогия с современными музыкальными направлениями. Анализируются причины столь непродолжительной жизни русского музыкального авангарда и его значения для мировой музыкальной культуры.

Ключевые слова: русский музыкальный авангард, авангард первой волны, музыкальный язык, микрохроматика, новая темпeрация, новая система звукоорганизации, атональность, Н. Кульбин, И. Вышнеградский, А. Авраамов, Н. Рославцев, А. Лурье, «Победа над солнцем».

Русский музыкальный авангард начинается свой сложный, но в то же время яркий и динамичный путь, в начале XX в., в период, когда создавался новый творческий контекст, определивший в дальнейшем основные направления в развитии русской и европейской культуры. Социально-политические перемены, конфликтность и неоднозначность общекультурных процессов отразились в музыке поисками новых эстетических течений, выразительных средств. Технические новшества активно внедрялись в повседневную жизнь и искусство, обогащая новыми «урбанистическими» звуками, ритмами и образами.

Наряду с этим, в эпоху первого авангарда внимание переключается на область архаического пласта культуры. Композиторы и художники ведут поиск простых чистых форм, во многом обращаясь к фольклору. В этот период переосмысливаются многие основные музыкальные категории, такие как звук, гармония, тембр. Специфичный культурный климат конца XIX - начала XX вв. создал почву для искусства, отрицающего художественный опыт прошлого. Так, уже к концу XIX в. некоторые композиторы, остро ощущая перемены в устройстве жизни и социальные кризисы, начинают осознанно заниматься поиском принципиально нового языка и формы. К слову сказать, проблема разработки нового языка заняла центральное место во всех искусствах того времени и предопределила художественную парадигму всего XX столетия [4].

В конце 1910-х гг. возникают первые атональные произведения Скрябина, в чьём творчестве русские авангардисты первой волны видели своего предтечу. Тогда же, разрабатывается идея «освобождения звука», по аналогии с освобождением слова в литературе или цвета в живописи, что привело к кардинальному переосмыслению традиционной равномерной системы темпериции, утвердившейся в европейской музыке ещё со времен И.С. Баха. Причём речь шла именно об отказе от ладогармонической системы, ограничивавшей (по мнению авангарди-

стов) возможности человеческого слуха, и полной перестройке звуковысотных отношений.

Естественно, столь глобальная цель требовала солидного теоретического фундамента и методологии. В этой связи уместно упомянуть о Н. Кульбине, сыгравшем значительную роль в разработке этой, а также и многих других авангардных идей. Военный врач по профессии, на протяжении всей жизни увлекавшийся искусством и особенно живописью, Кульбин проявил себя как талантливый организатор выставок, пропагандист и теоретик авангарда. В своей статье «Свободная музыка» сформулировал основы четвертитоновой музыки, активно разработанной в дальнейшем его последователями. В своих теоретических рассуждениях Кульбин предвосхитил введение в музыку малых интервалов (более мелких, чем полутон), взяв за основу «музыку природы» как главный параметр «свободной музыки».

В 1910-е гг. в России выдвигаются видные творческие фигуры, развивающие музыкальную культуру уже на атональной основе: И. Вышнеградский, Н. Обухов, Н. Рославец, А. Лурье, А. Авраамов и др. Почти все первые авангардисты увлекались очень модным в 1910–1920-е годы музыкальным направлением – микрохроматикой, в связи с этим разрабатывали новые системы звукоорганизации, изобретали инструменты, способные воспроизводить новую сонорность, так как старые, особенно клавишные, были для этого не пригодны [2].

Основываясь на теоретической базе, подготовленной Н. Кульбиным, композиторы активно развивали идею четвертитоновой музыки, в частности. И. Вышнеградский продолжал работать в четвертитоновой технике, находившись уже в эмиграции. А. Авраамов изобрёл собственную «универсальную музыкальную систему», в которой октава делится на 48 равных интервалов, применяя к созданию музыки больше научно-математический подход, нежели художественный. Не будет преувеличе-

нием сказать, что в «борьбе» с темперированным строем Авраамов пошёл дальше своих коллег. Он призывал отказаться не только от «порочного», закрепощающего слух темперированного строя, но также от традиционных инструментов и написанного для них репертуара [3]. Как и многие композиторы и теоретики тех лет, Авраамов небезосновательно связывал своё новаторство с фольклорной традицией. Создавая «музыку будущего», авангардисты опирались на традиционные аналоги: микрохроматика существовала в музыкальных культурах Востока, Античности и даже в эпоху Возрождения. Помимо четвертитоновой техники, Авраамов активно участвует в разработке электроакустического звука, а «Симфония гудков» предвосхитила направление «конкретная музыка».

Николай Рославец в начале 1910-х гг. разработал собственную систему звукоорганизации, так называемые «синтетаккорды», а Николай Обухов, независимо от А. Шёнберга, создал концепцию 12-ти тоновой атональной техники. Попыты бестактовой нотной записи, по существу, приводят А. Лурье к «графической музыке», в которой изобразительная сторона графического ряда вполне равноправна по отношению к музыкальной. Направление «графическая музыка» активно развивалось во второй половине XX в. [1, с.60].

Музыкальная жизнь в те годы развивалась в активном взаимодействии с жизнью художественной и литературной. В 1913 г. в Петербурге состоялась премьера одной из самых провокационных и нестандартных постановок XX в. – футуристической оперы поэтов В. Хлебникова и А. Кручёных, композитора М. Матюшина и художника К. Малевича «Победа над солнцем», которая должна была стать произведением алогизма слова, музыки и изображения, символом победы над пережитками прошлого [5].

В результате революционных событий 1917 г. из России эмигрировал ряд крупнейших музыкантов, в том числе и представителей авангарда. Тем не менее, в 1920-е гг. уже в Советской России

появляется новая плеяда талантливых композиторов-авангардистов: А. Мосолов, В. Дешевов, Г. Попов и др. От зарубежных коллег их творчество отличалось новой, специфичной тематикой, обусловленной советской идеологией, пафосом и оптимизмом строительства новой жизни. Музыканты группировались в основном вокруг Ассоциации современной музыки (АМС), ориентированной на новаторские музыкальные идеи, и Российской ассоциации пролетарских музыкантов (РАПМ), поддерживающей идеологизированный подход. Но уже в 1930-е гг. из-за смены направления культурной политики и идеологического давления авангардные течения были подвергнуты критике.

По существу, не только это было причиной кризиса новаторской музыки. Часто то или иное направление в искусстве является веянием времени, которое постепенно себя исчерпывает. В определённой степени это относится и к авангарду: «То, что отрицалось авангардистами первой волны, либо уже кануло в Лету, либо стремительно канонизировалось в новых условиях. Новизна начинала раздражать, мускульный жесткий антипсихологизм – отталкивать», – справедливо отмечают И. Воробьев и А. Синайская. Поэтому некоторые композиторы самостоятельно проявляли тенденцию к упрощению стиля [1, с.16]. В результате первый русский музыкальный авангард фактически прекратил своё существование: одни композиторы были вынуждены уехать из СССР, другие сменить род деятельности.

Что же касается И. Стравинского, С. Прокофьева и Д. Шостаковича, то для них авангард не стал смыслом творческой жизни: к этому направлению можно отнести лишь отдельные периоды их творчества, как и позднего Скрябина, гармоническое письмо которого уже отходит от традиционной ладогармонической системы. Незамкнутость в рамках «авангардной идеи» помогла им творчески эволюционировать: со временем каждый из них выработал свой индивидуальный узнаваемый стиль. Но для многих других музыкантов авангард был не

просто новым модным направлением в искусстве, а скорее «новой идеологией». Утратив свой стиль, они будто теряли «почву под ногами», продолжая писать гораздо менее интересную и качественную, что никак не относится к Стравинскому, Прокофьеву и Шостаковичу.

Процесс исследования и популяризации русского авангарда первой волны осложняет ещё и довольно небольшое количество сохранившихся законченных и «играемых» опусов. Причём заведомо известно, что какие-то произведения были обречены на невозможность адекватной реализации замыслов, а какие-то при воссоздании теряют множество своих ценных качеств. И тем не менее, значение первого русского авангарда огромно для музыкальной культуры: почти всё, к чему музыкальная культура постепенно

пришла к концу XX в. (электроакустическая музыка, графическая, конкретная музыка, сериализм, сонористика и т.д.) зародилось в результате авангардных экспериментов [4].

В целом, говоря о русском музыкальном авангарде начала XX в., можно отметить следующее: русские композиторы не представляли единого направления, а наоборот, каждый занимал свою собственную позицию, нарочито демонстрируя свою степень новаторства, что существенно отличает его от европейского. Музыкальная жизнь того времени представляла собой не только авангардные течения, но и традиционные, однако именно авангард через смелые эксперименты открыл новые пути в развитии музыкальной культуры.

Список литературы:

1. Воробьев И., Синайская А. Композиторы русского авангарда. СПб.: Композитор – Санкт-Петербург, 2007. 160 с.
2. Левая Т. Русская музыка начала XX века в художественном контексте эпохи. М.: Музыка, 1991. 166 с.
3. Румянцев С. Арс Новый или Дела и приключения безустального казака Арсения Авраамова М.: ООО «Дека-ВС», 2007. 252 с.
4. Папенина А., Музыкальный авангард середины XX века и проблемы художественного восприятия. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2008. 152 с.
5. Якимович А. Двадцатый век. Искусство. Культура. Картина мира: От импрессионизма до классического авангарда. М.: Искусство, 2003. 491 с.

Об авторе:

Лызлова Ольга Александровна – аспирантка кафедры философии МГИМО МИД России. E-mail: lizlova.olga@yandex.ru.

RUSSIAN AVANT-GARDE MUSIC OF THE EARLY 20TH CENTURY IN THE MODERN CULTURE

O.A. Lyzlova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract. *Avant-garde became a global cultural phenomenon of the 20th century, essentially symbolizing the epoch. It's impossible to picture the 20th century image without avant-garde. Nevertheless, the study of the Russian first wave musical avant-garde is still challenging since this unique*

phenomenon was neglected by national science on ideological grounds. In this article the author discusses the dual character of avant-garde, its ability to resist tradition, interacting with it at the same time and creating conditions for the synthesis of new, interesting and promising forms. The article presents key personalities of the Russian first wave musical avant-garde, such as: N. Kulbin, actually elaborating theoretical foundation of the Russian avant-garde music reflected in his article "Free music"; I. Vyshnegradsky, following N. Kulbin and proceeding to investigate theoretically the technique of quarter tones as well as to use it for music and new instruments' creation. The paper also focuses on those composers who followed their own independent way inventing original systems of sound organization, among them: A. Avraamov, who invented a musical system with the octave divided into 48 equal intervals; N. Obukhov who developed the concept of 12-tone atonal techniques apart from A. Schoenberg. The author examines the main theoretical ideas of the musical avant-garde and their practical implementations, presents historical parallels with current musical trends, and analyzes the reasons for the Russian musical avant-garde short life and its significance for world music.

Key words: Russian musical avant-garde, the vanguard of the first wave, musical language, microchromatic, new temperament, a new system of organization of sound, atonality, N. Kulbin, I. Vyshnegradsky, A. Avraamov, N. Roslavets, A. Lurie, "Victory over the sun".

References:

1. Vorob'ev I., Sinaiskaia A. *Kompozitory russkogo avangarda* [The composers of the Russian avant-garde]. Saint-Petersburg, Kompozitor Sankt-Peterburg, 2007. 160 s. (in Russian)
2. Levaia T. *Russkaia muzyka nachala 20 veka v khudozhestvennom kontekste epokhi* [Russian music of the early 20 century in the artistic context of the era]. Moscow, Muzyka, 1991. 166p. (in Russian)
3. Rumiantsev S. *Ars Novyi ili Dela i prikliucheniia bezustal'nogo kazaka Arseniia Avraamova* [ARS New or Tnings and adventures bezustalnogo Cossack Arseniy Avraamov]. Moscow, OOO «Deka-VS», 2007. 252p. (in Russian)
4. Papenina A. *Muzykal'nyi avangard serediny 20 veka i problemy khudozhestvennogo vospriiatiia* [The avant-gard music of the mid-twentieth century and the problems of art perception]. Saint-Petersburg, SPbGUP Publ., 2008. 152p. (in Russian)
5. Iakimovich A. *Dvadtsati vek. Iskusstvo. Kul'tura. Kartina mira: Ot impressionizma do klassicheskogo avangarda* [the twentieth century. Art. Culture. Picture of the world. From impressionism to classical avant-gard]. Moscow, Iskusstvo, 2003. 491p. (in Russian)

About the Author:

Olga A. Lyzlova – PhD student of the Department of Philosophy of MGIMO (University). E-mail: lizlova.olga@yandex.ru.



ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИЙ КАЛЛИГРАФИИ НА ВОСТОКЕ И ЗАПАДЕ

Е.М. Куланина

Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.



Искусство каллиграфии находится на стыке традиций культуры, науки, образования, философии и религии. В статье каллиграфия рассматривается с точки зрения традиционных и современных подходов, имея в виду историю использования каллиграфии после изобретения печатного станка или основанных на социально-культурных потребностях человека в современных условиях информатизации и компьютеризации общества.

Автором проанализированы традиции каллиграфии, применяемые в обучении и практическом использовании рукописного письма, а также рассмотрены ключевые моменты исторического диалога между Востоком и Западом в данном виде искусства. Рассматриваются происходящее в последнее время переосмысления ценностей и традиций искусства прошлого, настоящего и будущего, существенное современное воздействие индивидуального опыта на восприятие мира и поведение людей.

В статье предложены современные методы в изучении каллиграфии, её традиций и развития в различных культурах и то, каким образом они способны разрешить имеющиеся на данный момент предпосылки дисграфии, а также формировать определённый навык красивого письма у учащихся и в организации их личности. Это, в свою очередь, зависит от множества факторов: степени включённости человека в культурное развитие страны, его умения сохранять, восполнять и правильно ориентироваться в культурном разнообразии мировых исторических традиций и т.д.

Автор предлагает считать главным аспектом диалога культур Востока и Запада, рассматриваемого на примерах взаимодействия культур, учитывая и динамичный образ современной жизни, складывание новой ценностной системы каллиграфии как одного из видов искусства. В статье также актуализируется поиск новых понятий культурной реальности, обуславливающей формирование человеческой личности в условиях информационного общества.

Ключевые слова: каллиграфия, традиции, культура, культурная реальность, культурные традиции, искусство, письмо, диалог культур, Восток, Запад, вызовы времени.

Жанр изобразительного искусства каллиграфия насчитывает тысячелетия исторического развития, имеет глубокие корни с начала возникновения письменности. Многие учёные спорят до сих пор о том, где происходит разделение в определениях понятий «письмо» и «каллиграфия». Каллиграфия считается видом утончённых изящных искусств, основанных на национальных традициях многих стран мира. Согласно определению, понятие «каллиграфия», образованное от греческого языка, означает «красивый почерк». Также каллиграфию называют искусством красивого письма и оформления знаков в экспрессивной, гармоничной и искусной манере [6, с.18].

Человек, исторически сохраняя о себе память, передавал опыт потомкам, используя при этом самый простой способ пиктографического письма, который в дальнейшем послужил предпосылкой создания различных систем письменностей. Длинный путь становления письма по определению связывает его со знаковой системой фиксации речи, которая позволяет с помощью графических элементов передавать речевую информацию на расстоянии и закреплять её во времени [5, с.375].

Более того, сейчас письмо не является единственным способом фиксации речи и её передачи. Помимо всего прочего, существуют производные формы передачи сообщений, а именно знаковое кодирование с помощью кода Морзе, рельефно-точечная азбука Брайля и др. Но отличия между искусственно созданными способами передачи информации и исторически естественно развивавшимся письмом существенны. Дело в том, что письмо, имея глубокие корни развития на протяжении 5–6 тысячелетий, сумело вобрать в себя традиции и манеры каллиграфических стилей: от высекания на стенах каменных пещер до виртуозного искусства письма в государственных приёмных. Именно с историческим развитием имеющиеся современные системы письменностей естественным образом вобрали в себя

особенности национальных языков и культур стран мира.

Постепенно скорость передачи информации увеличивалась, и рукописное письмо перестало быть必要ностью. Появление печатного станка и книгопечатания повысило уровень доступности письменной информации. В определённой мере печатное письменное слово послужило предпосылкой дальнейшего распространения шрифтового визуально-линейного восприятия. Однако в напечатанном тексте отсутствует взаимодействие одновременных процессов, таких, как смысловое понимание текста и осмысление визуального имиджа, которые непосредственно объединяет в себе каллиграфия.

Графические формы способны влиять на образное восприятие и передавать заложенное индивидуальное настроение. Когда человек, не владеющий иностранным языком, смотрит на каллиграфическую картину, понимание происходит в любом случае, но на языке искусства, что является универсальным средством общения. Это позволяет представителям различных стран мира воспринимать одну и ту же каллиграфическую работу, ощущая единый характер написанного.

Современные технологии вносят существенные изменения в процесс обучения рукописному письму на ранних этапах развития личности. Например, в Финляндии в 2016 г. занятия по обучению письму прописными буквами и каллиграфии для школьников заменяют занятиями по набору текста на клавиатуре, тем самым замедляя важный физический процесс развития мелкой моторики рук [12]. Такие изменения могут привести к негативным последствиям и возможной дисграфии. Предлагаемым разрешением данного риска могут стать вводимые в университетах и школах обязательные упражнения по прописыванию усложнённых форм письменных знаков, таких как иероглифические прописи [4], выполнение и уровень изменений в которых должен контролироваться преподавателем. Эти упражнения продолжают формирование навыков красивого пись-

ма и одновременно нейтрализуют возможные предпосылки дисграфии.

В современном понимании слова «каллиграфия» инстинктивно дифференцируется с письменными формами восточных языков – китайского, японского, корейского, арабского, хинди и т.д. К каллиграфии на Востоке всегда относились с особым почётом и уважением. Например, одна из древнейших систем письменностей – китайская – развивалась на протяжении трёх с половиной тысячелетий, сейчас является уникальной и единственно сохранившейся крупной системой иероглифического письма. На Востоке до сих пор каллиграфия включена в активное использование при обучении усложнённых письменных языковых форм, таких как иероглифы и вязь.

В частности, китайская иероглифическая письменность и каллиграфическое искусство в значительной мере предстают зрительными образами. Ценностно-ориентированная эстетическая направленность восточной культуры выражается в комплексном совершенствовании личности или в отдельной конкретной деятельности (в занятиях каллиграфией), что предполагает достижение определённого высокого уровня саморазвития. Оно представляет собой долгосрочный творческий процесс гармонизации личности в её исключительной целостности – телесной, психологической, психофизической и духовной. Таким образом, восточная система приобщения к каллиграфическому искусству состоит в творческом процессе саморазвития личности, в гармонизации общества и следовании духовной преемственности каллиграфическим традициям мастеров данного искусства. Из перечисленного можно сделать вывод о том, что главная целевая установка в этом искусстве на Востоке заключается в эффективном комплексном совершенствовании личности и социума [3, с. 4].

Известный парадокс при этом заключается в том, что компьютеризация не только несущественным образом отразилась на уровне использования рукописного письма в восточных странах, но,

напротив, увеличило его ценность. Известно, что профессиональными навыкам каллиграфического письма можно овладеть не менее, чем за 15 лет. В Китае профессия каллиграфа сейчас считается особенно почётной ещё и потому, что владение каллиграфией считается причастностью к настоящему и необычайно почитаемому искусству. То есть, можно заключить, что в восточных обществах изобретение печатного станка не только не подорвало, а оказало благоприятное влияние на развитие каллиграфии, совершенствование графических форм рукописного письма. Как следствие или результат этого процесса стало появление ещё одного отдельного вида искусства – каллиграфии.

Подобный опыт развития и использования каллиграфии в учебном процессе наблюдался и на Руси. Ещё в XVII в. славянская вязь превосходила европейскую школу каллиграфии по виртуозности письма и по сложности связывания букв. На то время у византийцев вариантов связывания знаков было около 40, на Руси же их насчитывалось от 400 до 600. Введенные Петром I новые шрифты и гражданская азбука фактически уничтожили красивую и сложную славянскую вязь кириллического алфавита [8]. С того времени в состав русской азбуки продолжали вводиться изменения в сторону упрощения, но это не мешало сохраняться обучению каллиграфии. Примером этого может служить Царскосельский лицей, где каллиграфии посвящалось по 16–18 часов в неделю [9]. Позднее, в XIX в. у воспитанников Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИД Российской империи учебной программой предусматривались обязательные занятия по каллиграфии [1, с.116].

В России искусство каллиграфии не является обязательным предметом в современных школах и университетах, но работы каллиграфов активно выставляются в различных музейных экспозициях. Так, с 2008 г. в России проводят международные выставки каллиграфии, на которых собираются профессиональ-

ные каллиграфы и любители из разных стран мира. Например, в 2015 г. в Москве в Современном музее каллиграфии представили проект «Международная выставка каллиграфии» (90 участников из 52 стран мира), основной экспозицией которого стали работы каллиграфов на тему «Размышления о Родине» [10]. Во время данной выставки организаторами был проведен эксперимент о роли влияния каллиграфических работ в пространстве музея. В данном исследовании методом опроса работники музея отметили множество интересных модификаций того, каким образом каллиграфия способна влиять на воображение человека и как происходит непосредственное восприятие этого вида искусства посетителями. В результате интервьюеры констатировали, что каллиграфия:

- вызывает особое спокойствие, происходит изменение эмоционального состояния, переключение на рациональные мысли;
- побуждает к самостоятельному творчеству;
- благоприятствует появлению энтузиазма, мотивации, ощущению бодрости;
- рождает желание решать задачи на пути к осуществлению задуманной цели;
- инициирует процесс переосмысления ценностей и традиций искусства прошлого, настоящего и будущего;
- позволила организованной эстетической многосложности линий на выставке выстроить утонченный порядок музейного пространства.

Посетителям выставки становилось понятным, что каллиграфия не только красивое письмо, а искусство, побуждающее изучать эстетические аспекты рукописно написанного текста. Человек становится духовно богаче и цельнее именно благодаря письменному языку, который одновременно является государственным, народным, религиозным и международным. Процесс формирования личности зависит от множества факторов: от степени включенности человека в культурное развитие страны, от

его умения сохранять, восполнять и правильно ориентироваться в культурном разнообразии мировых исторических традиций. Отдельная стилистика каллиграфически написанного текста создаёт и отражает эмоционально-образную графическую выразительность каллиграфии. В Китае традиционно принято «читать» каллиграфию, при котором одновременно анализируются несколько показательных признаков:

- значения, сущность и правила написания графического знака иероглифа;
- заложенное смысловое сообщение и передача мыслей и чувств каллиграфа.

В отличие от китайской традиции, западные каллиграфы, напротив, придают значение нормативным правилам написания и соответствия установленному шрифту и стилю каллиграфии. Через каллиграфически написанный текст мастер сообщает свой индивидуальный эмоциональный настрой в тот момент написания картины, тем самым посылает невербальное сообщение аудитории. Эмоциональная наполненность и характерность формы определяются через способность каллиграфического сообщения передавать интонации, связанные с непосредственным физиологическим актом рукописного письма. Скорость, ритм, движение руки позволяют посылать подобные интонации через вариативность и характерность линий каллиграфического текста.

При использовании компьютерных технологий происходит зажимание движения механическим набиванием кнопок клавиатуры. Это не позволяет письму выполнять свои развивающие функции, особенно такие как эстетическая, психофизическая, эмоциональная и др. Каллиграфия содержит одновременную передачу двух видов коммуникаций вербальной и невербальной формы, что позволяет каллиграфической работе создавать индивидуальное эстетическое пространство и транслировать эмоциональные характеристики передаваемого сообщения. Тем самым вышеперечислен-

ные функции способствуют необходимости данного искусства в системе современных культур Востока и Запада.

По мнению современных экспертов, для осуществления усовершенствования каллиграфии необходимо внедрять не только новые идеи, проекты и финансово-техническую научную базу, но и создавать целеполагающую комплексную систему мотивации у всех слоёв гражданского общества, формировать в нём атмосферу созидания [2, с. 21]. От степени развития креативных групп общества зависит состояние экономики, общества и государства в целом. Неоспоримо то, что творческая направленность личности человека свойственна всем от рождения, но, к сожалению, она теряется большинством именно под воздействием среды, в которой пребывает человек.

Практика служит доказательством того, что недостаточное внимание уделяется вопросам сохранения искусства рукописного письма в условиях компьютеризации процессов обучения. В первую очередь это связано с формированием лингвистической компетенции у специалистов-международников в изучении иностранных языков, которые обладают сложной системой знаковой письменности, особенно арабский, китайский, японский, корейский, хинди и другие языки.

Компаративный анализ научных работ в культурной антропологии, культурологии, лингвистике, эстетике, социологии, психологии, истории и искусствоведении позволяет адаптировать современную методологию изучения и обучения каллиграфии при формировании и развитии культуры личности. Теоретический анализ подходов к каллиграфии показывает, что данный метод каллиграфии активно использовался в обучении в западных странах, хотя к XXI в. успел потерять свой уровень активного методологического применения, основанного на исторических, культурологических и педагогических источниках. В свою очередь, на Востоке и по сей день каллиграфия продолжает входить в список предметов, обязательных для изуче-

ния в школах и университетах, что имеет огромное значение в дальнейшем становлении культурологического уровня образования, эстетического восприятия аудиторией этого отдельного направления в искусстве и укреплении культурной парадигмы развития восточных стран.

Обоснованным представляется вывод о том, что каллиграфия позитивно воздействует на индивидуальные качества и личность человека, существенно влияет на её формирование, развивает творческие способности человека. Современная компьютеризация общества ведёт к утрате исторических традиций и ценностей искусства каллиграфии, а также её эстетического понимания, в том числе и ухудшению физиологического здорового развития мелкой моторики человека.

В этой связи каллиграфия способна скорректировать дисграфию современного общества и её проявление на ранних этапах. Приобщение к каллиграфическому исполнению письма в обучении формирует внутреннюю дисциплину, концентрирует внимание, приучает к эстетическому вкусу. Занятия каллиграфией способствуют снятию стресса, обретению душевного равновесия. Каллиграфия помогает специалистам-международникам осуществлять мировой диалог, который одновременно является государственным, народным, религиозным и международным.

В вопросах развития каллиграфии необходим диалог Востока и Запада. Он в свою очередь требует активизации обеих сторон по всем вопросам, касающимся сохранения забываемых традиций этого искусства. По мнению профессионального каллиграфа, художника-иллюстратора и графического дизайнера Альбарасина Хайме, «современная каллиграфия представлена в двух направлениях. С одной стороны – традиционная, «чистая каллиграфия», признающая только бумагу и чернила; а с другой стороны – цифровая каллиграфия, использующая другие инструменты: сканер, графический планшет и компьютер. Для любой каллиграфической работы можно создать мно-

жество вариантов, изменив ее текстуру, цвет, структуру и масштаб» [10].

Данное утверждение затрагивает ряд ключевых вопросов и иллюстрирует безграничную общность в инструментарии и технике работы каллиграфов всего мира. Тем самым культурные разнообразия обогащают международный опыт практического применения искусства каллиграфии в современных условиях вызовов времени. Тем не менее, следует взглянуть на проблему диалога культур вне зависимости от сходств и различий традиционных и современных подходов к каллиграфии на Востоке и Западе. Несмотря на то что культуры стран про-

должают развиваться и вносить новые изменения в пространственное восприятие, необходимо продолжать взаимодействие культур, принимая во внимание особенности отличительных подходов, а именно: учитывать историческое развитие, динамический образ современной жизни, частичное видоизменение традиционных систем ценностей и возникновение новых.

Главным аспектом диалога культур Востока и Запада в подходах к каллиграфии должны стать гармонично встраивающиеся методы новых веяний и направлений искусства в складывающуюся их систему.

Список литературы:

1. Воевода Е.В. История организации профессиональной языковой подготовки специалистов-международников: от Киевской Руси к Российской империи. М: МГОУ. 2010. 154 с.
2. Торкунов А.В. Дефицит демократии и международное сотрудничество //Международные процессы. 2009. Т. 7. №. 3.
3. Кесисоглу Н. В. Семиотика письменности в развитии доктрины долгожительства Древнего Китая //Аналитика культурологии. 2007. №. 8.
4. Лихолетова О. Р. Иероглифические прописи к учебнику Л.Т. Нечаевой «Японский язык для начинающих». М.: Московский лицей, 2011. 43 с.
5. Ярцева В.Н., Арутюнова Н.Д. Большой энциклопедический словарь: Языкознание. Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
6. Mediavilla Claude, Alan Marshall, Mark Van Stone, Gerard Xuriguera, and Donald Jackson.Calligraphy: From Calligraphy to Abstract Painting.(Wommelgem, Belgium: Scirpus Publications. 1996. 336 p.
7. Hayes, John; Flower, Linda; Schriver, Karen; Stratman, James; Carey, Linda () Cognitive processes in revision. In Sheldon Rosenberg (ed.) Advances in applied psycholinguistics: Vol.II: reading, writing and language processing. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 176 p.
8. Чобитько П.П. Каллиграфия должна быть обязательным уроком в школе// Общественный контроль: электронный журнал, 07.06.2012. – [Электронный ресурс] – URL:<http://ok-inform.ru/obshchestvo/obrazovanie/69-pjotr-chobitko-kalligrafiya-dolzha-byt-obyazatelnym-urokom-v-shkole.html> (дата обращения: 19.02.2016).
9. Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. Петром I утверждена новая азбука - [Электронный ресурс] – URL:<http://www.prilib.ru/history/pages/item.aspx?itemid=420> (дата обращения: 19.02.2016).
10. Международная выставка каллиграфии 2015 г. – [Электронный ресурс] – URL:<http://calligraphy-expo.com/rus/about/Exhibition/Moscow2015.aspx> (дата обращения: 01.03.2016).
11. Альбарасин Хайме. Каллиграфия: написанное искусство или искусное написание / Х. Альбарасин // Международная выставка каллиграфии – [Электронный ресурс] – URL:http://calligraphy-expo.com/rus/Personalities/Participants/Jaime_de_Albaracin/Article.aspx?ItemID=9 (дата обращения: 01.03.2016).
12. В Финляндии школьников вместо письма научат управляться с клавиатурой. [Электронный ресурс] – URL: <http://calligraphy-expo.com/rus/about/News.aspx?ItemID=2240> (дата обращения: 10.10.2016).

Об авторе:

Куланина Елена Михайловна – аспирант МГИМО МИД России.
E-mail: elena.kulanina@gmail.com

THE PROBLEM OF RESERVING TRADITIONS OF CALLIGRAPHY IN THE EAST AND THE WEST

E.M. Kulanina

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract. *The art of calligraphy is based on cultural traditions, culture, philosophy, education, science, and religion. In this article the author considers calligraphy from the point of view of traditional and modern approaches to social and cultural needs of a person in modern conditions of computerization, and the consequences of the use of calligraphy after the invention of the printing press throughout the historical development. The author analyses different approaches to manners of teaching and practical application of calligraphy, and also views key points of the dialogue between East and West on the art of calligraphy in its traditional and cultural development. The article considers recent studies of modern rethinking of values and the art traditions of the past, present and future, also of a significant impact of modern individual experience, on perception of the world and people's behaviour.*

The article suggests several modern methods of studying calligraphy, its development and traditions in different cultures, and how it could help to resolve current sequence of dysgraphia problems; methods which also could create specific calligraphy skills of students and organize their personality, which depends on many factors such as the degree of involvement in the cultural development of the country, on its ability to retain, supply and properly orientate oneself through the world's cultural diversity of historically created traditions. With the help of an example of interaction and cooperation between cultures which are based on the features of distinctive approaches, taking into consideration the inherent historical development, a dynamic image of modern life, a partial modification of the traditional value systems and the appearance of new ones, the author considers the main aspect of the cultural dialogue between East and West about approaches to calligraphy – are these harmonically balanced methods of new trends and tendencies of art into the existing system which has been already developed.

Thus, the article is an updated search for new understandings of cultural reality, causing the formation of the personality of each person.

Key words: *calligraphy, traditions, culture, cultural reality, cultural traditions, art, writing, dialogue of cultures, East, West, challenge.*

References:

1. Voevoda E.V. *Istoriia organizatsii professional'noi iazykovoi podgotovki spetsialistov-mezhdunarodnikov: ot Kievskoi Rusi k Rossiiskoi imperii* [History of the organization of professional language training, foreign affairs experts from Kievan Rus to the Russian Empire]. Moscow, MGOU. 2010. 154 s. (in Russian).
2. Torkunov A.V. *Defitsit demokratii i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo* [The deficit of democracy and international cooperation]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 2009. B. 7. №. 3. (in Russian)
3. Kesiosoglu N.V. *Semiotika pis'mennosti v razvitii doktriny dolgozhitel'stva Drevnego Kitaia* [Semiotics of writing in the development of the doctrine of the longevity of ancient China]. *Analitika kul'turologii*. 2007. no. 8. (in Russian).
4. Likholetova O.R. *Ieroglificheskie propisi k uchebniku L. T. Nechaevoi. Iaponskii iazyk dlia nachinaishchikh* [Hieroglyphic samples of writing to the textbook of L. T. Nechaeva. Japanese for Beginners]. Moscow, Moskovskii litsei. 2011. P. 43. (in Russian).

5. Iartseva V. N., Arutiunova N. D. (red.). *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar': lazykoznanie* [Great Encyclopedic Dictionary: Linguistics], Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia. 1998. 685 s. (in Russian).
6. Claude Mediavilla, Alan Marshall, Mark Van Stone, Gerard Xuriguera, and Donald Jackson. *Calligraphy: From Calligraphy to Abstract Painting*. (Wommelgem, Belgium: Scirpus Publications.1996. 336 p.
7. Hayes, John; Flower, Linda; Schriver, Karen; Stratman, James; Carey, Linda (1987) Cognitive processes in revision. In Sheldon Rosenberg (ed.) *Advances in applied psycholinguistics: Vol.II: reading, writing and language processing*. Cambridge: Cambridge University Press. 176 p.
8. Chobit'ko P.P. *Kalligrafiia dolzhna byt' obiazatel'nyim urokom v shkole* (Calligraphy lessons should be compulsory in schools). *Obshchestvennyi kontrol':elektronnyi zhurnal* [Public control], 07.06.2012. Available at:<http://ok-inform.ru/obshchestvo/obrazovanie/69-pjotr-chobitko-kalligrafiya-dolzhna-byt-obyzatel'nyim-urokom-v-shkole.html> (Accessed 19 February 2016)
9. Prezidentskaia biblioteka im. B.N. El'tsina [Boris Yeltsin's Presidential Library]. *Petrom I utverzhdena novaia azbuka* (Peter the 1st approved a new alphabet). Available at: <http://www.prlib.ru/history/pages/item.aspx?itemid=420> (Accessed 19 February 2016)
10. *Mezhdunarodnaia vystavka kalligrafii 2015* [International Exhibition of Calligraphy 2015]. Available at:<http://calligraphy-expo.com/rus/about/Exhibition/Moscow2015.aspx> (Accessed 01 March 2016)
11. Al'barasin Khaime. *Kalligrafiia: napisannoe iskusstvo ili iskusnoe napisanie* [Calligraphy: the art of writing or skilful writing]. Kh. Al'barasin. *Mezhdunarodnaia vystavka kalligrafii* Available at:http://calligraphy-expo.com/rus/Personalities/Participants/Jaime_de_Albaracin/Article.aspx?ItemID=9 (Accessed 01 March 2016)
12. *Finliandii shkol'nikov vmesto pis'ma nauchat upravliat'sia s klaviaturoi* [Pupils in Finland will study the keyboard instead of handwriting]. Available at:<http://calligraphy-expo.com/rus/about/News.aspx?ItemID=2240> (Accessed 10 March 2016)

About the Author:

Elena M. Kulanina – Ph.D student, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO).
E-mail: elena.kulanina@gmail.com.



КУЛЬТУРА ИЕРОГЛИФИЧЕСКОГО ПИСЬМА КАК КАНАЛ ВИЗУАЛИЗАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ЯПОНСКОГО ОБЩЕСТВА

Н.Н. Изотова

Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.



Объектом статьи является культура иероглифического письма, предметом – ее роль в визуализации социокультурных трансформаций, происходящих в современном японском обществе. Особое внимание уделяется ключевым событиям и идеям, которые актуализируются в иероглифах года. Методологической основой исследования являются когнитивный подход, представляющий язык как средство познания и антропоцентрический подход, рассматривающий язык с точки зрения «человеческого фактора». 12 декабря в Японии отмечается «День иероглифов». Начиная с 1994 г., в этот день в храме Киёмидзудэра проводится церемония написания иероглифа года, который утверждается Ассоциацией проверки иероглифической грамотности. В 2016 г. набрав 6 655 голосов (4,33%) из общего числа 153 562 голосовавших, иероглифом–символом года стал 金 (кин; канэ) – «золото», «металл», «деньги».

Анализируя результаты конкурсов «Иероглиф года», автор доказывает, что иероглифика представляет собой неотъемлемую, органическую часть японской культуры и искусства, наиболее полно выражает присущую японской ментальности установку на процессуальность бытия, способствует консервации традиционных ценностных ориентаций японцев. Проведённый лингвокультурологический анализ позволяет сделать вывод о том, что иероглифическое письмо служит каналом визуализации ценностной парадигмы и базовых концептов японской культуры. По мнению автора, в условиях глобализации в современном коммуникативном пространстве иероглифика может успешно конкурировать с другими знаково-символическими системами. Изучение результатов конкурсов «Иероглифа года», актуализирующих ключевые события и идеи, а также базовые концепты японской культуры, позволяет лучше понять национально-культурную специфику мировоззрения японского народа.

Ключевые слова: иероглиф года, события года, День иероглифов, Храм Киёмидзудэра, церемония написания иероглифа, символ, золото, визуальный, социокультурный, японское общество.

Изменения, происходящие в современной культуре, во многом связаны с переходом от вербального к визуальному типу мышления людей, влекущему за собой визуализацию искусства и культуры в целом. В повседневной реальности визуальная культура становится частью семиотического пространства, восприятие зрительных изображений оказывает влияние на различные аспекты жизни социума, изменяет социальную реальность, формы межличностной коммуникации.

Значение иероглифического письма в развитии японского общества огромно. Иероглифика является «сложным кодовым образованием, позволяющим индивиду абстрактно и вне ситуативно анализировать познаваемые объекты и выражать их признаки, свойства и отношения, при этом проводя не только определенную категоризацию, но также и определяя значимость в пространственно-временном континууме» [7, с. 95].

Китайский язык, а с ним и иероглифика, проник в Японию в III-V вв. н.э. и занял здесь положение языка книжной учёности: на первых порах японцы умели писать только по-китайски. Однако постепенно иероглифику приспособили для записи японской речи. Адаптация иероглифов шла по трём направлениям:

- во-первых, многочисленные лексические заимствования из китайского языка переносились в японский как в устном, так и в письменном, иероглифическом воплощении. При этом звучание слова изменялось по законам японской фонетики, а написание оставалось неизменным. Так, японское слово *тэн* «небо» восходит к китайскому слову с тем же значением, звучащим сейчас как *тянь*, и унаследовало от него закреплённый за ним иероглиф;

- во-вторых, иероглиф мог быть использован для записи не только заимствованного, но и исконно японского слова с тем же самым или близким значением. Например, иероглиф 天 для китайского *тянь* и японского *тэн* стали применять также для записи исконно

японского слова *амэ* «небо». В обоих случаях иероглиф сохранял связь с определённым смыслом, оставался письменным словом, логографическим знаком. Однако иероглифы применялись и для записи звучаний в отвлечённом смысле. Так, иероглифом для слова *тэн* мог быть записан слог *тэ* в самых различных словах, никак не связанных с понятием «небо». В этих случаях иероглиф становился письменным эквивалентом слога, превращался в фонографический знак. Чтобы отличить фонографическое, вторичное употребление иероглифики от её логографического, первичного употребления, фонографическую функцию постепенно закрепили за особыми, редуцированными формами иероглифов. Так появилась слоговая азбука *кана*, существующая в двух графических вариантах – *хирагана* и *катакана* [5, с. 270].

В прошлом неоднократно выдвигались предложения о реформе иероглифического письменности и замене её фонетическим письмом. Особенно много об этом говорили в эпоху *Мэйдзи*, а затем в послевоенные годы. Однако реально ничего для этого никогда не делалось. Американская оккупационная администрация планировала в целях демократизации поэтапно отменить иероглифы, заменив их сначала *каной*, а потом латинским алфавитом, но в итоге не стали заходить так далеко, а в нынешний сравнительно стабильный период этого тем более произойти не может. В настоящее время не представляется возможным заменить иероглифику каким-либо другим видом письменности, так как изменение системы письма привело бы к очень большим изменениям во всем языке и во всей культуре [1, с. 160-161]. Следовательно, и в наши дни, какой бы сложной ни была иероглифическая письменность, её необходимо изучать.

Сложная японская письменность при внимательном ее изучении оказывается вполне логичной и удобной, а её трудности, кажущиеся значительными для людей, привыкшим к иным системам письма, не столь велики для тех, кто вырос в японском обществе. Ещё три четверти

века назад выдающийся китаист академик В.М. Алексеев писал: «Иероглифика есть также некий исторически закономерный и высоко развитый способ человеческого общения, который в существе своём вряд ли отличается от алфавита... Если иероглифы в некоторых отношениях сложнее букв, то в других – они проще, как комплексы» [1, с. 172].

12 декабря в стране отмечается «День иероглифов». Начиная с 1994 г., ежегодно в этот день проводится церемония написания иероглифа года, который на основании опроса жителей утверждается Ассоциацией проверки иероглифической грамотности Японии (日本漢字能力検定協会) [11]. Дата 12 декабря выбрана не случайно. Как и в случае со многими событиями, которые хотят приурочить к какой-нибудь дате, используют игру слов *гороавасэ* (語呂合わせ), то есть способ передачи слов, ассоциирующихся с событием, через цифры. В данном случае дата «12-12», то есть 12 декабря, при обыгрывании возможных чтений числительных, может прочитываться как 良一字一字 *дзи ити дзи* – «один хороший иероглиф».

В отличие от «Самых популярных слов года», которые в ноябре выбирает комиссия издательства «Дзию Кокуминся», состоящая из семи человек, «иероглиф года» выбирают всеобщим голосованием. С 1-го ноября любой желающий может отправить заявку через Интернет или почтой, указав в ней иероглиф, наиболее ассоциирующийся с уходящим годом, и причину своего выбора. Затем комиссия подсчитывает количество заявок, и иероглиф, набравший наибольшее число голосов, признаётся иероглифом-символом года.

Торжественная церемония написания знака проводится в Храме чистой воды (Киёмидзудэра) в Киото. Настоятель храма Сэйхан Мори выводит иероглиф при помощи туши и большой кисти на полотне размером 1,5 на 1,3 метра, после чего свежечерченный знак выставляется на всеобщее обозрение до конца декабря. Цель мероприятия – привлечь интерес как можно большего числа лю-

дей к иероглифике и японской культуре в целом.

В 2016 г., набрав 6 655 голосов (или 4,33%) из 153 562 голосовавших, иероглифом-символом года стал 金 (*кин; канэ*) – «золото», «металл», «деньги». Выбор иероглифа в первую очередь определили успешные выступления японских спортсменов на Олимпиаде в Рио-де-Жанейро и надежды на золото Олимпийских игр в Токио в 2020 г. «Золото» становится «иероглифом года» в третий раз. Ранее он побеждал в 2000 и 2012 гг. – и это тоже были годы олимпиад. Иероглиф 金 также означает *канэ* – «деньги», что влияло на его выбор. В июне 2016 г. широкий резонанс получил коррупционный скандал, связанный с использованием в личных целях политических фондов губернатором Масудзоэ Ёити, в результате которого он вынужден был уйти в отставку. После него впервые в истории губернатором столицы стала женщина – Юрико Коикэ.

В иероглифе 金, по мнению опрошенных, актуализируются изменения в финансовой системе, в том числе и повышение заработной платы. Другие указанные голосовавшими причинами стали светлые («золотистые») волосы Дональда Трампа, чьё избрание шокировало многих, достижения звезды бейсбола Судзуки Итиро в Главной лиге, а также цвет костюма комика Пикотаро, исполнившего песню «Pen Pineapple Apple Pen», ставшую хитом в Интернете, набравшей более 200 миллионов просмотров и попавшей в Книгу рекордов Гинесса [10].

Второе место занял иероглиф 選 (*сэн; эрабу*) – «выбирать», «избирать», набравший 4 723 голоса. Причиной такого выбора стали: выход Великобритании из ЕС по итогам прошедшего референдума; выборы в США и неожиданная победа Трампа; принятие закона, разрешающего гражданам Японии голосовать на выборах в органы власти не с двадцати, а с восемнадцати лет.

На третьем и четвертом местах оказались иероглифы 変 (*хэн; кавару*) – «менять», «странный» и 震 (*син; юрэру*) – «потрясение», «трясти». Иероглиф 震 уже

выбирали «иероглифом года» в 1995 г. a 変 – в 2008. На пятом месте оказался 驚 (кё; одороку) – «удивляться». Многие проголосовавшие за этот иероглифы отметили, что 2016 г. был непредсказуемым и ярким по событиям [15].

Приобщение к каллиграфическому искусству расценивается в Японии в качестве процесса духовного совершенствования личности, как способ гармонизации общества и сохранения традиционных ценностей. В силу сложности, оторванности от устного живого языка и ритуального значения, иероглифические знаки всегда были объектом особого почитания, наделялись сакральным смыслом. «Хорошие» иероглифы и сейчас считаются способом привлечения удачи, счастья, долголетия, любви.

Как отмечает Т.М. Гуревич, «...если в лексической системе довольно явно наблюдаются признаки влияния европейской культуры в её американской интерпретации и размывание японской традиционной системы ценностей, то иероглифика, наоборот, скорее служит поддержанию традиций» [3, с. 52]. Например, в 2005 г. иероглифом стал знак 愛 (ай) – «любовь», в 2006 г. 命 *иноти* – «жизнь», а в 2011 г. – 絆 (*кидзуна*) – «связь», символизирующая объединение людей для совместных усилий по восстановлению после Великого землетрясения Восточной Японии и аварии на АЭС Фукусима.

Наряду с «хорошими» из года в год в десятку самых популярных иероглифов попадают иероглифы с отрицательной субъективно-оценочной коннотацией, что отражает процессы, происходящие в социуме. Например, в 1998 г. первое место занял иероглиф 毒 (*доку*) – «яд» из-за происшествия в Вакаяме, когда Мацуми Хаяси на летнем фестивале подмешала мышьяк в горшок с карри и отравила четырех человек [8], а в 2001 г., когда в Нью-Йорке случилась серия терактов, японцы выбрали иероглифом года 戦 (*сэн; татакау*) – «сражаться», «воевать» [13].

Нельзя не отметить, что иероглифика представляет собой уникальную языковую систему, в которой знания закрепляются в сознании человека не только

звуковым, визуальным, семантическим кодом, но и ассоциативным. В 2015 г. победил иероглиф 安 (*ан; ясуи*), набрав 5 632 голоса, или 4,3% от общего количества в 129.647 поданных голосов. Иероглиф имеет значение «спокойствие», «мир», а также «дешевизна». Выбор этого иероглифа определило главное политическое событие 2015 г. в Японии – пересмотр законодательства о национальной безопасности. Правительство премьер-министра Синдзо Абэ рассматривало утверждение этой законодательной базы в качестве важнейшего приоритета своей работы.

Семнадцатого сентября 2015 г. специальный комитет Палаты советников японского парламента при ожесточённом сопротивлении оппозиционных партий большинством голосов проголосовал за принятие пакета законопроектов об обеспечении национальной безопасности. Японию захлестнули массовые антивоенные митинги. Законопроекты по внесению поправок в законодательство о безопасности многие восприняли как нарушение 9-й мирной статьи Конституции и начало милитаризации страны, с чем была связана серия массовых протестов.

Тысячи людей протестовали у здания парламента в Токио. Они держали плакаты с антивоенными лозунгами и призывали к отставке премьер-министра, инициировавшего законопроект, который позволит армии Японии участвовать в военных действиях за рубежом. Неудивительно, что это политическое событие, вызвавшее широкий общественный резонанс, нашло отражение в целом комплексе лексико-фразеологических единиц языка, а иероглиф 安 был выбран иероглифом года.

На втором месте с 4 929 голосами (или 3,8% опрошенных) оказался иероглиф 爆 (*баку*) – «взрыв», напоминая о взрывном росте объёмов розничных покупок в связи с увеличением потока иностранных туристов, в первую очередь из Китая. Слово 爆買い *бакугай* – «взрыв покупок» заняло первое место в десятке самых популярных слов 2015 г. [4, с. 54]. Кроме того, на выбор этого иероглифа повлия-

ли извержения вулканов Асо и Синдакэ, а также 70-я годовщина атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки.

Третье место занял иероглиф 戦 (*сэн; татакау*) – «сражаться», который многим напоминал о протестах против новых законопроектов в области безопасности, борьбе с терроризмом. За него проголосовали 4 556 человек или 3,51% опрошенных. На четвертом месте оказался знак 結 (*кэцу; мусубу*) – «связывать», получивший 3 339 голосов (2,78% опрошенных). Данный иероглиф вызвал ассоциации со свадьбами популярных артистов, усилением внимания к гендерным проблемам. Пятое место занял иероглиф 五 (*го; ицуцу*) – «пять». На выбор многих голосовавших повлияла фамилия звезды бейсбола Аюму Горомару, ставшего необычайно популярным в 2015 г. Фамилия Горомару 五郎丸 записывается тремя знаками, в том числе иероглифом 五 *го*. Кроме того, данный иероглиф перекликается с олимпийской темой. 五輪 – *горин*, что буквально означает «пять колец». За него отдали свои голоса 3 339 человек (2,58% опрошенных) [14].

В 2014 г., набрав 8679 голосов или 5,18% от общего количества в 167 613 голосовавших, иероглифом-символом года стал 税 (*дзэй; мицуги*) «налог, пошлина». Причина выбора подобного иероглифа с не самым поэтичным значением очевидна – повышение потребительского налога в апреле 2014 г. с 5% до 8%. Последний раз правительство Японии решалось на подобный шаг 17 лет назад в 1997 году, увеличив налог с продаж с 3% до 5%.

Вторым по популярности стал иероглиф 熱 (*нэцу; ацуи*), «жаркий, горячий», за него отдали 6 007 голосов или 3,58% опрошенных. Возможно, причиной этого была жаркая погода летом 2014 года, а также вспышка лихорадки денге в Токио и эпидемия геморрагической лихорадки Эбола エボラ出血熱 *эбора суккэцу нэцу* в Африке – в Либерии, Сьерра-Леоне и Гвинее, получившие широкое освещение в японской печати. Обе болезни по-японски записываются этим иероглифом.

На третьем месте знак 嘘 (*кё; усо*) – «ложь». За него проголосовали 5 979 че-

ловек или 3,57% опрошенных. На выбор иероглифа повлияли громкие скандалы с политиком Рютаро Номомура, закатившим на пресс-конференции 1 июля истерику по поводу использования им бюджетных средств. У него требовали объяснений по поводу около 200 поездок на термальные источники за бюджетные деньги. На эти поездки он истратил около трёх миллионов йен (около 30 тысяч долларов), не предоставляя чеков и не объясняя причин этих поездок.

Кроме того, широкую огласку получили подтасовки в статьях о STAP-клетках. Сообщение о революционном открытии в области стволовых клеток в январе 2014 г. взбудоражило весь мир. «Клетки STAP существуют!» – заявила Харуко Обоката, исследователь центра RIKEN во время пресс-конференции, посвящённой проблеме исследований стволовых клеток. Однако вскоре стали поступать обвинения в недостоверности исследований. В публикации были обнаружены подтасовка данных и фальсификация изображений, что говорит о наличии ряда проблем в академической среде.

Широкий резонанс вызвал скандал в японском музыкальном мире. Композитора классической музыки Мамору Самураготи, который долгое время притворялся глухим, и его даже называли «японским Бетховеном», уличили в том, что он на протяжении 18 лет симулировал глухоту и выдавал за свои более 20 произведений, которые в действительности написал ゴーストライター *госуторайта* – «композитор-призрак» Такаси Ниигаки. Ниигаки, который сделал признание, обвинил Самураготи также в том, что он может слышать, хотя и выдавал себя за глухого.

Далее следовали иероглифы 災 (*сай; вадзавай*) – «бедствие» (5 830 голосов или 3,48% опрошенных) и 雪 (*сэцу; юки*) – «снег» (5 474 голосов или 3,27% опрошенных), напоминавшие об обрушившихся на Японию в 2014 г. затяжных ливневых дождей, оползнях, тайфунах, снежных заносах, извержении вулкана Отакэ и других природных явлениях [13].

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что иероглифика представляет собой неотъемлемую, органическую часть культуры и искусства, наиболее полно выражающей присущую японской ментальности установку на процессуальность бытия, способствует консервации традиционных ценностных ориентаций японцев. Культура иероглифического письма несёт не только смысловую и философскую нагрузку, но и является каналом визуализации социокультурного пространства японского общества, знаково-символическим полем, отражающим ценностные доминанты и изменения,

происходящие в жизни общества. Изучение результатов конкурсов «Иероглифа года», актуализирующих ключевые события и идеи, а также базовые концепты японской культуры, позволяет лучше понять национально-культурную специфику мировоззрения японского народа. Нельзя не отметить, что в условиях масштабных социокультурных изменений, происходящих в современном мире под воздействием процессов глобализации и экспансии Интернета во все сферы жизни, иероглифика успешно конкурирует в современном глобальном коммуникативном пространстве с другими знаково-символическими системами.

Список литературы:

1. Алпатов В.М. Япония. Язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008. 208 с.
2. Алпатов В.М. Япония: язык и общество. М.: Муравей, 2003. 208 с.
3. Гуревич Т.М. Модные слова и современные японцы. Коллективная монография. Япония: мир-традиции-перемены. Материалы российских и зарубежных исследователей, представленные в рамках мероприятий, посвященных 110-летию А. А. Холодовича [«Issues Of Japanology – Вопросы японоведения» №6]. СПб.: Изд-во ЛЕМА, 2016. С.45-53.
4. Изотова Н.Н. Популярное слова 2015 года в японской языковой картине мира // Японский язык в ВУЗе: актуальные проблемы преподавания. Выпуск 15. Материалы научно-методической конференции «Методика преподавания японского языка в вузе» (март, 2016 г). Москва: Издательство «Ключ-С», 2016. С.49-58.
5. Лихолетова О.Р., Чиронов С.В. Японская иероглифика. Сборник заданий и упражнений для старших курсов. М.: МГИМО-Университет, 2015. 299 с.
6. Маевский Е.В. Некоторые тенденции в развитии современного японского письма. Япония 1973. Ежегодник. М. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. 326 с.
7. Сосновская Н.И. Место иероглифической концептуальной картины мира в формировании социокультурной компетенции. Вестник государственного Иркутского государственного лингвистического университета №4 (21) 2012. С.93-98.
8. BBC NEWS | Asia-Pacific | Japan 'curry killer' loses appeal. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/8009808.stm> (дата обращения: 14.10.2014).
9. Loveday L. J. Language Contact in Japan. A Sociolinguistic History. Oxford: Clarendon Press, 1996. 238 p.
10. Pen-Pineapple-Apple-Pen sets world record for shortest song to chart on US Billboard Hot 100. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.straitstimes.com/lifestyle/entertainment/pen-pineapple-apple-pen-sets-world-record-> (дата обращения: 15.12.2016).
11. 日本漢字能力検定協会 [Электронный ресурс]. Официальный сайт Ассоциации проверки иероглифической грамотности. – Режим доступа: <http://www.kanken.or.jp/> (дата обращения: 20.11.2016).
12. 2014年「今年の漢字」トップ20 | 事業・活動情報 | 公益財団法人 日本漢字能力検定協会 [Электронный ресурс]. Официальный сайт Ассоциации проверки иероглифической грамотности. 20 популярных иероглифов 2014 года – Режим доступа: http://www.kanken.or.jp/project/edification/years_kanji/2014/ranking.html (дата обращения: 22.12.2014).
13. 「今年の漢字」一覧 | 事業・活動情報 | 公益財団法人 日本漢字能力検定協会 [Электронный ресурс]. Официальный сайт Ассоциации проверки иероглифической грамотности. Иероглифы года. – Режим доступа: http://www.kanken.or.jp/project/edification/years_kanji/history.html (дата обращения: 10.12.2016).

14. 2015年「今年の漢字」トップ20 | 事業・活動情報 | 公益財団法人 日本漢字能力検定協会 [Электронный ресурс]. Официальный сайт Ассоциации проверки иероглифической грамотности. 20 популярных иероглифов 2015 года – Режим доступа: http://www.kanken.or.jp/project/edification/years_kanji/2015/ (дата обращения: 16.12.2016).
15. 2016年「今年の漢字」トップ20 | 事業・活動情報 | 公益財団法人 日本漢字能力検定協会 [Электронный ресурс]. Официальный сайт Ассоциации проверки иероглифической грамотности. 20 популярных иероглифов 2016 года – Режим доступа: <http://www.kanken.or.jp/kanji2016/> (дата обращения: 16.12.2016).

Об авторе:

Изотова Надежда Николаевна – кандидат культурологии, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО. Сфера научных интересов: лингвокультурология, аксиология, межкультурная коммуникация. E-mail: izotova@list.ru.

HIEROGLYPHICS CULTURE AS VIZUALIZATION CHANNEL OF JAPAN SOCIETY SOCIOCULTURAL ENVIRONMENT

N.N. Izotova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract. Hieroglyphic script culture is the object of the paper; the subject is its role in social and cultural transformations visualization taking place in modern Japanese society. Research methodology includes cognitive approach, which considers the language as a means for learning the world and anthropocentric approach, observing the language in the context of "human factor".

Special attention is given to key events and ideas. Characters Day (Kanji Day) is celebrated on December 12 in Japan. The character with the most votes, selected to represent the events of the year, is announced at a special ceremony at Kiyomizu Temple. Since 1994, this is the date for the announcement of the Kanji of the Year, chosen by the Japanese Kanji Proficiency Society. In 2016 the character (kin; kane) meaning «gold», «money», «metal» was chosen as the character-symbol of the year. Kin garnered 6 605 votes, or 4.33% of the 153 162 ballots cast.

The linguoculturological analysis of the results of the «Kanji of the Year» competition undertaken in this article allows for the conclusion that the value of hieroglyphic writing is very important to Japanese social development. Hieroglyphics is an integral, organic part of the culture and art; it is the channel of socio-cultural changes' visualization. The author points out that in the context of globalization in the modern communicative space hieroglyphics can compete successfully with other semantic-symbolic systems.

Key words: the Kanji of the Year, the events of the year, Kanji Day, Kiyomizu Temple, a ceremony of writing the character, symbol, gold, visual, socio-cultural, Japanese society.

References:

1. Alpatov V.M. Iaponiia. Iazyk i kul'tura [Japanese Language and Culture]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur, 2008. 208 s. (in Russian).
2. Alpatov V.M. Iaponiia: iazyk i obshchestvo [Japanese language and society]. Moscow, Muravei, 2003. 208 s.
3. Gurevich T.M. Modnye slova i sovremennye iapontsy. [Popular words and modern Japanese]. Kollektivnaia monografiia. Iaponiia: mir-traditsii-peremeny. Materialy rossiiskikh i zarubezhnykh issledo-

- vatelei, predstavlennye v ramkakh meropriatii, posviashchennykh 110-letiiu A.A. Kholodovicha [«Issues Of Japanology = Voprosy iaponovedeniia» №6]. SPb, Izd-vo LEMA, 2016. s.45-53. (in Russian).
4. Izotova N. N. Populiarnye slova 2015 goda v iaponskoi iazykovoi kartine mira [The Japanese most popular words of the year 2015 in the linguistic view of the world] // Iaponskii iazyk v VUZe: aktual'nye problemy prepodavaniia. Vypusk 15. Materialy nauchno-metodicheskoi konferentsii «Metodika prepodavaniia iaponskogo iazyka v vuze» (mart, 2016 g). Moscow, Izdatel'stvo «Kliuch-S», 2016. s.49-58. (in Russian).
 5. Likholetova O. R., S. V. Chironov S. V. Iaponskaia ieroglifika. Sbornik zadaniy i uprazhnenii dlia starshikh kursov [Japanese hieroglyphics. Collection of tasks and exercises for senior courses]. Moscow, MGIMO-Universitet, 2015. 299 s. (in Russian).
 6. E.V. Maevskii. Nekotorye tendentsii v razvitiі sovremennogo iaponskogo pis'ma [Some trends in the development of modern Japanese writing]. Iaponiia 1973. Ezhegodnik. M Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izdatel'stva «Nauka», 1974. 326 s.
 7. Sosnovskaia N.I. Mesto ieroglificheskoi kontseptual'noi kartiny mira v formirovanii sotsiokul'turnoi kompetentsii. [Hieroglyphic conceptual picture of the world and the formation of sociocultural competence]. Vestnik gosudarstvennogo Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta no.4 (21), 2012. s. 93-98. (in Russian). (in Russian).
 8. BBC NEWS | Asia-Pacific | Japan 'curry killer' loses appeal. Available at: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/8009808.stm> (Accessed 14 October 2014).
 9. Loveday L. J. Language Contact in Japan. A Sociolinguistic History. Oxford: Clarendon Press, 1996. 238 p.
 10. Pen-Pineapple-Apple-Pen sets world record for shortest song to chart on US Billboard Hot 100 Available at: <http://www.straitstimes.com/lifestyle/entertainment/pen-pineapple-apple-pen-sets-world-record-> (Accessed 15 December 2016).
 11. 日本漢字能力検定協会 Ofitsial'nyi sait Assotsiatsii proverki ieroglificheskoi gramotnosti. [Japanese Kanji Proficiency Society. Official site]. Available at: <http://www.kanken.or.jp/> (Accessed 20 November 2016).
 12. 2014年「今年の漢字」トップ20 | 事業・活動情報 | 公益財団法人 日本漢字能力検定協会. Ofitsial'nyi sait Assotsiatsii proverki ieroglificheskoi gramotnosti. 20 populiarnykh ieroglifov 2014 goda. [Japanese Kanji Proficiency Society. The 2014 Kanji of the Year]. Available at: http://www.kanken.or.jp/project/edification/years_kanji/2014/ranking.html (Accessed 22 December 2014).
 13. 「今年の漢字」一覧 | 事業・活動情報 | 公益財団法人 日本漢字能力検定協会. Ofitsial'nyi sait Assotsiatsii proverki ieroglificheskoi gramotnosti. Ieroglify goda. [Japanese Kanji Proficiency Society. The Kanji of the Year]. Available at: http://www.kanken.or.jp/project/edification/years_kanji/history.html (Accessed 10 December 2016).
 14. 2015年「今年の漢字」トップ20 | 事業・活動情報 | 公益財団法人 日本漢字能力検定協会. Ofitsial'nyi sait Assotsiatsii proverki ieroglificheskoi gramotnosti. 20 populiarnykh ieroglifov 2015 goda. [Japanese Kanji Proficiency Society. The 2015 Kanji of the Year]. Available at: http://www.kanken.or.jp/project/edification/years_kanji/2015/ (Accessed 16 December 2016).
 15. 2016年「今年の漢字」トップ20 | 事業・活動情報 | 公益財団法人 日本漢字能力検定協会. Ofitsial'nyi sait Assotsiatsii proverki ieroglificheskoi gramotnosti. 20 populiarnykh ieroglifov 2016 goda [Japanese Kanji Proficiency Society. The 2016 Kanji of the Year]. Available at: <http://www.kanken.or.jp/kanji2016/> (Accessed 16 December 2016).

About the Author:

Nadezda N. Izotova – PhD (Culturology), Associate Professor of Department of the Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian Languages at MGIMO (U). Research Interests: Lingvoculturology, Axiology, Intercultural Communication. E-mail: izotova@list.ru.



КУЛЬТУРА ЧТЕНИЯ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ КОММУНИКАЦИЙ

В.П. Терин

Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.



Электронное общение давно уже является нормой для множества людей. Поэтому воздействие электронных средств коммуникации на восприятие и мышление стало вопросом первостепенной важности. В этой связи выделяется одновременность и линейность как два режима восприятия и мышления, действующие в голове каждого человека. Если до электронного прошлого типичным было понимание мышления как соответствия требованиям линейности, последовательности и логичности, то в окружении электронных средств коммуникации ведущей для работы сознания является одновременность (уже при взгляде на рабочий стол компьютера каждый видит все помещенные там значки сразу и может начинать потому с любого).

В исследованиях одновременности то, что становится предметом внимания, принято называть фигурой, а то, что при этом вытесняется на задний план, фоном. Когда в качестве фигуры выделяется другой элемент, прежняя фигура уходит в фон. Иначе говоря, действие режима одновременности представляет собой обновление соотношения «фигура/фон», в отличие от работы сознания в режиме линейности, когда никакого фона нет (что известно каждому из геометрии Евклида). Именно фигуры без фона, то есть берущиеся сами по себе и не привязанные ни к чему другому, позволяют рассуждать линейно, последовательно и логично. Отсюда революционная роль книги как требующего линейной последовательности и логичности и, в принципе, общедоступного средства формирования самостоятельного мышления.

В понимании культуры чтения по принципу одновременности в статье выделяются следующие стороны: извлечение информации; информационные перегрузки; распознавание образа (схемы) и его использование в качестве средства понимания происходящего; построение для этого программы распознавания предметов, соотносимых не линейно-последовательно, а через интервал. В этой связи в статье также отмечается роль подхода по принципу одновременности в формировании образовательных программ.

Ключевые слова: режимы восприятия и мышления, чтение, электронное общество, электронные средства коммуникации, образование, мифологизация, демифологизация, парадигма, аномалия.

Общество, ведущую роль в жизни которого играет электронно-коммуникационное окружение, как это происходит в нашем случае, можно, очевидно, назвать электронным. Имея это в виду, Маршалл Маклуэн и назвал современное общество электронным еще в 1962 г. [1]. При всей возможной неполноте этого понимания оно имеет, тем не менее, большую эвристическую значимость, направляя внимание исследователя на выделение как того, что происходит с человеком и обществом под влиянием электронных средств коммуникации, так и того, что к их воздействию никак не сводится, оставаясь, тем не менее, ему сопричастным.

Электронное общение давно стало нормой для многих. Так, к концу 2015 г. в мире Интернетом пользовались более 3,2 млрд человек при населении Земли 7,2 млрд; с 2000 по 2015 год удельный вес тех, кто пользуется Интернетом, увеличился почти в семь раз – с 6,5 до 43% всего населения [2]. Поэтому воздействие электронных средств коммуникации на восприятие и мышление стало вопросам первостепенной важности.

Для начала обратим внимание в этой связи на одновременность и линейность как на два режима восприятия и мышления. Если для доэлектронного прошлого типичным было понимание мышления как соответствия требованиям линейности, последовательности и логичности, то в окружении электронных средств коммуникации ведущей для работы сознания является одновременность (уже при взгляде на рабочий стол компьютера каждый видит все помещенные там значки сразу и может начинать потому с любого).

В исследованиях одновременности то, что становится предметом внимания, принято называть *фигурой*, а то, что при этом вытесняется на задний план, *фоном*. Когда в качестве фигуры выделяется другой элемент, прежняя фигура уходит в фон. Иначе говоря, действие режима одновременности представляет собой обновление соотношения «фигура/фон» – в отличие от работы сознания в режи-

ме линейности, когда никакого фона нет (что известно каждому из геометрии Евклида).

Именно фигуры без фона, то есть взятые сами по себе, не привязанные ни к чему другому, позволяют рассуждать линейно, последовательно и логично. Отсюда революционная роль книги как требующего линейной последовательности и логичности и, в принципе, общедоступного средства формирования самостоятельного мышления. В этой связи и выдающаяся роль ленинского призыва «Учиться, учиться и учиться!», когда в качестве ведущего средства обучения была выделена именно книга, изготовляемая типографским способом в любом потребном количестве экземпляров, а в качестве предмета обучения – всё лучшее, созданное человечеством.

Подход по принципу линейной последовательности до сих пор является ведущим и при создании образовательных программ. С принципом одновременности сложнее. Обоснования его приоритетной роли в условиях электронного общения появились еще в 1950-е гг., но для создателей образовательных программ он, в основном, всё еще не стал ведущим. До сих пор он остаётся, по терминологии Томаса Куна [3], аномалией, которой только ещё предстоит завоевать ведущее место, или, если использовать язык того же Куна, стать парадигмой.

Говоря о смене парадигм общения, следует обязательно иметь в виду их воздействие в целом, которое может быть, конечно, как положительным, так и отрицательным. Первым электронным средством коммуникации, приучающим к режиму одновременности как приоритетному и охватившим своим воздействием всё человечество, стало телевидение. Вот что писал в этой связи о результатах этого воздействия канадский теоретик Маршалл Маклуэн:

– 1964 г. – «Дитя телевидения – инвалид без привилегий (преимущества положены только тем лицам с ограниченными возможностями, которые признаны таковыми государством – В. Т.)»;

– 1977 г. – «Для детей безопасная доза телевидения что-то около нуля»; «телевизор демобилизует мускулы глаза. Поэтому дитя телевидения не может читать. Это не теория, а факт, который мы смогли обнаружить и продемонстрировать» [4].

Сообщения на эту тему крайне редки в Интернете и, более того, практически недоступны несведущим. То же можно сказать и о блокировке сообщений о чрезвычайно важной роли чтения литературы, требующей от читателя значительных умственных усилий (прежде всего классики), и это в условиях, когда электронное окружение выступает по отношению к такой литературе в роли мощной конкурирующей организации. Ещё в начале 1960-х гг. Жак Эллюль установил, что у тех, кто не читает такую литературу, ухудшаются наблюдательность и память, вещи, роль которых в жизни каждого может оказаться решающей [5].

Всё это показывает, что затронутая проблематика имеет актуальнейшее значение в преподавательском процессе, когда в учебные аудитории пришла молодёжь, привычно пользующаяся электронными средствами коммуникации (которые кто-то с целью, о которой можно догадаться, научил множество людей называть по-русски английским словом «media»). Уже в силу того, что для этих людей первичность одновременности в восприятии и мышлении вещь само собой разумеющаяся, им бывает слишком трудно понимать то, что излагается в линейной последовательности.

Это проявляется в равнодушии студентов к конспектированию (хотя и им нетрудно догадаться, что, не записывая учебный материал, они его хуже поймут, а потом, скорее всего, просто забудут), в неумении самостоятельно проанализировать заданный текст, в равнодушии к орфографии и даже, как выяснилось, к правильному прочтению незнакомого слова. Недавно это убедительно продемонстрировали две студентки:

– одна, смотря в распечатанный ею же текст, только с пятого раза смогла правильно прочесть термин «потребительная стоимость» (до этого каждый раз она уверенно «читала» «потребительская стоимость»);

– другая, глядя опять же в его распечатанный текст, вместо аристотелевского термина «энергетическая потенция» несколько раз уверенно «читала» «энергетическая потенция».

Каждый преподаватель сегодня может, наверное, вспомнить нечто подобное. Из недавних примеров того же плана: аспирант, спокойно говорящий на сдаче кандидатского минимума «аксиомология» вместо «аксиология»; студенты и аспиранты, которым не удаётся правильно произнести имена людей, о которых идёт речь. Чтобы выявить неслучайный характер таких оговорок, обратим внимание на четыре вещи, характеризующие процесс понимания в электронно-коммуникационном окружении: извлечение информации; информационные перегрузки; распознавание образа (схемы) и его использование в качестве средства понимания происходящего; построение для этого программы распознавания предметов, соотносимых не линейно-последовательно, а через интервал.

1. Извлечение информации, конечно, всегда с нами. Но что касается электронных средств коммуникации, то они давно уже извлекают, как из своей наиболее обширной базы данных, всё, что накоплено в памяти человечества, чтобы изо дня в день сталкивать своих потребителей с результатами своих усилий;

2. Если сообщений становится так много, что человеку не хватает времени на их линейно-последовательное понимание, то это и означает возникновение так называемых «информационных перегрузок»;

3. В этом случае его сознание переключается на технику распознавания образа, или схемы происходящего, и в его голове происходит формирование конфигураций, посредством которых понимание осуществляется;

4. Понимание этого факта выражается как в создании средств исследования работы сознания по принципу одно-

временности, так и соответствующих управленческих средств.

На переход от линейно-последовательного понимания к технике распознавания Маршалл Маклуэн обратил внимание ещё в 1950-е гг. В книге «Понимание средств коммуникации» («Understanding Media») (1964) он пишет в этой связи:

«Пожалуй, самым известным и самым трогательным результатом воздействия телевидения является осанка школьников младших классов при чтении. ...С приходом телевидения они держат перед собой печатный текст на расстоянии 6,5 дюймов (16,5 см. – В.Т.). Они пытаются относиться к печатной странице так, как если бы перед ними было телевизионное изображение»[6].

Вот вам и студентки, которые не сразу смогли прочесть простой текст. Как это и свойственно людям в электронно-коммуникационном окружении, они тут же принялись за технику распознавания образа, создавая схему понимания текста на основе того, что им было известно ранее. Исследуя воздействие одновременности и линейной последовательности (или синхронности и диахронности), К.Г. Юнг выделил ведущую роль первой, поскольку этого требуют средства электронной коммуникации [7]. В качестве эмпирически верифицируемых понятий он использовал при этом коллективное бессознательное, коллективные представления и архетипы. В этой связи Юнг отметил выдающееся значение мифологизации сознания как результат действия коллективного бессознательного в качестве фона [8].

При жизни Юнга принцип одновременности ещё не имел столь существенного значения. Сегодня он утверждает себя в повседневной жизни всё настоятельнее уже потому, что сформировалось глобальное электронно-коммуникационное окружение жизни всего человечества, действующее как операционная система жизни всего человечества, и понимание этого обстоятельства требует приведения в соответствие с ним работы сознания.

Карл Густав Юнг был, конечно, не одинок. Сошёлся, например, на Анну

Ахматову с её «Поэмой без героя» или на Джеймса Джойса (см. «Улисс» К.Г. Юнга) [9]. Или возьмём Илью Ильфа и Евгения Петрова. О понимании ими роли одновременности свидетельствуют «Двенадцать стульев», когда, например, Остап Бендер, полагая, что ему, возможно, придётся начать жизнь брачного афериста, интересуется у случайно встреченного им дворника о наличии невест в городе. И здесь, конечно, очень важно иметь в виду: дворник этот, как и великолепный Остап, были людьми Ильфа и Петрова, людей «телеграфной» прессы, требующего одновременности средства коммуникации. Неудивительно, что и разговаривают их персонажи нелинейно-последовательно, а посредством интервала, по ходу дела формируя интерфейс, позволяющий им выявлять и формировать общее в речевом действии:

«Подле красивого двухэтажного особняка №28 с вывеской СССР, РСФСР 2-й ДОМ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАРГУБСТРАХА, молодой человек остановился, чтобы прикурить у дворника, который сидел на каменной скамеечке при воротах.

— А что, отец, — спросил молодой человек, затянувшись, — невесты у вас в городе есть?

Старик дворник ничуть не удивился.

— Кому и кобыла невеста, — ответил он, охотно ввязываясь в разговор.

— Больше вопросов не имею, — быстро проговорил молодой человек. И сейчас же задал новый вопрос:

— В таком доме да без невест?

— Наших невест, — возразил дворник, — давно на том свете с фонарями ищут. У нас тут государственная богадельня: старухи живут на полном пенсионе.

— Понимаю. Это которые ещё до исторического материализма родились?

— Уж это верно. Когда родились, тогда и родились».

В условиях электронного общения, когда «все времена и пространства сразу», восприятие и мышление действуют в пространстве одновременности с «центром» в любой притягивающей вни-

мание точке. Неслучайно поэтому и отмеченное выше появление литературы, построенной по принципу гипертекста, посредством конфигураций, повторное использование которых позволяет читателю на основе прочитанного каждый раз по-новому соотносить не связанные линейной последовательностью части текста. Действуя таким образом, в «Поэме без героя» А. А. Ахматова вовлекает читателя в эпизоды своей жизни; филигранное применение принципа гипертекста демонстрируют произведе-

ния как М.А. Булгакова, так и И. Ильфа и Е. Петрова. И это, конечно, далеко не всё, что можно было бы сказать по этому важному поводу.

Что же касается самого читателя, то ведущая роль одновременности работы его сознания в условиях электронно-коммуникационного окружения требует от него вчитывания как такого возвращения к тексту, в результате которого он, перечитывая заслуживающий его внимания текст, выявляет его глубинные смысловые основы.

Список литературы:

1. McLuhan: Hot & Cool. N.Y.: The New American Library, 1967, 272 p..
2. Пользователи интернета в мире http://www.bizhit.ru/index/polzovateli_interneta_v_mire/0-404.
3. Петров М. К. Перед «Книгой Природы» // Природа. 1978, №8, с. 23–28.
4. Терин В.П. Массовая коммуникация: исследование опыта Запада. М.: Институт социологии РАН, 1999. 170 с.
5. Ellul J., Propaganda. P.: Economica. 2008, 3e éd. (1re éd. 1962 Armand Colin). 361 p.
6. Маклуэн М. Телевидение. Робкий гигант. // ТВ-87: Телевидение вчера, сегодня, завтра. М.: Искусство, 1988, 167 с. (перевод В. П. Терина).
7. Неизвестный Юнг. Собрание переводов (перевод В.П. Терина). М.: Колосс, 2010. 181 с.
8. Терин В.П. Электронное мифотворчество для всех // Мир психологии. 2003. № 3. С. 74–78.
9. Юнг К.Г. Улисс. Монолог. // Неизвестный Юнг. Собрание переводов (перевод В.П. Терина). М.: Колосс, 2010. 181 с.

Об авторе:

Терин Валерий Павлович – д.соц.н., к.филос.н., профессор кафедры философии МГИМО МИД России. E-mail: vterin@olmin.ru.

READING CULTURE UNDER A SPELL OF ELECTRONIC COMMUNICATION

Valery P. Terin

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract. *Electronic communication has been taken for granted by many people; the impact of digital communications on perception is a pressing issue. Therefore simultaneity and linearity as two different patterns of perception common to each person can be represented. Previously, the understanding of brainwork was based on the linearity conception, yet with the recent progress of digital development the simultaneity underpins the way of thinking (for example, the variety of icons visible on computer desktop all at once enables to choose each of them).*

The focus of simultaneity research is usually specified as "the figure", while the rest which is sent back is called "background". When the figure is chosen, the previous one goes to the background. In other words, the simultaneity represents a correlation process between the "figure" and the "back-

ground" as opposed to the lineal perception, excluding the background (it is known from Euclidean geometry). The existence of figures without background leads to the lineal, gradual and logical way of thinking. A book as the lineal type of information plays a revolutionary role and moulds an independent way of thinking.

This Article dwells upon the processes of information overload, information extraction; recognition and usage of schemes enhancing the understanding of the reality; figures recognition programs construction based on integral perception. The role of the simultaneity conception in educational programs development is also defined.

Key words: *modes of perception and thinking, mentality, problem solving, electronic media, education, mythologizing, demythologizing, paradigm, anomaly.*

References:

1. McLuhan: Hot & Cool. N.Y.: The New American Library, 1967, 272 p.
2. Pol'zovateli interneta v mire [Internet users in the world] http://www.bizhit.ru/index/polzovateli_interneta_v_mire/0-404. (in Russian).
3. Petrov M.K. Pered "Knigoy Prirody" [Before "The Book of the Nature".] // Priroda. 1978, №8, s. 23–28. (in Russian).
4. Terin V.P. Massovaya kommunikatsiya: issledovaniye opyta Zapada. [Mass Communication: Research of Experience of the West]/ M.: Institu sotsiologii RAN, 1999/, 170 s. (in Russian).
5. Ellul J. Propaganda. P.: Economica. 2008, 3e éd. (1e éd. 1962 Armand Colin). 361 p.
6. Maklue M. Televideniye. Robkiy gigant [Television. Shy Giant] // TV-87: Televideniye vchera, segodnya, zavtra (perevod V.P. Terina). M.: Iskustvo, 1988, 167 s. (in Russian).
7. Neizvestnyy Yung. Sobraniye perevodov [Meeting of the translations] (perevod V.P. Terina). M.: Koloss, 2010. 181 s. (in Russian).
8. Terin V.P. Elektronnoye mifotvorchestvo dlya vseh [Electronic formation of myths for all] // Mir psikhologii. 2003. № 3. S. 74–78. (in Russian).
9. Yung K.G. Uliss. Monolog.[Ulysses. Monologue] // Neizvestnyy Yung. Sobraniye perevodov (perevod V.P. Terina). M.: Koloss, 2010. 181 s. (in Russian).

About the Author:

Valery P. Terin – Doctor of Sociology, Professor of the Department of Philosophy MGIMO University.

СКВОЗЬ ПРИЗМУ СООТНОШЕНИЯ ФИЛОСОФИИ И МАТЕМАТИКИ

Глаголев Владимир Сергеевич – д.филос.н., профессор кафедры философии МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

Вишња Кнежевић
МАТЕМАТИКА У ПЛАТОНОВОЈ ФИЛОЗОФИЈИ
СРПСКО ФИЛОЗОФСКО ДРУШТВО
Београд, 2016. 270 с.



Книга исследовательницы Вишњи Д. Кнежевич, представляющей философский факультет Белградского университета, посвящена довольно редкой в наши и вместе с тем чрезвычайно интересной проблематике. Речь идёт об исследовании философии Платона (в том числе, и позднего периода, включая мистический «Теэтет») сквозь призму соотношения философии и математики. Причём с хорошим знанием и той, и другой. Отчётливо артикулированная в начале XX в. тема соотношения мысли и исчисления, мышления и языка, логики и психики, впитав оскоминау кантовского трансцендентализма, получила за последующие сто лет значительное развитие. Она оказалась в одном ряду с такими значительными интеллектуальными прорывами, как создание искусственного интеллекта и решением других, вполне прагматичных, задач.

Ценно, что в книге В. Кнежевич обсуждение классической историко-философской проблемы рецепции пифагореизма в учении Платона и рекон-

струкции так называемого «неписанного учения» дополнено детальным разбором метафизического пласта математических понятий, таких как идеи-числа, геометрическое выражение чисел; единое и многое, методическое значение гипотезы и теории, и т.д. При этом методология, на которую опирается философ из Белграда, остаётся последовательно философской и вместе с тем научной, что уже вызвало определённый резонанс не только в среде историков философии, но также и математиков.

Обращает на себя внимание добросовестность и систематичность подхода автора к описанию трудов, связанных с исследуемой темой. Обширный пласт источников, в том числе и переведённых на другие языки, сопоставлен с комментаторской литературой, посвящённой математическим аспектам учения Платона. Упомянут корпус греческих текстов (где, помимо Платона, по понятным причинам представлен Аристотель), на которые опирается автор (с. 252). Ещё более подробно приведён список переводов на сербский, английский, немецкий и французский языки, оказавшихся до-

ступными для сравнительного анализа с целью выявления отдельных аспектов исходного смысла. Примечательно, что среди энциклопедических изданий, связанных с философией математики, нашли своё место книги на русском языке – «Математическая энциклопедия» (Москва, 1977), «Философский энциклопедический словарь» (Москва, 1983) и «Философская энциклопедия в 5-ти тт.» (Москва, 1960-1970).

Критическую ноту, уместную для анализа столь серьёзной работы, как сочинение В. Кнежевич, можно внести указанием на отсутствие в её работе упоминаний о фундаментальных исследованиях в области античной математики на российской почве в трудах А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Нет также ссылок на увидевшую свет в начале 2000-х гг. «Новую философскую энциклопедию». Контраст этой лакуне составляет упоминание о «критерии практики в исследованиях В.И. Ленина», посвящённых трудам Гегеля (с. 62-63).

Таким образом, актуальным и своевременным данная книга предстаёт не только потому, что обращается к важнейшему сегодня вопросу о характере научной доказательности в её отличии от ненаучной (с. 63-90) или теме границы как *предела* (с. 140-179). Данные проблемы, как и проблема знания – строгого, точного и основанного на некотором логически заданном основании «припоминания» (с. 66), позволяют обратиться к изучению классической древнегреческой философии в качестве одного из истоков современных форм научного знания. И шире – к форме мышления, тесно связанной с языком и вместе с тем готовой «оторваться» от любых средств выразительности, преодолевая неизбежную «рамку» языковых возможностей.

Собственно, эта тема – истина и её связь с языком – не нова. В XX в. свою лепту в её развитие внесли логики, математики, философы и психологи. В настоящее время существенные наработки в данной области сделаны в рамках философского осмысления культурных различий¹. По сути, в них сделан ещё один шаг к решению поставленной О. Шпенглером задачи – рассмотреть типологические культурные различия как различия в способах мышления. Если угодно – в способах данности смысла, *ноэзе*, если воспользоваться термином Э. Гуссерля. Наиболее существенными в свете сказанного оказываются интерпретации математических понятий, и прежде всего – времени и пространства. Здесь немецкая традиция, восходящая к И. Канту с его «субъективизацией» пространственно-временной сетки, дополняется не только философией культуры XIX – XXI вв., но и обширными эмпирическими наработками современной этнологии, психологии, лингвокультурологии², культурной антропологии и т.п. Книга сербского философа с этой точки зрения – новая дерзкая попытка «увидеть зрение» не с позиций аналитической философии либо «логического атолизма», но создать модель возможного целостного синтеза, пригодного для анализа, но не сводимого к нему.

Можно с известной долей уверенности предположить, что перспективы развития исследований в области философии математики лежат не только в сфере «чистой науки» как *отдельного от всего* «третьего мира» знания. Но не менее того, в сфере философии культуры – как гипотетического средства реконструкции их оригинальных «способов смыслополагания». С уважительным и вместе с тем критическим подходом к возможностям и границам разных способов смыслополагания.

¹ Смирнов А.В. Возможна ли не-западная философия? // Философский журнал. 2011. № 1. С. 5-9.

² Веденина Л.Г. Концепт «человек» в языковых картинах мира / Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Четвертый межвузовский семинар по лингвострановедению. Сборник статей в 2-х частях. Ответственный редактор: Л.Г. Веденина. М.: 2007. С. 146-256.

ПРЕКРАСНАЯ ПОРА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

**(О работе секции «Межкультурная коммуникация и
внешняя политика России» X Конвента РАМИ)**

М.В. Силантьева

ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел РФ», 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76.



В работе секции приняли участие более 60 человек. Они представляли различные учебно-научные заведения нашей страны, а также исследовательские и университетские центры Сербии, Молдовы, Египта, США, Мексики, Ирана и Турции. «История и география», российских участников секции была также обширной:

- от Забайкалья (Чита) и до Санкт-Петербурга, Москвы, Курска, Самары и Нижнего Новгорода;
- от социологов и правовиков – до историков, экономистов, политологов, философов, культурологов и лингвистов.

Среди вузов и научных учреждений на секции межкультурной коммуникации, помимо МГИМО МИД России, были представлены: МГУ им. М.В. Ломоносова; Санкт-Петербургский университет; Институт философии РАН; Институт востоковедения РАН; Институт научной информации по общественным наукам РАН; Российский университет дружбы народов; Российская академия народного хозяйства и государственной службы; Московский педагогический государственный университет; Нижегородский лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова; Забайкальский государственный университет; Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права (СПБ ИВЭСЭП); Российская академия музыки им. Гнесиных; Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России; Рязанское военное воздушно-десантное училище (РВВДКУ); Московская государственная художественно-промышленная академия им. С.Г. Строганова и др.

Среди иностранных гостей – учёные из Белградского (Сербия), Силантьева Маргарита Вениаминовна – д.филос.н., профессор кафедры философии МГИМО(У) МИД России;

Коджаелийского и Стамбульского (Турция) университетов; заочно были представлены материалы коллег из Мексики (Universidad Michoacana de San Nicolás de Hidalgo, Mexico) и США (Missouri Southern State University, United States of America). Анализ заседаний (проведенных, кстати, в формате панельной дискуссии, с вопросами к выступавшим и обсуждением содержания представленных докладов и выступлений) показал наличие большого интереса к межкультурной коммуникации, интегрирующей результаты достижений отдельных специальностей в комплексный междисциплинарный синтез.

Имеет смысл выделить несколько основных блоков, оформившихся в ходе работы предшествующих конвентов и заявивших о себе в ходе нынешнего, десятого по счёту:

- **теоретический блок.** Здесь были представлены материалы философского и культурологического профиля, посвящённые теме концептуализации исследований в области современной коммуникативистики, дальнейшей разработке ее понятийного аппарата и методологических подходов. Среди них были доклады известных специалистов:

- д.ф.н., профессора, главного научного сотрудника сектора эстетики ИФ РАН, заслуженного деятеля науки РФ К.М. Долгова, выступившего по теме «Язык, образ, культура в современной дипломатии»;

- д.ф.н., профессора А.В. Шестопала и д.ф.н., профессора М.В. Силантьевой (МГИМО), в совместном труде обнародовавших итоги исследований по проблематике «Антропологических и ценностных оснований коммуникации: теоретическим и прикладным аспектам»;

- д.филол.н., профессора, почётного профессора МГИМО Л.Г. Ведениной, выступившей на секции с исследованием «Франция и Россия: транскультурное и межкультурное взаимодействие (XI–XXI вв.)»;

- к.пед.н., доцента Н.Д. Афанасьевой (МГИМО), представившей на секции свои изыскания и выводы по теме «Русский язык как фактор глобального мира»;

- старшего преподавателя кафедры иностранных языков СПб ИВЭСЭПЭ.В. Бушуевой, в своём выступлении раскрывшей проблему, сформулированную как «Европа встречает Россию» или ещё раз о культурной дипломатии по-европейски» и др.;

- **информационно-коммуникативный блок** содержит в себе интереснейшие наработки в области как собственно информационных технологий (доклады к.полит.н. Е.В. Пинюгиной (ИНИОН РАН), В.С. Сорокиной (МГИМО), к.ф.н. В.А. Щипков (МГИМО), д.и.н., проф. Е.В. Жбанкова (МГУ им. М.В. Ломоносова), М.А. Субботина (МГИМО) и др.), так и теории вопроса (д.социол.н., доц. В.П. Терин (МГИМО), к.филос.н., доц. А.Н. Самарин (МГИМО), к.социол.н., доц. Н.В. Литвак (МГИМО)) и др. В этой сфере определился отчётливый трек, связывающий вопросы межкультурной коммуникации с осмыслением новых феноменов политического процесса с точки зрения коммуникативных возможностей новых технологий и информационного взаимодействия и воздействия, скрытого и явного, на контр-агентов межкультурного взаимодействия;

- **историко-культурный блок** посвящён событиям в области межкультурной коммуникации, оставившим свой след в памяти народов и оказавшим влияние на институализацию внешней политики и дипломатии (к.культурологии А.А. Королева, аспиранты и преподаватели – А.В. Шалюхина, Ю.И. Микаэлян, Д.С. Горшенев (все – из МГИМО); к.и.н. В.В. Рулинский (Московский Патриархат); доктор философии В. Кнежевич (Белградский университет, Сербия); к.п.н. Ю.В. Мочалова, к.п.н. Аникеева, д.п.н., проф. Л.В. Матвеева (все – из МГУ им. М.В. Ломоносова); д.филол.н., проф. О.С. Чеснокова

(РУДН) представляла доклад, подготовленный совместно с доктором философии, профессором О. Улиссесом (Мексика) и доктором философии, профессором Р. Леонардо (США), д.филос.н., профессором Т.В. Бернюкевич (ЗабГУ, Чита)) и др.;

– **лингвокультурологический блок** представляли на секции д.филол.н., профессор, почётный профессор МГИМО Л.Г. Веденина, к.пед.н., доцент Н.Д. Афанасьева, д.филол.н., профессор А.Н. Алексахин (все – из МГИМО), Е.Ф. Овчаренко (МГУ им. М.В. Ломоносова) и др. В докладах этого профиля подчёркивалась важность привлечения методов лингвистики для выработки корректной научной парадигмы исследований межкультурной коммуникации, уместность компаративного подхода, апеллирующего, вместе с тем, не только к различным путям отражения мира в сознании, но и к объективности самого этого отражения. Отдельного внимания заслуживает доклад Л.В. Ведениной (МГИМО) «Франция и Россия: транскультурное и межкультурное взаимодействие (XI–XXI вв.)», в котором была поставлена проблема лингвокультурологии как одного из наиболее существенных методологических подходов к проблематике межкультурной коммуникации, опирающегося на строго научное и вместе с тем глубоко философичное осмысление конкретных процессов.

Изучение стереотипов, играющих в межкультурной коммуникации, как правило, негативную роль, формируя предвзятость и нетерпимость по отношению к *Другому*, стало основным предметом изучения для:

– Н.Г. Трениной (МГУ им. М.В. Ломоносова, доклад «Русский медведь: культурные стереотипы о России как приёме в международной политической риторике»);

– Е.Н. Анистратовой (Санкт-Петербургский филиал РАНХиГС, доклад «Кривое зеркало русской политической ментальности»);

– д.филол.н., профессора И.В. Приваловой (ФГБОУ ВО Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского Минздрава России, доклад «Специфика коммуникативного поведения участников политического диалогического дискурса»);

– к.и.н., доц. Колосовой А.А. (РУДН, доклад «Образ России в британских СМИ»);

– **блок восточных исследований**, к.и.н., доцент В.А. Федякина (МПГУ) представила оригинальный доклад «Образ России в учении японского религиозного движения Кофуку-но кагаку»; к. культурологии Е.С. Сычева (МГИМО) раскрыла образ России в современной массовой культуре Японии (на примере аниме и манга); к.и.н. Н.В. Сухов (ИВ РАН) в докладе «Межкультурные связи и политика России на Ближнем Востоке и в Северной Африке: история и современность» показал глубину и неоднозначность процессов, происходящих в этом регионе, и убедительно обосновал сложный характер внешнеполитических задач, которые приходится решать здесь нашей стране;

– **блок изучения религиозной коммуникации** в аспекте международных отношений был открыт выступлением д.социол.н., профессора И.Г. Каргиной (МГИМО) «Глобальные тренды ограничений, проявлений враждебности и насилия в области религии: политические и социальные проекции религиозного плюрализма общества XXI века», который активизировал обсуждение специфики религиозного плюрализма в современном мире. В свою очередь, В.А. Федякина (МПГУ) в упомянутом выше докладе «Образ России в учении японского религиозного движения Кофуку-но кагаку» (который можно смело отнести сразу к двум выделенным блокам) представила подробный анализ оригинального политико-религиозного феномена, ставшего одним из аспектов публичной дипломатии в сфере российско-японских отношений. Д.ф.н., проф. Т.В. Бернюкевич (ЗабГУ, Чита) осветила «Внешнеполитические факторы рецепции буддийских идей в России в конце XIX – начале XX вв.», в докладе создав «мост» между историко-культурными и религиознонаучными исследованиями.

Аудитория с интересом встретила доклад к.и.н., доцента В.В. Печатнова (МГИМО) «Традиционные ценности и проблемы межкультурного диалога». В нём подчёркивалось, что рассуждения о традиционных ценностях сегодня нередко

плавно перетекают из области научной дискуссии в сферу декларативного нормативизма, построенного на оценках того или иного знака. Вместе с тем, сам нормативизм нуждается в дополнительном осмыслении, так как выступает точкой отсчёта не только в теории, но и, что особенно важно, на практике. Как соотносится практика межкультурной коммуникации нормативно-полярных или даже несоизмеримых моделей, каждая из которых выступает безальтернативной («традиционной») для своей культуры? Этот вопрос вызвал оживленную, заинтересованную и местами острую дискуссию.

– **блок коммуникации в сфере искусства.** Здесь наиболее ярко заявили о себе:

– к.ф.н., доцент С.Г. Гладышева (МТУ МИРЭА) с докладом «Джованни Баттиста Пиранези как пример новоевропейского мультикультурализма»;

– Е.В. Поздняков (реставратор РПЦ) с выступлением «Историко-культурологический аспект оценки памятников культуры. Факторы, влияющие на качество произведений искусства»;

– И.А. Чупрова (МГИМО), выдвинувшая на обсуждение участников секции проблему «Феномен музыки в пространстве межкультурного общения»;

– к.и.н., доцент Н.А. Говор (РАМ им. Гнесиных) со своим интересным исследованием «В поисках утраченной целостности: о фортепианных миниатюрах композиторов русского зарубежья» и др.

В заключение можно подчеркнуть, что проблематика межкультурной коммуникации «стягивала» тематику всех блоков, составляя условие взаимной заинтересованности и желания внимательно выслушать оппонента, прежде чем наброситься на него с вопросами и комментариями. Пожалуй, секция «Межкультурная коммуникация» (кстати, действующая постоянно, и не только в рамках данного конвента) – уникальная площадка, где попытки междисциплинарного синтеза демонстрируют свои «узкие места» и вместе с тем перспективность. Подобное оказалось возможным, прежде всего, вследствие высокой культуры всех её участников, их заинтересованности и взаимной доброжелательности при последовательном, аргументированном, но бескомпромиссном отстаивании своих научных позиций.

Особенную благодарность от лица организаторов работы секции со стороны МГИМО хотелось бы высказать студентам из Санкт-Петербурга – Владлене Калиновской, Анне Якимчук, Катерине Лашун и Веронике Калигановой, а также их руководителю – Эмилиии Владимировне Бушуевой (СПб ИВЭСЭП). Ребята и их руководитель подготовили замечательные выступления «по горячим следам» своих опытов межкультурного общения с представителями других стран и народов и подготовленными презентациями с развёрнутыми комментариями и той энергией эмоциональной открытости, которая, не мешая решению основных научных задач, одухотворяет исследователя и делает его работу интересной.

Заочно хотелось бы также выразить свое уважение тем студентам, магистрантам и аспирантам – МГИМО, МИРЭА и МГУ им. М.В. Ломоносова, которые нашли время поучаствовать в работе секции. Аудитория, как известно, многое определяет. А способность внимательно слушать определяет качество аудитории, без которого даже самые интересные научные разработки рискуют стать и нередко становятся «братской могилой».

*M.V. Silantyeva,
Perfect Time International Communication
(The Work of the Section
«Intercultural Communication and Foreign Policy of Russia».
X Convent RAIS)*

Церковь и внешняя политика России: традиции, тенденции, перспективы

В.В. Печатнов

к.и.н., доцент кафедры философии им. А.Ф. Шишкина МГИМО МИД России. ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел РФ», 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76.



6 декабря 2016 г. в МГИМО прошёл круглый стол «Церковь и внешняя политика России: традиции, тенденции, перспективы», посвященный 20-летию Центра «Церковь и международные отношения». Мероприятие открыл ректор МГИМО, академик РАН А.В. Торкунов, модератором стал генеральный директор Центра «Церковь и международные отношения», профессор МГИМО, председатель Отдела Московского Патриархата по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ (ОВЦО-иСМИ) В.Р. Легойда. На круглом столе выступили:

- заместитель Председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата (ОВЦС) протоиерей Николай Балашов;
- уполномоченный МИД России по вопросам прав человека, демократии и верховенства права К.К. Долгов;
- декан факультета международной журналистики МГИМО Я.Л. Скворцов;
- главный научный сотрудник Института философии РАН К.М. Долгов;
- заведующий кафедрой философии МГИМО А.В. Шестопал;
- заместитель директора Департамента внешнеполитического планирования МИД России С.А. Базданин;
- секретарь Учёного совета Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых Кирилла и Мефодия священник Димитрий Сафонов;
- профессор кафедры дипломатии МГИМО Е.М. Астахов;
- исполнительный директор Центра «Церковь и МО», доцент кафедры философии МГИМО В.В. Печатнов и др.

В связи с юбилеем Центра для выступавших было естественно оценить недавнее прошлое отношений между Русской Православной Церковью и МИД России, а также роль Центра в этих отношениях. Как справедливо отметил протоиерей Николай Бала-

шов, Центр «Церковь и международные отношения», помимо своих учебных функций в МГИМО, задумывался как посредник между Церковью и российской дипломатией и шире – между Церковью и светской наукой. А отношения между Церковью и дипломатией в постсоветской России нужно было выстраивать заново. Если в синодальный, а тем более в советский периоды Церковь была поставлена в жёсткую зависимость от внешнеполитических интересов государства, то Россия постсоветская эту зависимость сняла. Появилась возможность заново продумать роль Церкви во внешней политике России и в обществе в целом. Наиболее целенаправленно за эту работу взялся Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата. Ее результатом явились концептуальные документы, выработанные в Отделе: «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», а затем «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека».

Не меньшее значение, по мнению ораторов на круглом столе, имели выступления в 1990-х гг. в МИД тогдашнего Председателя Отдела, митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (ныне – Патриарх Московский и всея Руси). По словам К.К. Долгова, эти выступления «вызывали восторг у думающих, незашоренных дипломатов». Как подчеркнул А.В. Шестопал, в ту эпоху, характеризовавшуюся резким ослаблением и умалением международного влияния нашей страны, митрополит Кирилл поражал своей верой в величие и значимость России.

Центр «Церковь и международные отношения» внёс свой вклад в дело переосмысления роли Церкви в дипломатии России. Как напомнил К.М. Долгов, еще в конце 1990-х гг. Центр совместно с Дипломатической академией МИД организовал трёхдневную конференцию на тему «Религия и дипломатия». В 2000 г. Центром и кафедрой философии МГИМО было выпущено коллективное учебное пособие под названием «Духовные основы мирового сообщества и международных отношений». Когда, как отметил Николай Балашов, Патриарх Алексей II в 2003 г. впервые посетил МИД, этот визит пал на почву, подготовленную усилиями ОВЦС, но также и Центра «Церковь и международные отношения» МГИМО.

Выступавшие на круглом столе 6 декабря говорили, конечно, и о современных процессах мирового развития. Протоиерей Николай Балашов поднял тему экстремистской угрозы в мире, и в частности, гонений на христиан на Ближнем Востоке. Он отметил, что число христиан в Сирии за последние 5 лет сократилось вдвое, а в Ираке за последние 13 лет – в десять раз. К.К. Долгов упомянул о гонениях на христиан в Йемене, Тунисе и Марокко, приведших к массовому исходу христиан из последних двух стран. Он и отец Николай были едины во мнении, что дехристианизация региона, в котором христианство исторически играло ключевую роль, несёт смертельную угрозу для цивилизации этого региона, будь то Европа или Ближний Восток.

Уполномоченный МИД по правам человека К.К. Долгов говорил также об агрессивном секуляризме в Европе и США, о кризисе идентичности в Европе, которому способствует разрушение института семьи. В качестве примера докладчик привёл запрет детям во французских школах употреблять слова «папа» и «мама»; вместо этих слов введены выражения «родитель 1» и «родитель 2». В то же время на святой горе Афон, откуда выступавший вернулся за день до круглого стола, отмечается «колоссальный приток паломников из Западной Европы и США», ищущих того измерения жизни, которое для них недоступно при современной форме секуляризма в их странах.

В качестве ответа на угрозу экстремизма говорилось о необходимости диалога цивилизаций. Протоиерей Николай Балашов подчеркнул, что такой диалог невозможен без учёта религиозного измерения человека. Е.М. Астахов заметил, что Русская Православная Церковь «уникально способна к межкультурному диалогу с исламом», как в силу долгой истории мирного сосуществования православия и ислама на территории России, так и в силу межрелигиозного диалога между ними в постсоветской России, о котором упомянул священник Димитрий Сафонов.

Основной идеей многих выступлений и общим выводом, напрашивающимся из всего мероприятия в целом, стало сближение Церкви и дипломатии в России. Если в 1990-х гг., по словам Николая Балашова, «язык МИД очень отличался от языка Церкви», то сегодня общий язык найден, и сотрудничество дипломатии и Церкви идёт полным ходом. В 2003 г., во время первого посещения МИД Святейшим Патриархом Алексием, была создана Рабочая группа по взаимодействию Министерства иностранных дел и Русской Православной Церкви. Такой шаг был вполне оправдан, ибо ещё с 1990-х гг. РПЦ и МИД решали за пределами России три одинаковые задачи: миротворчество, поддержка соотечественников за рубежом и помощь российской диаспоре.

Рабочая группа встречается для заседаний не реже, чем раз в год, и обсуждает такие вопросы взаимного сотрудничества, как:

- преследования христиан в различных регионах мира;
- развитие межрелигиозного диалога;
- положение священнослужителей Украинской Православной Церкви Московского Патриархата в контексте кризиса на Украине;
- поддержка соотечественников за рубежом;
- продвижение на международной арене сбалансированного видения соотношения традиционных ценностей и прав человека.

Практическое сотрудничество МИД и РПЦ за рубежом теперь планируется и координируется специальной Рабочей группой. Сотрудничество российской дипломатии и РПЦ осуществляется в том числе через контакты с Синодальными учреждениями РПЦ. Помимо тесного взаимодействия с ОВЦС, МИД сотрудничает с ОВЦОиСМИ, Русской духовной миссией в Иерусалиме, Управлением Московской Патриархии по зарубежным учреждениям, Синодальным комитетом по взаимодействию с казачеством. Кроме такого сотрудничества, представители МИД и РПЦ, начиная с Министра иностранных дел и Патриарха Московского и всея Руси, совместно участвуют в праздничных и юбилейных мероприятиях.

Сближение Церкви и российской дипломатии представляется частью процесса сближения Церкви и государства в России. А этот процесс, по моему мнению, есть одновременно и результат, и источник возвращения России, ее граждан к своим историческим корням, и прежде всего – к православию. Сближение Церкви и государства уже многие годы вызывает негативную реакцию со стороны антиклерикально настроенной части интеллигенции, которая обвиняет власти и Церковь в создании «государственной религии». В последнее время в Интернете вновь проводился сбор подписей под письмом, указывающим на несоответствие между положением Конституции РФ о светскости нашего государства (статья 14) и реальным положением Русской Православной Церкви в обществе.

Авторы письма ссылаются на конкретные явления, говорящие о сближении Церкви и государства в России, а именно, на участие РПЦ в образовании и общественно значимых мероприятиях. Однако проблема в том, что эти явления суть лишь выражения тезиса, высказанного К.М. Долговым на круглом столе в МГИМО 6 декабря: «Религия по природе своей не имеет никаких пределов». Церковь в России продолжает быть отделённой от государства, но в то же время подлинная вера вместе с её проявлениями обнимает собой всю жизнь человека. Она не может ограничиться стенами храмов. Почему во взаимодействии с государством православной Церкви отдаётся преимущество перед другими конфессиями? Потому, что, как ещё в ноябре 2007 г. Министр иностранных дел России С.В. Лавров, подводя итоги X заседания Рабочей группы по взаимодействию МИД и РПЦ, сказал: «Православные ценности сформировали основу российской культуры и российской государственности».

Pechatnov V.V.
The Church and Foreign Policy of Russia:
Traditions, Trends, Prospects

АНАЛИЗ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ МОЛОДЁЖИ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

М.В. Синютин, Р.Д. Акинина, А.О. Иванова, Д.А. Ханнолайнен, А.С. Гонашвили
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб. д.7-9.



В данной работе авторами исследуются проблемы межкультурной коммуникации на примере сопоставления образов самопрезентации российской и американской молодёжи, пользующейся социальными сетями «ВКонтакте» и «Facebook». Авторы, опираясь на идею двойной контингентности и единства информации, а именно общения и понимания, которая используется в теории Николаса Лумана, провели социологическое исследование.

В данном исследовании путём анализа открытой информации на личных страницах пользователей в социальных сетях авторами была проведена попытка выявить способы и формы конструирования идентичности российских и американских пользователей социальных сетей. В статье проводится сравнение и даётся оценка информации, которую выкладывают данные пользователи на своих личных страницах в социальных сетях. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что американские пользователи более динамичны и открыты в общении, чем российские пользователи. Вместе с тем обе группы пользователей из России и Америки пытаются сконструировать положительный социальный образ, который они демонстрируют в Интернете.

Статья носит теоретико-прикладной характер и будет интересной для исследователей, изучающих социологию молодёжи и межкультурную коммуникацию.

Ключевые слова: социология молодёжи, сравнительное исследование, межкультурная коммуникация, самопрезентация, социальная сеть, конструирование идентичности.

Современное общество является сложной системой или комплексом многообразных форм социальных отношений, в которых сталкиваются, сосуществуют и переплетаются различные роли, смыслы, действия, структуры личности. По мере исторического развития система социальных отношений становится более разнообразной, динамичной и открытой, а люди, принадлежащие к разным сообществам, культурам и социальным группам, всё чаще встречаются друг с другом, общаются, работают и учатся вместе, становятся друзьями, вступают в браки, создают сети социальной коммуникации. Однако эти процессы полны противоречивых тенденций, столкновений интересов и институциональных конфликтов. Системные черты общества проявляются на разных уровнях социальных отношений, принимая самые разнообразные формы, в том числе и отчуждение индивидов.

Современная социология отказалась от простейших схем социального взаимодействия и социальных отношений, бытовавших в прежние годы. Проявление социальной системы в процессах коммуникации было одним из первых теоретически обосновано немецким социологом Никласом Луманом [7]. С одной стороны, он подходил к коммуникации с позиций двойной контингентности, что подразумевает взаимное полагание субъектов социального отношения. Эту мысль поддержали представители современной реляционной социологии, включая Мустафу Эмирбайера [3], Пьерпаоло Донати и Маргарет Арчер [2], Ника Кросси [1], Энн Мише [4] и других. С другой стороны, Луман видел в коммуникации единство информации, сообщения и понимания. «Коммуникация, – писал он, – не может быть наблюдаема, а может быть лишь раскрыта» [7, с. 226]. Примером подобного раскрытия может выступать самопрезентация. В итоге оба указанных Луманом момента в понимании коммуникации использованы нами для построения теоретической базы эмпирического исследования межкультурной коммуникации современной молодёжи.

Особый интерес в социологических исследованиях всегда представлял сравнительный анализ. В нашей стране распространены подобные исследования на примере представителей российских и американских обществ. В данных исследованиях особое внимание уделялось молодёжной среде. Начиная с работы Ричарда и Маргарет Браунгардт [5], исследования молодёжи двух стран стали подкрепляться адекватной эмпирической базой. Мы решили продолжить имеющуюся традицию анализом особой формы коммуникации, охватившей современную молодёжь по всему миру – социальными сетями интернета.

Как и предвидел автор идеи «глобальной деревни» канадский философ Маршал Маклюэн [8], современность стала ареной борьбы прежней алфавитной культуры и нарождающейся электронной культуры, визуального и акустического восприятий, пассивных и активных участников коммуникации. Человек сегодня не в первый раз оказался между двумя мирами. Но никогда прежде техническая оснащённость культурной коммуникации не была так глобализирована. Этот эпохальный для человеческого мышления перелом подчёркивает особую актуальность перспективных исследований молодёжной коммуникации в новых формах. Для одних он служит как средство общения, для других – составляет часть их работы, но, как к ней ни подходи, эта «паутина» демонстрирует свой всемирный характер.

В 2015 г., в период с сентября по октябрь нами было проведено пилотажное социологическое исследование, целью которого было подробное изучение различных стратегий самопрезентации молодёжи в социальных сетях в глобальном пространстве «Интернет». Исследование базировалось на основе анализа материалов респондентов в возрасте от 15 до 30 лет из России и Соединённых Штатов Америки, у которых на личных страницах в социальных сетях была размещена информация, которую мы и изучали. Количество респондентов составило пятьсот человек, из которых половина была пользователями всемирной «паутины» из России, а половина из США, по гендерному принципу респонденты составили 70% девушек и 30% юношей.

Нами были изучены две мировые социальные сети, а именно «ВКонтакте» и «Facebook», так как они являются одними из самых популярных социальных сетей. В нашем исследовании были выработаны три критерия информации, которую выкладывали на своих страницах пользователи данных социальных сетей, а именно:

- содержательность информации, которая отражает семантическую ёмкость, то есть количество данных, связанных с одной ситуацией или явлением, выложенной конкретным пользователем информации;

- устойчивость информации. В нашем исследовании устойчивость информации отражала способность информации реагировать на внешние факторы, воздействующие на информацию (примером этого может быть негативные отзывы к выложенной информации пользователя социальных сетей);

- открытость как личной, так и общественной информации, где личная информация – это информация, которая непосредственно связана с пользователем социальной сети, например, это могут быть личные фотографии из семейного альбома или любая другая приватная информация о пользователе социальной сети. А общественная информация в нашем исследовании понималась как информация, напрямую не связанная с личной, приватной жизнью пользователей социальной сети. Луман указывал на процессы кодирования в коммуникации, которые требуют высокой степени стандартизации [7, с. 199].

В ходе нашего исследования мы выяснили, что американцы в среднем выкладывают в социальные сети больше информации вообще и больше той информации, которая в российской культуре считается «приватной», нежели русские пользователи. Американские пользователи чаще выкладывают фотографии, пишут посты (отдельно взятые сообщения на своих страничках в социальных сетях) и репостят (делают повторное сообщение) интересные им материалы из групп в социальных сетях. В среднем они делают по 2-3 поста в день, в то время как русские пользователи (в среднем) публикуют информацию в социальных сетях около одного раза в день. 10% американских пользователей делятся своими мыслями, рассказывают интересные истории, которые с ними приключились, случаи из жизни. Любопытно, что они больше в три раза русских пользователей озвучивают свои политические взгляды, публично поддерживая одних политиков и критикуя других.

Среди американских пользователей 15% публикуют информацию, которая не обладает большой ценностью и способна вызвать интерес лишь у узкого круга лиц, близким к пользователю. А среди русских пользователей таких людей всего 2%. В сети «Facebook» в четыре раза чаще, чем «ВКонтакте» встречались рассказы о том, как человек пролежал всё утро выходного дня в кровати, что он думает о погоде за окном и чем он собирается заняться вечером.

Также любопытно сравнить, как молодёжь использует социальные сети для объявления об изменениях в своей жизни. Американские пользователи стремятся поделиться с виртуальными друзьями всеми важными новостями как можно скорее. Они часто выкладывают в социальные сети информацию о поступлении в университет, спортивных победах, новом рабочем месте или просто о походе на собеседование. Таких пользователей 45%, а данной информации на их страничках около 95%. Личными новостями они тоже делятся чаще. Любопытно, что новости о помолвке и свадьбе встречаются одинаково часто на обоих ресурсах, в то время как объявления о беременности гораздо чаще встречаются на «Facebook» (45%).

Проведя анализ фотографий, которые русские и американские пользователи выкладывают в сеть, мы заметили, что российские пользователи придают большое значение социально одобренным стереотипам оценивания внешнего вида человека на фотографиях. Американцы выкладывают больше фотографий, которые показывают их будни: домашние селфи, вид из окна, фото с коллегами и с соучениками, изображение домашнего любимца. Русские же стремятся показать себя в соответствии с одо-

брюемыми моделями самопрезентации и преимущественно выставляют фотографии с «особых событий» – дней рождений, встреч с друзьями, прогулок, вечеринок, отдыха, профессиональных фотосессий. Это свидетельствует о большем конформизме пользователей российского интернет-пространства. Вместе с тем, как подчёркивал Луман, «именно принцип независимости поведения от присутствия других считается в казуистике морали свидетельством его подлинности» [7, с. 556]. Таким образом, американский пользователь более естественен, искренен и раскован в интернет-коммуникации, чем россиянин.

В ленте новостей «Facebook» можно чаще найти серии однотипных фотографий: человек сделал несколько похожих снимков, и не стал выбирать один, а выложил на свою страничку сразу все. «ВКонтакте» такое встречается реже, люди обычно выбирают, какой именно снимок показать миру, и выставляют 1-2 фотографии с одного мероприятия. В американских социальных сетях можно чаще встретить посты, выражающие политические воззрения владельца странички, его взгляды на острые социальные проблемы. Русские пользователи выставляют такую информацию реже и осторожнее. В русскоязычных социальных сетях принято выражать своё мнение посредством репостов записей других людей или групп, в американских социальных сетях люди чаще пишут от первого лица.

При этом и русских, и американских пользователей сближает манера стремиться выгодно себя показать в Интернете, скрыть недостатки и подчеркнуть достоинства. Социальные сети представляют собой своеобразный «социальный рынок», где человек старается показать свои сильные стороны, такими как их принято позитивно оценивать: редактирует внешность в специальных программах, показывает социальный успех (крепкая семья, наличие любимого человека, много друзей), демонстрирует свой статус (фотографии с дорогими автомобилями, из путешествий, в ресторанах). Социальные сети давно перестали быть площадкой для общения с друзьями и просмотра фотографий родственников, живущих в другом городе и бывших одноклассников – теперь это место, где люди, в независимости от страны проживания и национальности, стремятся продемонстрировать и закрепить свой статус, найти новых друзей, произвести впечатление на людей противоположного пола, найти работу.

Обобщая результаты нашего исследования, мы пришли к следующим выводам: во-первых, молодёжь из Америки более открыта к общению с незнакомцами – по сравнению с российскими пользователями. Во-вторых, для американских пользователей очень большую важность имеет непрерывный процесс или воспроизводство саморепрезентации путём публикации фотографий, демонстрирующих их внешность, хорошее материальное положение и социальные успехи. Такая непрерывность, согласно взглядам Лумана, обеспечивает контроль понимания, необходимый для самореферентного процесса [7, с. 200].

Большое количество пользователей выставляет в интернет от двух до пяти постов в день. Тематика постов варьируется, но их цель одинакова: создать социально одобряемый образ индивида. Дихотомия «личное» – «общественное» носит несколько смещённый характер по сравнению с этой же дихотомией среди российской молодёжи. Понятие «личное» всё сильнее и сильнее размывается, многие представители США выкладывают в интернет факты, касающиеся их, которые являются достаточно приватными с точки зрения российских пользователей.

В заключение можно отметить, что главная цель использования молодыми людьми интернет-пространства социальных сетей состоит в конструировании искусственного, чаще социально одобряемого, но иногда и вызывающего образа себя, позволяющего контролировать и направлять электронную коммуникацию. Практически каждый человек, который пользуется Интернетом, или «сидит» в социальных сетях, создаёт красивый, легко идентифицируемый обществом образ, но благодаря

пространственному разрыву визуальных восприятий зачастую далекий от реальности. Молодой человек воплощает на своих страницах в социальных сетях в процессе построения образа собеседника в межкультурной коммуникации преимущественно социальные ожидания молодёжной среды и свое отношение к этим ожиданиям.

Но нам представляется, что эти формы электронной коммуникации вызваны не столько характеристиками социальной реальности, в которых пребывают партнёры по коммуникации, а являются продолжением тех реальных отношений, в которых пребывает каждый участник социальных сетей, но только за их собственными рамками. Так, рассматривая Интернет как своего рода «полигон» собственной личности, он создаёт определённые отправные пункты своих дальнейших действий. Или, как писал Луман, «лучше всего постоянное производство отдельных действий в социальных системах можно понять как осуществление сопутствующего самонаблюдения, благодаря которому элементарные единства маркируются так, что возникают точки опоры для примыкающих действий» [7, с. 229].

Список литературы:

1. Crossley N. Towards Relational Sociology, London: Routledge, 2010. 228 p.
2. Donati P., Archer M. The Relational Subject, Cambridge University Press: Cambridge, 2015. 356 p.
3. Emirbayer M. Manifesto for a Relational Sociology. // American Journal of Sociology. 1997. Vol. 103: №2. P. 281–317.
4. Mische A. Partisan Publics: Communication and Contention across Brazilian Youth Activist Networks. Princeton: Princeton University Press, 2008. 456 p.
5. Браунгарт Р., Браунгарт М. Советская и американская молодежь: сравнительный анализ. // Полис. 1991. № 4. С. 161–166.
6. Косов А.В. Фонарики для чужой души. М.: Издательский дом «Валютный спекулянт», 2007. 168 с.
7. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 648 с.
8. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2013. 432 с.
9. Щорс Т.С. Реформы мировой коммуникации в условиях глобализации: опыт ООН // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, СПб. – 2008. – С. 409–415.

Об авторах:

Синютин Михаил Владимирович – д.соц.н, профессор кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: sinewtin@yandex.ru.

Иванова Анастасия Олеговна – студентка 4 курса факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: greenland4ever@mail.ru.

Акинина Раиса Дмитриевна – студентка 3 курса факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: tkhyvdfvr@mail.ru.

Гонашвили Александр Сергеевич – студент 4 курса факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: gon.01.07.94@yandex.ru.

Ханнолайнен Дарья Андреевна – студентка 4 курса факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: daria.hannolainen@icloud.com.

ANALYSIS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION OF YOUTH ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN AND AMERICAN INTERNET USERS

M.V.Sinyutin, A.O.Ivanova, R.D.Akinina, A.S.Gonashvili, D.A.Hannolainen

St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034.

Abstract. *In this paper, the authors consider the problem of intercultural communication on the example of comparison of images of self-presentation of Russian and American youth who use social networks "Vkontakte" and "Facebook". The authors, in the basis of the idea of double contingently and unity of information, namely the communication and understanding that is used in the theory of Nicholas Luhmann, conducted the survey. In this study, by analyzing public information on personal pages of users in social networks "Vkontakte" and "Facebook", an attempt was made to identify the methods and forms of constructing identity of Russian and American social media users. The article compares and assesses the information that these users post on their personal pages in social networks. In the study the authors come to the conclusion that American users are more dynamic and open in communication than Russian users, however, both groups of users from Russia and from America have been trying to build a positive social image of themselves on the Internet. The article has a theoretical and applied nature, and it will be relevant for researchers studying sociology of youth and intercultural communication.*

Key words: *sociology of youth, comparative study, intercultural communication, self-presentation, social network, identity construction.*

References:

1. Crossley N., Towards Relational Sociology, London: Routledge, 2010. 228 p.
2. Donati P., Archer M. The Relational Subject, Cambridge University Press: Cambridge, 2015. 356 p.
3. Emirbayer M. Manifesto for a Relational Sociology. American Journal of Sociology. 1997. Vol. 103, № 2: P. 281–317.
4. Mische A. Partisan Publics: Communication and Contention across Brazilian Youth Activist Networks. Princeton: Princeton University Press, 2008. 456.
5. Braungart R., Braungart M. Sovetskaiamerikanskaiamolodezh' :sravnitel'nyianaliz [Soviet and American youth : a comparative analysis]. Polis. 1991. № 4. Pp. 161–166 (in Russian). (in Russian).
6. Kosov A.V. Fonariki dlia chuzhoi dushi [Lanterns for another soul]. – Moscow: Izdatel'skiidom «Valiutnyispekuliant», 2007. 168 p (in Russian).
7. Luman N. Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshchei teorii [Of the social system. Essay of General theory]. Sankt-Petersburg: Nauka, 2007. 648 s. (in Russian).
8. Makliuen M. Galaktika Gutenberga: Stanovlenie cheloveka pechataiushchego [The Gutenberg Galaxy: the making of man print]. Moscow: Akademicheskii proekt; Gaudeamus, 2013. 432 s. (in Russian).
9. Shchors T.S. Reformy mirovoi kommunikatsii v usloviakh globalizatsii: opyt OON [Reform of the global communication in the context of globalization: the experience of the UN]. Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena, Sankt-Petersburg. 2008. P. 409–415 (in Russian).

© МГИМО(У) МИД России

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-67951 от 06 декабря 2016 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, к. 4105.
Тел./ факс: (495) 434.94.30
Веб-сайт: [www/conscpt/mgimo/ru](http://www.conscpt/mgimo/ru)
e-mail: concept@mgimo.ru

Выходит 4 раза в год.
Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО(У) МИД России.
119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.
Тираж 2000 экз. Объем 13,08 п.л.
Заказ 317

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder and Publisher:

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Vertificate of registry

ПИ № ФС77-67951, 6 December 2016.

The Publisher Address: 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 4105.
Phone/fax: +7 495 434 9430.
URL: [www/conscpt/mgimo/ru](http://www.conscpt/mgimo/ru);
e-mail: concept@mgimo.ru. ISSN

Published by MGIMO University Press.
Number of printed copies: 2000.

ISSN 2541-8831